

ЛИЦА
РЕВОЛЮЦИИ

ИЛЬЯ РАТЬКОВСКИЙ

ДЗЕРЖИНСКИЙ

ОТ «АСТРОНОМА»
ДО «ЖЕЛЕЗНОГО ФЕЛИКСА»

Илья Ратьковский

**Дзержинский. От «Астронома»
до «Железного Феликса»**

«Алгоритм»

2017

УДК 929 Дзержинский Ф.
ББК 63.3(2)6-8 Дзержинский Ф.

Ратьковский И. С.

Дзержинский. От «Астронома» до «Железного Феликса» /
И. С. Ратьковский — «Алгоритм», 2017

ISBN 978-5-906979-74-2

Когда восемнадцатилетний Феликс Дзержинский в 1895 году примкнул к революционному движению, то в качестве подпольной клички выбрал псевдоним «Астроном». Когда он умер в 1926 году, то друзья и враги уважительно называли его «Железным Феликсом». Для одних он был создавшим ВЧК «первочекистом» и организатором Красного террора. Для других «аскетичным рыцарем революции», который реанимировал экономику России после Первой мировой и Гражданской войн, боролся с коррупцией и беспризорностью. Кем же он был на самом деле? И в честь кого были названы 1342 городских объекта России, площади, улицы, проспекты и переулки?

УДК 929 Дзержинский Ф.
ББК 63.3(2)6-8 Дзержинский Ф.

ISBN 978-5-906979-74-2

© Ратьковский И. С., 2017
© Алгоритм, 2017

Содержание

Введение	6
Дзержинские: происхождение, семья, детство	14
Виленская гимназия и начало революционного пути	34
Первая ссылка и побег	52
Становление легенды: Александровский централ	68
На пути к первой революции	81
Первая русская революция	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Илья Ратьковский Дзержинский. От «Астронома» до «Железного Феликса»

© Ратьковский И. С., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Введение

В геральдике белый цвет (серебро) обозначает нравственные, духовные ценности и безукоризненную чистоту; красный цвет является символом огня, мужества и отваги.

В психологии красный цвет «способствует активности, дружелюбию, уверенности, в больших количествах вызывает гнев и ярость. Дает уверенность в себе, готовность к действию, способствует заявлению о силе и возможностях.

Белый цвет обладает особенностью зрительно увеличивать пространство. Красно-белый флаг Польши.

Революционный 1917 г. выявил в России целую череду фигур, которые в дальнейшем стали известны не только в рамках своей прежней деятельности, но и теперь на новой стезе. Ряд из них, ранее одни из многих, стали знаковыми (культовыми) фигурами: Корнилов, Керенский... Одним из таких деятелей стал Феликс Эдмундович Дзержинский (1877–1926). До революционных событий в России он был известен большинству только как один из представителей польской социал-демократии, но в 1917 г. Дзержинский становится одной из ключевых фигур российского революционного процесса. Назначение его 7 (20) декабря 1917 г. председателем ВЧК обозначит новый этап жизни Дзержинского, с которым преимущественно и будут его позднее ассоциировать.

Подобное схематичное восприятие Феликса Дзержинского надолго станет основой посвященных ему исследований. Безусловно, говоря о Дзержинском, следует дать ему характеристику как чекисту и бессменному руководителю органов безопасности первых лет советской власти ВЧК-ГПУ-ОГПУ. В этом плане необходимо раскрыть деятельность этих органов и обозначить роль Дзержинского в них. Тем более что именно с этими органами советской госбезопасности связана большая часть информации в обществе о нем, в т. ч. и большая часть стереотипов.

«Железный Феликс», прозвище, которое Дзержинский получил от своих товарищей, было подхвачено современниками и вошло в формирующийся образ непреклонного чекиста. При этом «Железного Феликса» уже при его жизни воспринимали по-разному. Кто-то считал его рыцарем революции, а кто-то чекистским палачом, красным катом. Это крайние точки зрения, более связанные с политическими пристрастиями людей, характеризующими Дзержинского, чем объективные характеристики конкретного политического и государственного деятеля, реального человека. С одним, безусловно, можно согласиться – это была неординарная фигура, в которой переплелись самые разные моменты истории России и Польши.

Красное и белое во многом определило его биографию. Это были цвета его Родины – Польши, это цвета ярости, крови, гнева и одновременно рыцарственности, чистоты замыслов, бескрайнего пространства. Это цвета основных сторон Гражданской войны в России. Это образ Дзержинского, в котором переплелось красное с белым.

Восприятие Дзержинского изначально развивалось в двух направлениях: литературном и историческом. Литературность образа Дзержинского проявилась в многочисленных произведениях писателей, где он стал героем или прообразом героя. Начало этому процессу положил еще известный русский литератор Г. И. Чулков. Находившийся с Дзержинским в знаменитом Александровском центре в начале XX века, он использует свои впечатления о нем и его товарище эсере Сладкопевцеве при написании дореволюционных рассказов «На этапах» и «Пустыня». Позднее он расскажет в своих мемуарах и об Александровском бунте,

участниками которого были, среди прочих, и он, и Дзержинский¹. После революции и последующих лет Дзержинский стал героем многих советских произведений. Упомянем только некоторые, наиболее известные: это поэма А. И. Безыменского «Феликс» (1927), небольшое, но емкое стихотворение Эдуарда Багрицкого «ТВС» (1929), поэма С. Г. Сорина «Товарищ Дзержинский» (1957), повесть Ю. М. Королькова «Феликс – значит счастливый...» (1974), исторический роман Юлиана Семенова «Горение» (1977–1987), повесть Ю. П. Германа «Рассказы о Дзержинском» (1979) и т. д.

Не раз становился Феликс Эдмундович Дзержинский героем или прообразом героя и для произведений иностранных авторов. Иногда это была литературно-публицистическая попытка изложения биографии Дзержинского, иногда гротеск, не имевший ничего реального с персонажем. В первом ключе образ Дзержинского в 1930-х гг. нарисовал Роман Гуль в небольшой книжке «Дзержинский»², во втором, в этот же период, опубликовал свою книгу «Дзержинский, красный палач, золотое сердце» («Dzierzynski, czerwony kat, złote serce») Богдан Роникер (Bogdan Jaxa-Ronikier)³. Указанные книги (не раз переизданные), мягко говоря, неоднозначны, но также рисуют свой – темный образ Дзержинского. Есть и другие художественные иностранные произведения, где выведен Дзержинский. Так, в западноевропейской литературе интерес представляет интерпретация его образа в романе выдающегося английского писателя Уильяма Сомерсета Моэма (1874–1965) «Рождественские каникулы», в котором Дзержинский занимает важное место в системе персонажей⁴. Отметим, что это взгляд не только английского писателя, но и британского разведчика, которым был Моэм.

Можно отметить и попытки научного изучения биографии Дзержинского на Западе. Среди последних работ, удачно раскрывающих личную жизнь Дзержинского, но в меньшей степени государственную деятельность, отметим исследование Сильвии Фролов, переведенную на русский язык. Польский период жизни Дзержинского в ней дан на хорошем уровне. К сожалению, в советском периоде часто присутствуют грубые ошибки. Укажем только на один характерный момент, свидетельствующий о знании автором советских реалий. Для нее убийца Урицкого, террорист Каннегисер, эсер, а не энес, левые и правые эсеры и савинковцы – также некое общее явление под термином «эсеры». Много и других ошибок. Вместе с тем отметим, что иногда, следуя за предшественниками, автор все же не стремится идти по пути приятия любой лжи про Дзержинского и, хотя часто ошибается, но пытается быть объективной⁵.

Использование образа Дзержинского в литературе – лишь один из аспектов его отражения в рисуемых позитивных и негативных символах революции. Автору близок образ Дзержинского в стихотворении Э. Багрицкого «ТВС», но и оно не раскрывает всего Дзержинского, его сути, противоречий его личности.

Отчасти, раннего, дореволюционного Дзержинского можно понять, читая его дневники и письма. Тюремный дневник и тюремные письма, открытки и письма к родным, часто издавались еще в советский период⁶. В этот же период были частично опубликованы его письма к Маргарите Николаевой, одной из женщин, которую он любил. Уже в начале XXI века они были опубликованы полностью А. А. и А. М. Плехановыми⁷. Известны сейчас и его

¹ Чулков Г. И. Годы странствий. М., 1999.

² Гуль Р. Дзержинский, Менжинский – Петерс, Лацис – Ягода. Париж, 1936.

³ Jaxa-Ronikier B. Dzierzynski. Czerwony Kat. Krakov, 1990.

⁴ Никола М. И., Петрушова Е. А. Образ Дзержинского в романе Сомерсета Моэма «Рождественские каникулы» // Филология и культура. 2015. № 3.

⁵ Фролов Сильвия. Дзержинский. Любовь и революция. М., 2017.

⁶ Дзержинский Ф. Дневник. Письма к родным. М., 1958; Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984.

⁷ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой / подг. текста, сост. и вступ. ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007.

письма к Сабине Файнштейн, также одной из его любимых женщин. Впоследствии этими же авторами был издан комплекс личных источников Дзержинского⁸. Все это, наряду с краткой автобиографией Дзержинского, его литературным изложением побега из второй ссылки, рядом статей Дзержинского указанного периода, послужило одной из основ первых глав данной книги. Важным моментом были архивные материалы о семье Дзержинского, которые содержатся в российских архивах: РГАСПИ, ЦГИА СПб и других.

Гораздо меньше материалов о личной жизни Дзержинского после 1917 г. Да, известны отдельные его личные письма, есть множество воспоминаний о нем, но нет таких открытых источников, как ранее. У Дзержинского просто нет в этот период времени вести дневники, нет времени писать пространные письма. Здесь приходится опираться больше на документы. Там больше государственного, меньше личного, но и они дают многое для понимания личности Дзержинского. Впрочем, материалы фонда Политбюро РГАСПИ хорошо фиксируют отпуска Дзержинского, его состояние здоровья.

Сейчас в научный оборот введены сотни документов, связанных с деятельностью Ф. Э. Дзержинского, прежде всего на посту Председателя ВЧК-ОГПУ. Прежде всего следует упомянуть основывающийся на фондах ГА РФ, РГАСПИ и Центрального Архива ФСБ сборник документов, подготовленный А. А. и А. М. Плехановыми⁹. Этот сборник дополняет ранее изданные документальные сборники по истории ВЧК, а также по общеполитическим вопросам истории Советской России¹⁰. Отметим, что ряд важных документов, характеризующих деятельность Ф. Э. Дзержинского, не вошли в указанный плехановский сборник. Однако они были опубликованы ранее в других фундаментальных сборниках, что дало возможность в данной книге восполнить указанный пробел А. Г. Тепляковым в его рецензии на плехановский сборник¹¹. Также важным дополнением послужили статьи и интервью Дзержинского в советских газетах и журналах, а также тексты его выступлений и письма. Отметим в этом отношении публикацию последних писем Дзержинского в журнале «Коммунист» за 1987 г.¹²

Сразу отметим, что без изложения революционного процесса XX века характеризовать, исследовать личность Дзержинского невозможно. Поэтому предметом данной книги будет вся биография Дзержинского, начиная с его происхождения и ранних лет жизни. Это важный момент. Например, в период Виленской гимназии сложатся важные для будущей биографии Дзержинского отношения (Гольдманы, Сольц и т. д.)¹³. Важным представляется и момент знакомства Дзержинского с другими деятелями российского и европейского революционного движения. Безусловно, раскрыть все аспекты биографии Дзержинского в рамках одной книги крайне сложно, поэтому в данном исследовании автором сделан акцент на основных вехах биографии Дзержинского. Ряд сторон его деятельности будет раскрыт менее подробно, ряд более подробно. В данном случае для автора имел значение именно личностный подход к биографии Дзержинского, выявление ключевых поворотных фактов

⁸ Дзержинский.... Всевозвышающее чувство любви... Документы. Письма. Воспоминания /сост. А. М. Плеханов, А. А. Плеханов М., 2013.

⁹ Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 /сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М., 2007.

¹⁰ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, 1917 – 1921 гг.: Сборник документов / Редкол.: Белов Г. А., Куренков А. Н., Логинова А. И. и др.; Сост.: Гончаров А. К. и др. М., 1958; Ф. Э. Дзержинский о революционной законности //Исторический архив. 1958. № 1; В. И. Ленин, КПСС о борьбе с контрреволюцией/ Сост. Г. С. Хозхлюк. М., 1978; В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922). М., 1987; Большевицкое руководство. Переписка 1912–1927. Сборник документов. М., 1996; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. М., 2003 и т. д.

¹¹ Тепляков А. Г. Рецензия на книгу Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 //Вестник Новосибирского государственного университета. 2011. Т. 10. Вып. 1: История. С. 219–222.

¹² В предчувствии перелома. Последние письма и записки Ф. Э. Дзержинского //Коммунист. 1989. № 8.

¹³ Ратьковский И. С. «Гимназистки влюблялись в него по уши». Виленская гимназия в жизни «Железного Феликса». 1887–1896 //Новейшая история России. 2014. № 2; Ратьковский И. С. А. А. Сольц и Ф. Э. Дзержинский: история взаимоотношений //Евреи Европы и Ближнего Востока: История, социология, культура. Материалы Международной научной конференции. Сер. «История и этнография». 2014. СПб., 2015.

его жизни, что привело его в революционное движение, когда он становится революционером-интернационалистом, как он становится председателем ВЧК и почему меняется его мировоззрение в тот или иной период деятельности?

Сама работа не могла бы состояться без учета вклада предшественников по изучению его деятельности. Поэтому укажу ряд исследований и воспоминаний, которые были выполнены в более ранний период. Прежде всего отмечу, что о деятельности и личности Ф. Э. Дзержинского много писали его современники. Это были воспоминания его соратников, товарищей по партии, а также его противников, чаще всего оказавшихся в эмиграции. Известны воспоминания чекистов Я. Х. Петерса, М. И. Лациса, В. Р. Менжинского, И. С. Уншлихта, В. Н. Манцева, С. Г. Уралова, Ф. Т. Фомина, В. И. Герсона, А. Я. Беленького, С. Г. Тихомолова и многих других. Эти воспоминания неоднозначны, т. к. ряд из авторов находились в конфронтации к Дзержинскому (о чем не упоминают Петерс, Лацис), другие написали их непосредственно в 1926 г., после смерти Дзержинского, что задавало их тон. Мемуары более позднего периода также субъективны. Тем не менее, эти воспоминания дают определенную ценную информацию о Дзержинском и его деятельности в ВЧК-ГПУ-ОГПУ. Можно согласиться с В. Р. Менжинским, что «говорить о Дзержинском-чекисте – значит писать историю ВЧК-ГПУ как в обстановке гражданской войны, так и в условиях нэпа»¹⁴.

К этим же воспоминания примыкают мемуары советских политических деятелей. Опять-таки многие из этих воспоминаний вышли после июля 1926 г. Частично эти мемуары впоследствии входили в сборники воспоминаний о Дзержинском, переиздававшиеся и выходившие в СССР массовыми тиражами. Наиболее известными такими сборниками были «О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников» и «Рыцарь революции»¹⁵. Среди мемуарной литературы также выделяются воспоминания его родственников. Прежде всего, это воспоминания его жены¹⁶. Упомянем и полумемуарную юношескую биографию Дзержинского, которую написала его племянница¹⁷. Есть краткие мемуары Яна Феликсовича Дзержинского, позднее ряд интервью дал внук Ф. Э. Дзержинского.

Существуют также мемуары эмигрантов, в которых Дзержинскому отводились страницы, а иногда и отдельные главы. О Дзержинском писали и вспоминали С. П. Мельгунов, Ф. И. Шалапин, В. Н. Сперанский и многие другие. Их воспоминания носят явно пристрастный характер, в т. ч. учитывающий результаты встреч с Дзержинским. С этой точки зрения надо рассматривать работы и воспоминания историка Мельгунова, который допрашивался Дзержинским, затем отпускался им на свободу, но впоследствии он делал акцент только на негативных моментах биографии Дзержинского и ВЧК. Личные пристрастия Мельгунова закономерно приводили его к фальсификации событий Гражданской войны¹⁸. Однако без эмигрантских источников, при всей их ангажированности, сложно составить целостную оценку Дзержинского. В этом плане очень важны мемуары Валентинова, подчиненного Дзержинского в ВСНХ¹⁹. Интерес представляет и сопоставление красных и белых мемуаров в освещении деятельности Ф. Э. Дзержинского. Критически подходя к красным и эмигра-

¹⁴ Менжинский В. Р. Рыцарь революции // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987.

¹⁵ О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987; Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967.

¹⁶ Дзержинская С. С. В годы великих боев. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1975.

¹⁷ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977.

¹⁸ Ратьковский И. С. «Красный террор» С. П. Мельгунова // Проблемы исторического регионоведения. Сборник научных статей. Вып. 3. СПб., 2012.

¹⁹ Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М., 1991.

ционным мемуарам, понимая их особенности, можно извлечь из них необходимый политический и биографический материал.

Первые биографии Дзержинского, вышедшие в СССР в тридцатые годы, носили очерковый характер. Как правило, их основу составляли авторские воспоминания. Среди подобных книг (вышли в 1930-е гг.) – биографии А. И. Микояна, Ф. Кона и других²⁰. Во второй половине 1950-х гг. явно виден новый всплеск интереса к личности Дзержинского. Именно с этого периода начинается научное изучение его биографии. Среди советских исследований следует выделить хорошо известные специалистам, неоднократно переиздаваемые, биографии Ф. Э. Дзержинского: П. С. Сафонова, А. Ф. Хацкевича, Н. И. Зубова, А. В. Тишкова, С. С. Хромова, А. С. Велидова и многие другие²¹. Безусловно, эти исследования создавались в определенных идеологических условиях. Это приводило к упрощению биографии Дзержинского, которую «вписывали» в историю партии как пример жизненного пути «верного ленинца», без акцентирования имевшихся у него разногласий с В. И. Лениным. Всегда относившийся к Ленину с уважением, Дзержинский, тем не менее, неоднократно занимал противоположную ему позицию. Достаточно упомянуть Брестский мир и создание СССР. Упрощались и другие моменты биографии первого чекиста. Речь шла как о его происхождении, так и о его деятельности на разных государственных постах. Тем не менее, именно этими авторами были сделаны первые научные биографии Дзержинского, введен целый пласт новых источников. Особо отметим работы А. С. Велидова, известного историка ВЧК²².

В постсоветский период также вышел ряд биографий Ф. Э. Дзержинского. Некоторые из них носили явно «разоблачительный», «заказной» характер. Типичный пример – книга А. Иванова «Неизвестный Дзержинский. Факты и вымыслы», которая была издана в 1994 г.²³ Вымыслов там, к сожалению, действительно больше, чем фактов. Последних практически нет. Все вследствие задачи автора – очернить Дзержинского.

В чем-то схожа в подходе к биографии Дзержинского работа И. Симбирцева²⁴. Не разбирая ее полностью, отметим, что в книге есть отдельная 7-я глава, посвященная Ф. Э. Дзержинскому. Отметим, что в отличие от А. Иванова, И. Симбирцев пытается создать более объективный образ Дзержинского. Некоторые его положения представляют, на наш взгляд, интерес. Среди них разделение «чекистской биографии» Дзержинского на период до и после 1918 г. Так же интересна авторская трактовка последних лет его жизни, где сделан акцент на «усталость» и определенную «внесистемность» Дзержинского. Вместе с тем работа не отличается проработанностью и в ней наличествуют грубые ошибки и неоднозначные авторские замечания. Так мы «узнаем», что Дзержинский якобы никогда не вспоминал своей матери после ее смерти. Странно, что автор не читал дневник Дзержинского, его письма, в которых он о ней часто и проникновенно пишет. Его поступление в Виленскую гимназию Симбирцев трактует как уход из дома. По логике автора все поступающие в гимназии «бегут» из дома. При том, что мама Дзержинского выехала вместе с сыном и долгое время жила вместе с ним. Один из первых псевдонимов, «Переплетчик», Дзержинский якобы получил

²⁰ Микоян А. И. Феликс Дзержинский. М., 1937; Кон Ф. Феликс Эдмундович Дзержинский: Биографический очерк. М., 1939.

²¹ Софинов П. С. Страницы из жизни Ф. Э. Дзержинского. М., 1956; Хацкевич А. Ф. Феликс Дзержинский – пламенный боец за коммунизм. Минск, 1957; Хацкевич А. Ф. Рыцарь революции. М., 1967; Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского... 4-е изд., доп. Минск, 1982; Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский. Биография. М., 1963; Тишков А. В. Первый чекист. М., 1968; Тишков А. В. Дзержинский. 4-е издание. М., 1985; Хромов С. С. По заданию Ленина. Деятельность Ф. Э. Дзержинского в Сибири. М., 1964; Хромов С. С. Феликс Эдмундович Дзержинский на хозяйственном фронте. М., 1977; Велидов А. С. Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. 4-е изд. М., 1987.

²² Велидов А. С. Коммунистическая партия-организатор и руководитель ВЧК (1917–1920). М., 1970; Велидов А. С. К истории ВЧК-ОГПУ. Без вымысла и купюр. СПб., 2011.

²³ Иванов А. Неизвестный Дзержинский. Факты и вымыслы. М., 1994.

²⁴ Симбирцев И. ВЧК в ленинской России. 1917–1922. М., 2008.

после побега из Нолинска (к слову, бежал он не из Нолинска, а из Кая), хотя это было до его первой ссылки. Пытаясь осветить личную жизнь Дзержинского, Симбирцев не в курсе существования Сабины Файнштейн. Сын Дзержинского, Ясек Дзержинский, оказывается, родился в тюремной больнице, а не в тюремной камере, где вместе с женой сидела женщина-детоубийца. В ВРК Дзержинский, по Симбирцеву, был назначен после Октябрьской революции... Впрочем, далее в послеоктябрьский период также много подобных авторских ляпов и «открытий». От вроде бы небольших, таких как вербовка Филлипова в 1918 г., а не в 1917 г., как было на самом деле, до явной фальсификации: осенью 1918 г. Дзержинский выехал якобы в Швейцарию на курорты для поправления здоровья. Никакого лечения там не было, была встреча с семьей, были позднее переговоры с германскими левыми социал-демократами и многое другое, но лечения не было. Упомянем и «январский разнос Ленина» 1919 г. Дзержинскому за ограбление ленинского автомобиля бандой Кошелькова. Какой мог быть разнос, если Дзержинский вместе со Сталиным уехали раньше, еще за две недели, расследовать «Пермскую катастрофу» в Вятку и вернулись оттуда еще через больший срок? Откуда взял этот разнос Симбирцев, известно только ему, хотя он дважды в этой главе в разных местах (во второй раз на нескольких страницах!) подает это как достоверный факт. Винцент Матушевский был расстрелян в октябре 1918 г., но как это могла, по Симбирцеву, сделать колчаковская контрразведка, если еще и переворот-то не состоялся? Сначала Дзержинский, по Симбирцеву, возглавил Наркомат путей сообщений, а затем НКВД РСФСР. Было же все наоборот. Дзержинский, оказывается, мог в 1920 г. возглавить польское советское правительство, т. к. был назначен главой польского ВРК. Станным образом Симбирцев не увидел реального председателя Польревкома Ю. Мархлевского. Впрочем, ссылок на что-либо у Симбирцева мало, а если они есть, то странные. Он лично выявляет документ в архивах, а затем его цитирует по публикации Н. Н. Непомнящего. Он лично считает воспоминания о беспризорниках Тихомолова фальсификацией, забывая о других схожих воспоминаниях, в т. ч. будущего академика, которого также, только ранее, извлекли из асфальтного котла в Москве. Есть подобное и дальше, например о якобы разрыве Дзержинского с женой в 1923 г., который делает автор, не заметив их совместного отдыха в этот и последующие годы. Впрочем, это опять без ссылок...

Можно также упомянуть работы современного публициста-исследователя Л. М. Млечина²⁵. В них он выявил ряд важных для автора этой книги моментов. Прежде всего это касается истории ряда родственников Ф. Э. Дзержинского, в т. ч. их судьбы после смерти первого руководителя советских органов безопасности. Также интерес представляет взгляд Млечина на взаимоотношение Дзержинского с большевистскими лидерами: В. И. Лениным, И. В. Сталиным, Л. Д. Троцким. Этим же сюжетам посвящена отдельная глава неоднозначной книги Д. Рейфилда²⁶. К сожалению, этот автор часто просто идет за вымыслами упомянутого выше Роникера, и работа от этого не выигрывает в научности.

В этом отношении очень много данной книге дало выполненное на основе многочисленных архивных материалов недавнее монографическое исследование известного московского историка С. С. Войтикова. Его концепция событий лета-осени 1918 года и последующего полугодия заслуживает отдельного выделения в плане разработки отношений лидеров большевиков в этот период, в т. ч. Дзержинского, Сталина, Ленина, Троцкого, Свердлова²⁷. Важным для книги были введенные С. С. Войтиковым в научный оборот архивные материалы по истории ВЧК и МЧК.

²⁵ Млечин Л. М. Председатели органов безопасности. Рассекреченные судьбы. М., 2001.

²⁶ Рейфилд Г. Гл. 2. Сталин, Дзержинский и ЧК // Сталин и его подручные. М., 2008. С. 70–121.

²⁷ Войтиков С. С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. М., 2017.

Среди других научных работ, посвященных Дзержинскому, следует обязательно отметить насыщенное фактами исследование А. М. Плеханова «Дзержинский. Первый чекист России»²⁸. Эта книга очень хорошо раскрывает основные направления деятельности ВЧК-ОГПУ в 1917–1926 гг., в меньшей степени она характеризует самого Дзержинского. Это скорее сборник статей автора, его выступлений на «Лубянских чтениях», чем биография Дзержинского. Позднее у него вышла другая книга, близкая по содержанию, «Кто вы, «Железный Феликс»?»²⁹. Однако, несмотря на некоторую схематичность освещения личности Дзержинского, именно А.М. и А. А. Плехановым мы обязаны изданием целого массива документов и материалов о Ф. Э. Дзержинском. На наш взгляд, любая биография Дзержинского невозможна без использования этих материалов.

Отдельно следует упомянуть и книги московского исследователя С. А. Кредова, посвященные Дзержинскому³⁰. В них раскрывается вся биография Дзержинского, различные стороны его деятельности, в т. ч. на посту председателя ВСНХ, наркома железных дорог и т. д. Отметим хороший литературный слог, логичность повествования. Работа может считаться одной из лучших последних биографий Дзержинского, несмотря на имеющиеся в ней фактические ошибки. Есть явные ошибки в биографии отца Ф. Дзержинского. Также Кредов отрицает роль Дзержинского в бунте в Александровском центре, хотя существуют многочисленные воспоминания об этих событиях, в т. ч. у указанного выше Чулкова. Есть отдельные замечания по советскому периоду. Но, повторяю, данные замечания не обесценивают хорошую работу.

Необходимо также указать на имеющиеся многочисленные исследования по истории ВЧК-ОГПУ, где Дзержинскому закономерно уделено внимание. Историография ВЧК-ОГПУ очень обширна, поэтому упомяну свою работу, где я дал им краткую характеристику³¹.

Необходимо упомянуть и литературу, посвященную Дзержинскому как руководителю высших экономических органов Советской республики. До сих пор очень важны в этом плане упомянутые работы С. С. Хромова. Их дополняет изданная в более поздний период книга О. Р. Лациса «Перелом», где Дзержинскому уделено много страниц³². Данная работа была продолжением прежних исследований Лациса³³. Из последних публикаций можно отметить статью М. А. Рогачевской³⁴.

В 2016 г. исполнилось 90 лет со дня смерти Дзержинского, в 2017 г. исполняется 140 лет с его рождения и 100 лет Российской революции, 100 лет со дня образования ВЧК, 95 лет со дня создания ГПУ. Эти даты не только информационный повод, но и повод раскрыть биографию Феликса Дзержинского на фоне революционных исторических событий. В данной книге хотелось бы отойти от стереотипов, говорить не только об известном политическом деятеле, а о конкретном человеке, его взглядах, их эволюции, его окружении, о ключевых личностных моментах биографии Дзержинского и т. д. Все это, по мнению автора, может позволить создать более точный портрет Феликса Дзержинского.

Еще один момент, важный для автора книги: 11 сентября родился Феликс Дзержинский, и в этот же день, только в 1938 г., родилась моя мама, учитель русского языка и литературы Ратьковская Татьяна Николаевна. Ей и отцу, учителю истории Сергею Ивановичу Ратьковскому, я посвящаю эту книгу. Нам с братом вас очень не хватает....

²⁸ Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007.

²⁹ Плеханов А. Кто вы, «Железный Феликс»? М., 2013.

³⁰ Кредов С. А. Дзержинский. М., 2013; Кредов С. А. Феликс Дзержинский. Вся правда о первом чекисте. М., 2016.

³¹ Ратьковский И. С. Красный террор в 1918 и ВЧК. Карающий меч ВЧК. Саарбрюккен, 2011.

³² Лацис О. Р. Перелом. Опыт прочтения нескретных документов. М., 1990.

³³ Лацис О. Р. Искусство сложения: Очерки. М., 1984.

³⁴ Рогачевская М. А. В поиске «правильной линии в управлении страной и хозяйством»: Ф. Э. Дзержинский //Историко-экономические исследования. 2013. Т. 14. № 1–2. С. 45–72.

Хотелось бы также выразить свою благодарность людям, которые оказывали автору поддержку на протяжении всей работы по подготовке журнальных публикаций по заявленной теме, выступлениях в средствах массовой информации, подготовке книги: директору Института истории СПбГУ д.и.н. А. Х. Даудову, заведующему кафедрой Новейшей истории России Института истории СПбГУ проф. М. В. Ходякову, к.и.н. А. И. Колпакиди, к.и.н. С. С. Войтикову, к.и.н. Е. Н. Яковлеву, к.и.н. А. В. Вороновичу (Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина), научному сотруднику научно-образовательного отдела Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина С. В. Алексееву, к.и.н. Н. И. Богомазову (Институт истории СПбГУ), польскому историку Ежи Чаевски, израильскому историку к.и.н. В. В. Каминскому, работникам музея Ф. Э. Дзержинского в Дзержиново (Республика Беларусь), сотрудникам российских архивов и библиотек. Особая благодарность моей жене к.и.н. Н. А. Ратьковской, которая на протяжении многих лет видела мою работу и была первым ее слушателем и критиком.

Дзержинские: происхождение, семья, детство

В доме-музее Ф. Э. Дзержинского в бывшем имении Держиново Ивенецкого района Минской области Республики Беларусь есть прослеженное сотрудниками музея до середины XVII столетия генеалогическое древо рода Дзержинских. Это достаточно старинный дворянский род, имеющий генеалогические связи со многими, прежде всего польскими и белорусскими, фамилиями, что подтверждает родовой герб «Сулима», к которому он относится. Отметим, что фамилия Держаньски (Dzierżański) упоминается еще в гербовнике Кацпра Несецкого³⁵. В дальнейшем эта фамилия превратилась в Дзержински³⁶. Данный гербовник, наряду с документами, подтверждающими владение крепостными крестьянами, использовался с середины XVIII века как доказательство польского дворянского происхождения.

Задолжествованным основателем рода на данный момент правомерно считается поляк Станислав Дзержинский³⁷. Его сыном был Николай Дзержинский (умер в 1703 г.), о котором известно, что он уже в чине ротмистра кавалерии³⁸ (патент получил от польского короля Яна Казимира 11 апреля 1663 г.) приобрел в 1866 г. по купчей крепости от чашника³⁹ Бурдо (Бурбы) в Крожском (Кражяйском) повете Самогитского княжества недвижимое имение «Спицы» («Спице») с десятью крестьянскими дворами⁴⁰.

Самогитское княжество⁴¹ в этот период входило как автономное образование в состав Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтйского, а затем в состав Речи Посполитой⁴². Территориально княжество находилось на землях западной части современной Литвы. Поселение же Крожи (ныне поселок городского типа Кражай Кельмеского района в Шяуляйском уезде Литвы) имело уже к этому времени длинную историю, включающую и дохристианские жертвы богине охоты Меджиойме (Медейна), и вхождение в состав Ливонского ордена, и обратное возвращение в состав Литовских земель.

Само купленное имение (помимо плодородных угодий в нем имелось около 100 га леса) располагалось на разоренной войнами территории: сразу несколько государств вели здесь незадолго до его приобретения военные действия. Особенно близлежащие территории пострадали, когда в военный конфликт Речи Посполитой и Московской Руси, вызванный восстанием Богдана Хмельницкого на Украине, вмешалась в 1655 г. Швеция. Польско-литовские земли неоднократно разорялись шведскими, русскими, украинскими и даже татарскими отрядами. Только в 1660 г. между Речью Посполитой и Швецией был заключен Оливский мир, в результате чего сосредоточившиеся на русских войсках поляки в 1661 г.

³⁵ Держаньские герба Сулима с воеводства Равского в Центральной Польше.

³⁶ Возможно, что происхождение фамилии Дзержинских (Держаньски) шло от села Держно (Dzierżno) в померанском воеводстве (перед разделами Польши в т. н. Королевской Пруссии) в повете (уезде) Бродница.

³⁷ Сильвия Фролов упоминает, как первого упомянутого в книгах Дзержинского, представителя Пинского уезда Кшиштофа Дзержинского (1632). Вместе с тем она не связывает его родственно со Станиславом Дзержинским, просто отмечая данный факт // *Фролов Сильвия. Дзержинский. Любовь и революция*. М., 2017. С. 23.

³⁸ Ротмистр в польской армии командовал пехотной сотней или конной хоругвью.

³⁹ Придворная должность, известная в Великом княжестве Литовском с 1409 г., с XVII в. известна также под польским названием «чесник».

⁴⁰ *Гуль Р. Дзержинский*. М., 1992. С. 8; *Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России*. М., 2007. С. 18; Материалы дома-музея Ф. Э. Дзержинского в Держиново.

⁴¹ Княжество Жемайтия, Жмудь или Самогития, герб – на золотом поле черный, стоящий на задних лапах медведь с червлеными глазами и языком.

⁴² Российские императоры, до Николая II включительно, носили титул Самогитского князя. В российских войсках был гренадерский самогитский полк, сформированный в декабре 1818 г. из числа польских уроженцев. Он участвовал в подавлении польского восстания 1830–31 гг., просуществовал до 1918 г. // *Абаза К. В. Краткая история 7-го Гренадерского Самогитского генерал-адъютанта графа Тотлебена полка*. М., 1888.

вернули Вильно. Однако военные действия велись здесь вплоть до Андрусовского перемирия 1667 г. между Россией и Речью Посполитой. Поэтому хотя имение и было достаточно большим, но дохода особого не приносило.

Николаю Дзержинскому по духовному завещанию наследовал 4 мая 1703 г. его сын Якуб (Яков)⁴³. Он родился в Слонимском районе Жемайтийского княжества. Благодаря службе различным более знатным польским родам он укрепил свое положение. В результате Якуб Дзержинский имел уже два земельных владения: одно – усадьба Кохиншики от маршала Слонимского пана Воловича; и другое, наследственное – Спице, которая находилась в том же Крожском районе Жемайтийского княжества. Вскоре после наследования отцовской усадьбы последовала удачная женитьба на дворянке Тересе (Терезе) Сыртовт (Syrtowtywna), которая укрепила материальное положение семьи. В двадцатых годах XVIII века жена сделала Якубу Дзержинскому дарственный акт на 10 тыс. талеров⁴⁴. В этом документе отмечалось, что пожертвование сделано «в честь признательности за примерное поведение в супружестве и как поощрение в дальнейшем». Сумму эту позднее она завещала своей дочери Марцианне (Марии)⁴⁵. После смерти Тересы Якуб Дзержинский женился вторично и в этом браке также имел детей. За время совместной жизни с Барбарой Талмонт у них родилось 3 сына: Вавржинец (Лаврентий), Рох (Рохат) и Антоний (Антон).

11 февраля 1755 г., после смерти Якуба, все его сбережения и имение в Кохиншиках перешли к жене по второму браку Барбаре (Варваре) и ее детям, за исключением закладной суммы, которая отошла к Марцианне. Она же, в свою очередь, по духовному завещанию все имущество, доставшееся ей после смерти матери и отца, передала родным братьям: Антонию, Вавржинцу⁴⁶ и Роху⁴⁷. Антоний в силу естественного права и завещания, составленного отцом и матерью, был выбран среди братьев наследником. На него легли различные обязанности, касающиеся дома и семьи в целом. Также отметим, что Антоний был хорунжим в польском войске⁴⁸. К этому же периоду также относятся упоминания в ряде архивных документов некоего урядника Дзержинского, женатого на Екатерине Пашковской и служившего при польском короле Станиславе Понятовском.

Все трое братьев по определению Литовско-Виленского дворянского депутатского собрания 5 марта 1799 г. были внесены в дворянскую родословную книгу Минской губернии⁴⁹. Впоследствии потомки Роха и Антония, в том числе и их сыновья, были также вписаны в дворянскую родословную книгу Минской губернии по определению Минского дворянского собрания 18 июня 1819 г. и 7 октября 1861 г.⁵⁰ В определении 1819 г., сделанном председателем шляхты Минской губернии, статским советником, кавалером ордена Святого Станислава первой степени Михаилом Антоновичем Деспот-Зеновичем⁵¹ из Братошина, а также

⁴³ Плеханов А. М. Первый чекист России. М., 2007. С. 18.

⁴⁴ Во время правления польского короля Яна II Казимира в 1663 г. была отчеканена первая серебряная монета номиналом 1 злотый (соответствовала 1/3 талера). При общем весе 6,726 г она содержала всего 3,36 грамма чистого серебра.

⁴⁵ Материалы дома-музея Ф. Э. Дзержинского в Дзержиново.

⁴⁶ О потомстве Вавржинца неизвестно.

⁴⁷ У Роха было два сына: Ян (Иван, р. 1837) и Юзеф (Иосиф, р. 1799). У последнего было несколько сыновей: Матфей (Матвей), Иван-Петр // Материалы дома-музея Ф. Э. Дзержинского в Дзержиново.

⁴⁸ Хорунжий – офицер, руководивший ополчением одного повета, в его функции входила организация ополчения. Один из высших постов в земском правлении Речи Посполитой.

⁴⁹ Плеханов А. М. Первый чекист России. М., 2007. С. 18.

⁵⁰ В том числе сын Антония Дзержинского Юзеф-Ян и сын последнего Эдмунд-Руфин Дзержинские // Плеханов А. М. Первый чекист России. М., 2007. С. 18–19.

⁵¹ Деспот-Зенович М. А. – предводитель минского дворянства в 1814–1823 гг., Деспот-Зенович – литовский дворянский род, герба Зенович. Предок их Братош и сын его Зиновий упоминаются в 1401 г. в числе литовских вельмож, подписавших акт о верности польскому королю. Внук Зиновия, Юрий Иванович Зенович, был в 1507 г. наместником смоленским. В XVI в. двое Деспот-Зеновичей были кастелянами смоленскими и один – воеводой брестским. Приставку «Деспот» род

депутатами минской губернии, говорилось: «Депутаты Минской губернии, ознакомившись с документами, постановили, что предки рода Дзержинских имели все права и привилегии шляхетского рода, при том имели земельный надел, а также пользовались всеми свободами, полученными от правящих монархов. Поэтому предводитель шляхты Минской губернии и районные депутаты постановили, что семья Дзержинских, происходящая от Юзефа с сыновьями Винцентом и Онуфрием, признается шляхетной, приписывается в книгу шляхты Минской губернии, о чем будет выдано свидетельство (подтверждение) на имя Юзефа, сына Антония Дзержинского».

Согласно этому же определению, более бедные и менее родовитые, по сравнению с другими шляхетскими родами, дворяне Дзержинские в XVIII–XIX веках работали экономами в более богатых и знатных польско-литовских дворянских домах Ванковичей⁵², Оскерков⁵³ и других.

Упомянутый выше хорунжий Антоний (1755 – первая половина XIX века), женатый на Констанции Адамович известного польского рода Лелива, был прадедом Феликса Дзержинского. У него была два сына – старший сын Юзеф-Ян (Джозеф-Джон) и младший – Игнатий-Иван⁵⁴. Старший сын Антония Дзержинского – Юзеф-Ян Дзержинский (1788–1854) был дедом Феликса. У него в браке с Антуанеттой (Антониной) Озембловской (1799–1869) из герба Радвана и родился отец Феликса Дзержинского.

Именно с этим браком, скорее всего, и следует связывать приобретение имени, позднее известного как Дзержиново, а ранее значившегося как Оземблово (*Oziembłowo*). После упомянутого брака имение вскоре поменяет название на Дзержиново. Вместе с тем следует отметить, что сами члены рода Дзержинских в официальной переписке еще долго будут употреблять оба эти названия наравне, как Дзержиново, так и Оземблово. Так, Станислав-Карл Эдмундович Дзержинский (старший брат Феликса Дзержинского) в июньском 1893 г. прошении на имя ректора Санкт-Петербургского университета называл это имение Оземблово⁵⁵, а в более позднем мартовском прошении 1896 г. упоминал его, как свой адрес для официального ответа, уже в качестве Дзержиново⁵⁶. Уже в XX веке Дзержиново, находившееся территориально в составе Польской Республики (после его образования), вновь будет значиться на польских картах как Оземблово. Позднее, после воссоединения восточных и западных белорусских территорий, последовавшего в 1939 г., Оземблово вновь вернет название Дзержиново, которое оно носит по сей день.

Оземблово в XIX веке было небольшим имением, насчитывающим в общей сложности 180 гектаров, в том числе включая усадьбу. Фамилия же Озембловских принадлежала очень известному, древнему и обильному потомкам польскому дворянскому роду. Впоследствии один из Озембловских станет соратником Феликса Дзержинского по чекистской работе⁵⁷.

этот принял в конце XVII в., когда появилась легенда о происхождении его от деспотов сербских. Род Деспот-Зеновичей внесен в VI часть родословной книги Минской губернии. Одна ветвь этого рода переселилась еще в конце XV в. в Россию, где фамилия ее получила форму Зиновьевы.

⁵² Ваньковичи (белор. *Ваньковічы*, польск. *Wankowiczowie*) – древний белорусский дворянский и шляхетский род герба «Лис». В начале XVIII в. были владельцами местечка Ивенец. Минский стольник Теодор Ванькович построил костел святого Михаила, даровав монахам-францисканцам земли и средства на строительство.

⁵³ Оскерки – старинный шляхетский род герба «Мурделию». Представители рода Оскерок имели владения землей в Мозырском, Новогрудском, Ошмянском поветах, в Минском и Полоцком воеводствах. В исторических источниках упоминаются с XVI в.

⁵⁴ Игнатий имел 4 детей (Валерьян р. 1826 г., Вильгельм р. 1833, Еразм р. 1838, Иосиф-Михаил р. 1840 г.). Про них мало что известно, кроме того что у Иосифа-Михаила был сын по имени Михаил, родившийся в 1863 г.

⁵⁵ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 29453 (Дзержинский Карл Эдмундович). Л. 22.

⁵⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 29453 (Дзержинский Карл Эдмундович). Л. 63.

⁵⁷ Озембловский Иван (Ян) Густавович (1888 – сентябрь 1919).

В браке Юзефа-Яна Дзержинского и Антуанетты Озембловской было 11 детей:

1. Ричард-Эдвард-Винцент (Викентий) (р. 1817). Женат на Коллете Островской.
2. Онуфрий-Антоний-Модест (р. 1818). Жил в Петриловичах. Женат на MAZURKIEWICZYWNA.
3. Бернард-Леонард (1819–1879) – регент, католический священник.
4. Томаш-Юстин (1822–1865)⁵⁸. По польскому генеалогическому сайту, умер в 1859 от столбняка. Врач в Теофиополии (город в Волынской губернии). Жена Паулина (Paulina Skibicka). В русском варианте написания имени Томаш-Юстин значился Фомой. Про его внука Влацлава есть интересная статья, основанная на следственном деле НКВД, которая позволяет уточнить многие семейные детали.
5. Антоний-Николай (1823–1865. Умер в Держиново).
6. Анна Дзержинская (р. 1827. Данные польского сайта).
7. Фелициан-Иосиф (в пол. Фелициан-Ян) (1830–1904). Врач в Мозыре. Жена Роза Люция Шембель (Szembel), представительница известного не менее чем с 1492 года польского дворянского рода, дочь Михаила и Марии Озембловских. Умерла в 1912 году в Токуме⁵⁹.
8. Юзефа (1831–?).
9. Леокадия (р. 1833).
10. Розалия (в замужестве Бурзынская, р. 1835). Скорее всего, она была замужем за представителем дворянского рода Бурзынски = Burzyński из Ошмянского уезда Виленской губернии (Замянки, что под Налибоками).

Отметим, что есть интересные данные о Романе Вацловиче Малиновском (1877–1918), известном большевике-провокаторе. После 1891 г., когда умерла его мать, в 1892 или 1893 г. он был отдан на попечение мужу тетки (сестры отца) Бурзынскому, владевшему небольшим заводом в Варшаве⁶⁰.

10. Эдмунд-Руфин (отец Феликса, 1837–1872).

Отец Феликса Дзержинского, Эдмунд-Руфин Иосифович Дзержинский, родился 6 декабря 1837 г., о чем свидетельствует метрика, сохранившаяся в его личном студенческом деле⁶¹, в городе Ошмяны Виленской губернии, который находился примерно в 52 километрах

⁵⁸ Томаш-Юстин имел двух сыновей: Юстина (р. 1857) и Болеслава, а также дочь Анну (Дышлевская), которая воспитывалась в Мозыре. У Анны, согласно материалам музея, было трое детей: Елена Загадас, Иосиф-Юзеф и Евгений. Юстин Фомич (проживал в Варшаве в 1939 г.) имел, согласно тем же данным, а также материалам следственного дела, более чем многочисленное потомство, преимущественно дочерей: Вячеслава 1894 года рождения, муж Тешки Ежи, проживали в г. Радом, Янина (Подгорская, 1909 года рождения, учительница в Варшаве), Софья (Гилевич, министерство торговли), Ванда (Скибицкая, 1902 года рождения, чиновник министерства торговли в Варшаве), Галина (Лининдорф, муж Фаддей, владелец фабрики канцелярских принадлежностей), Альдона (Юрковская), сыновей – Фадей (Тадеуш) (майор польских войск, 1887 года рождения, Варшава), Вацлав (родился в 1905 г., уроженец города Бердичева, сын Войцех 1936 года рождения).

⁵⁹ Согласно материалам музея Ф. Э. Дзержинского в Держиново, известно о девяти его детях: т. ч. Иосиф-Бернард (1863–1910); Адам (1871–1932); Ева-Виктория (1872–1928); Антон (1874–1942); Ян-Альбин (1877–1958); Фелициан-Бонифатий (1878–1927). О деятельности одного из них, Адама Фелициановича Дзержинского (окончившего юридический факультет Киевского университета) на разных постах, в т. ч. на службе младшим жандармом на должности по судебному ведомству при Петроградской судебной палате, а далее в Петроградском Окружном суде и т. д., можно прочесть в его личном деле: ЦГИА СПб. Ф. 225. Оп. 1. Д. 14011. (Личное дело Дзержинского Адама Фелициановича, мирового судьи 1 участка Туккум-Тальсенского округа. 10. 04. 1916). Практически одновременно Адам будет служить жандармом, а его двоюродный брат Феликс вести революционную деятельность.

⁶⁰ Наиболее подробно биография Р. В. Малиновского разработана в монографии И. С. Розенталя «Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время». М., 1996. Согласно данным Розенталя, «Дед Малиновского был состоятельным человеком, тайным советником. За причастность к восстанию 1863 г. два его сына были сосланы в Иркутск. Третьего сына, отца Малиновского, тоже выслали – на Волгу, откуда он возвратился через семь лет и, так как имения, принадлежавшие семье, были конфискованы, поступил на службу управляющим чужим имением, затем был заведующим сахарным заводом в Блонском уезде Варшавской губернии, где и умер (подозревал отравление), оставив шестерых детей» //Указанное соч. С. 45.

⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836 (Дзержинский Эдмунд). Л. 41; Указание на 15 января 1838 г., как на дату рождения Э. Дзержинского, у А. М. Плеханова не подкреплено отсылкой к конкретному документу //Плеханов А. М. Дзержинский.

от Вильно и в 120 от Минска (сейчас город Ошмяны входит в состав Гродненской области Республики Беларусь). Ошмяны к этому времени еще только отходили от результатов польского восстания 1830 г. Во время ноябрьского восстания 1830 г. город перешел под контроль восставших жителей во главе с местным священником Ясинским, П. Важинским и полковником графом Карлом Пржездзецким. Общая численность сведенных в эскадроны и роты войск восставших составляла две с половиной тысячи человек. В 1831 г. восставшие были оттеснены Горским казачьим полком полковника П. С. Верзилина к Налибокской пуще⁶² и 2 апреля разгромлены. Вскоре отряд русских войск (по разным сведениям, от тысячи до полторы тысячи человек) занял и сжег город. В городе погибло много жителей, и он отстраивался впоследствии несколько лет.

Доходов с разоренного имения было мало для того, чтобы дать высшее образование всем сыновьям. Старшие дети так его и не получили. Только двое младших сыновей получают высшее образование: помимо отца Феликса Дзержинского – Эдмунда-Руфина, его получает Фелициан-Иосиф. Согласно книге С. В. Дзержинской, Фелициан был известным юристом, закончившим Петербургский университет⁶³. Хотя приведенные данные племянницы Феликса Дзержинского об учебном заведении, которое закончил Фелициан, противоречивы, другие источники говорят о его медицинском образовании и дальнейшей врачебной деятельности. В ряде работ только упоминают полученное им высшее образование⁶⁴. В материалах же ЦГИА СПб документов о прохождении им учебы в стенах СПбГУ нет. Правда, есть указание о намерении Антония-Николая в 1861 г. быть вольнослушателем одного из российских вузов. Однако получить старшему брату высшее образование так и не удалось, т. к. он умер в 1865 г.⁶⁵

Отцу Феликса в чем-то повезло: он был поздним ребенком, и к моменту начала его образования братья Эдмунда-Руфина уже были более-менее устроены. Ему могли уделить больше внимания и, отчасти, средств семьи. Однако даже в этом случае образование Эдмунда-Руфина еще с ранних лет шло в большей степени за счет благотворительности. Доходов с имения было явно недостаточно для получения им даже гимназического образования. Как сумбурно писал позднее в прошении ректору Санкт-Петербургского университета в ноябре 1859 г. Дзержинский-старший: «не имея состоятельных родственников, я был принят со второго класса и с третьего был принят стипендиатом Белостокской гимназии. Окончив гимназию, я всеми силами старался поступить в Университет, но не было решительно никаких средств, однако надеясь иметь частные уроки в Санкт-Петербурге или поступить в число стипендиатов Виленского учебного округа, я получил у своих знакомых 80 руб. для проезда из г. Белостока в Санкт-Петербург, но в Санкт-Петербурге надежды мои не исполнились...»⁶⁶.

Таким образом, университетское образование Эдмунда Дзержинского с самого начала сопровождалось финансовыми проблемами. Однако престижность Санкт-Петербургского

Первый чекист России. М., 2007. С. 19.

⁶² Налибокская пуща, Налибокские леса, лесной массив в бассейне правых притоков рек Неман, Березина и Уса до Ошмянских гряд на севере и Минской возвышенности на востоке. Площадь 140 тыс. га. Занимает восточную окраину Верхненеманской равнины. Рельеф волнистый с дюнно и моренно-бугристыми формами и заболоченными понижениями. На юге массива оз. Кромань. Наиболее заболочена по долинам рек Березина, Ислочь, Волка и в нижнем течении Усы, где на торфяно-болотных почвах растут ольшаники и березняки. В центральной и восточной частях преобладают сосняки. Встречаются еловые дубравы. По юго-западной части Налибокской пущи проходит северная граница сплошного распространения граба //Туристская энциклопедия Беларуси. Минск, Беларуская Энцыклапедыя, 2007. С. 648.

⁶³ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 25.

⁶⁴ В книге «Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография /Редкол. А. С. Велидов и др. 3-е изд., доп. М., 1987. На с. 8 есть только указание на полученное высшее образование, без детализации.

⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836 (Дзержинский Эдмунд). Л. 36.

⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836 (Дзержинский Эдмунд). Л. 30.

университета, надежда после его окончания получить должность и материально себя обеспечивать, давала основание представителю бедного шляхетского рода мечтать об изменении ситуации. Эдмунд-Руфин поступил в Санкт-Петербургский университет на физико-математический факультет. Известно, что Санкт-Петербургский университет являлся тогда центром российской физико-математической науки, и среди его преподавателей было много выдающихся ученых. Так, в период обучения Эдмунда-Руфина в нем на физико-математическом факультете преподавали крупнейший математик Пафнутий Львович Чебышев (1821–1894) и ряд других выдающихся ученых и лекторов. Именно Чебышеву будет представлена позднее и одобрена им диссертация об интегралах Э. Дзержинского⁶⁷.

В личном студенческом деле Дзержинского, помимо данных об учебе в университете, содержится и переписка о дворянском происхождении его рода, которое потребовали от него в университете. Данное обстоятельство неслучайно, так как после восстания 1830–1831 гг. многие польские шляхетские фамилии были «выведены» из списков российского дворянства. Поэтому определение Минского дворянского собрания от 18 июня 1829 г. не считалось достаточным для современного тому времени статуса фамилии. Тем не менее, с помощью многочисленных свидетельств, Эдмунду-Руфину удалось подтвердить свое дворянство университетскому руководству. Уже в период прохождения учебы на старших курсах университета дворянское происхождение фамилии Дзержинских было также подтверждено определением Минского дворянского собрания 7 октября 1861 г. В личном деле Дзержинского содержится копия определения о дворянском происхождении⁶⁸.

Постоянное бедственное материальное положение студента Эдмунда Дзержинского сопровождалось болезнями, которые объяснялись хроническим недоеданием. Университетский врач в мае 1859 г. констатировал у него наличие, несмотря на лечение, хронического катара легких. К врачебному заключению было прикреплено и прошение на имя ректора о денежной помощи для поправления расстроенного здоровья на каникулах. Ректор выступил за оказание помощи в размере 50 рублей, однако попечитель университета не согласился, «не увидев причин», и отказал в помощи⁶⁹.

Неоднократны в личном деле студента Э. Дзержинского были указания и на более поздние болезни, в том числе ставшие причиной пропусков экзаменов. Так, осенью 1861 г. он болел воспалением горла и миндалин⁷⁰, а в мае 1862 г. он заболел вновь. Причем Эдмунд Дзержинский, пропустив экзамен по физике, был вынужден даже отчислиться и впоследствии восстанавливаться в университете⁷¹.

Сложным был вопрос и о его трудоустройстве после окончания физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Отчасти это определялось его неблагонадежным «польским статусом» после польского восстания 1863–1864 г.⁷² Все лица польской национальности находились под подозрением, в том числе и Эдмунд-Руфин Дзержинский. Достаточно упомянуть, что один из представителей рода Дзержинских, дворянин Минской губернии Герасим Дзержинский был лишен прав на жительство и сослан в Сибирь, с 1868 г. он находился в западносибирской ссылке, в Томской губернии⁷³. Можно упомянуть

⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836 (Дзержинский Эдмунд). Л. 81.

⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836 (Дзержинский Эдмунд). Л. 9.

⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836 (Дзержинский Эдмунд). Л. 19–22.

⁷⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836 (Дзержинский Эдмунд). Л. 41.

⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836 (Дзержинский Эдмунд). Л. 48.

⁷² Военная кампания закончилась 1 мая 1864 г., мелкие стычки продолжались до начала 1865 г. Из 50 тыс. повстанцев погибло около 20 тысяч, сдалось в плен 15 тысяч, бежало за границу около 7 тысяч, казнено около 400 человек.

⁷³ Дзержинский Герасим, дворянин Минской губернии, 25 лет на 1868 г., когда он находился в ссылке в Томском округе. По материалам диссертации С. А. Мулиной «Участники польского восстания 1863 г. в западносибирской ссылке», Омск, 2005. В семье Дзержинских был Еразм Дзержинский, сын Игнатия Дзержинского, двоюродный брат отца Феликса (правда,

представителей и других польских родов, так или иначе, родственно связанных с Дзержинскими, например Озембловских: Озембловский Виктор – участник Польского восстания, дворянин Минского уезда Минской губернии. В 1864 г. он был по суду лишен прав состояния как политический преступник, а его имущество конфисковано в казну. Озембловский Онуфрий – уроженец Минской губернии, дворянин, участник Польского восстания, ссыльный в Вятскую губернию с декабря 1866 по август 1871 за «пристанодержательство» укрывшихся преступников⁷⁴. По указу 1871.05.13/17 он был освобожден от надзора полиции с ограничением места проживания и воспрещением вступать в государственную и общественную службу. Озембловский Сигизмунд (1863) – участник польского восстания. Дворянин Виленского уезда, родители его имели в Вильно два дома. В 1864 г., как политический преступник, по суду лишен прав состояния, а его имущество конфисковано в казну. Общее же количество сосланных поляков составляло в тот период тысячи человек, и те, кто оставался на свободе, были тоже под подозрением.

Свою роль сыграли и проблемы со здоровьем и опять-таки материальное положение Эдмунда Дзержинского. В университетском фонде Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, помимо студенческого дела Эдмунда Дзержинского, хранится отдельное дело о взыскании материальных средств с выпускника университета Э. Дзержинского как должника уже по окончании университета. Эти денежные средства были вытребованы университетом только спустя несколько лет после долгой переписки и настойчивых требований⁷⁵. При соблюдении «буквы закона» не было учтено крайне тяжелое положение выпускника. Так, попечитель Виленского учебного округа в январе 1864 г. указывал, что «Дзержинский находится в крайне стеснительном положении, которое тем более для него тяжело, что при скудости средств должен еще тратиться на лечение от серьезной и в довольно сильной степени развивающейся болезни – чахотки»⁷⁶.

Первые попытки устроиться на службу университетского выпускника были неудачны. В западных губерниях Эдмунду Дзержинскому не давали работы как поляку (хотя предварительная заявка на него была). Так, им были получены отказы в получении обещанной вакансии в Виленском (октябрь), а затем и Санкт-Петербургском учебном округе (декабрь)⁷⁷. Предложенная ранее университетом вакансия старшего учителя в Вологодской гимназии пропала во время месячных странствий Дзержинского между Вильно и Санкт-Петербургом⁷⁸. Имеющиеся вакансии в других округах также мало подходили. Так, Э. Дзержинскому предложили место старшего учителя в Архангельской губернии. Но сами предложившие признавали, что «...Дзержинский по состоянию грудных органов и суровости северного климата, не может быть без явной опасности для жизни определен в Архангельскую губернию»⁷⁹. При этом сам Дзержинский предпринимал все новые и новые попытки поиска вакансий. Так, он рассматривал возможность устройства в Вятскую гимназию, специально обратившись для этого в Казанский учебный округ. Для подтверждения своей квалификации он даже успешно прочел затребованную попечителем округа специальную лекцию в Санкт-Петербургском университете, но и здесь ничего не получилось, вакансия так и осталась вакансией⁸⁰. После долгих мытарств, после пяти неудачных попыток, Дзержинский безрезультатно возвращается в Вильно.

по материалам музея в Дзержиново, возможно, ошибочным, он родился в 1838 г., а не в 1843 г.).

⁷⁴ Луппов П. Н. Политические ссыльные в Вятской губернии в 1825–1905 гг. Киров, 1947.

⁷⁵ ЦГИА СПб. Ф. 39. Оп. 1. Д. 6163.

⁷⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836. Л. 86 об.

⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836. Л. 74 об. Л. 77.

⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 836. Л. 86.

⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 6163. Л. 11 (об).

⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 6163. Л. 14–15.

Преподавательской работы, и в целом работы по специальности, он и здесь не нашел, что было вполне объяснимо. Ситуация с трудоустройством в Прибалтийских губерниях и Польше была еще более сложная, чем в Санкт-Петербурге. За участие в польском восстании 1863–1864 гг. попечитель Виленского учебного округа в 1864–1868 гг. И. П. Корнилов в первый год своей деятельности на новом посту уволил практически всех учителей-поляков и католиков, правда, выплатив им жалование за год. Можно упомянуть и циркуляр от 1 января 1864 г. генерал-губернатора М. Н. Муравьева, который предписывал руководству уездов, полиции и мировым посредникам наблюдать за случаями «неразрешенного обучения»⁸¹.

Однако Эдмунд-Руфин смог все же вскоре устроиться домашним учителем к дочери известного профессора Петербургского железнодорожного института Игнатия (Игнация) Семеновича Янушевского (1804–1875). О самом И. С. Янушевском, будущем тесте Эдмунда Дзержинского, в многочисленных биографиях Ф. Э. Дзержинского упоминается достаточно кратко, указывается только его происхождение из древнего польского рода и биография инженера-путейца. Между тем, И. С. Янушевский заслуживает более пристального внимания. Так, нуждается в доработке его ранняя биография. Сначала отметим близкое родство Янушевских с семьей известного польского национального поэта Юлиуша Словацкого, мать которого была Саломея Янушевская. При этом в польских исследованиях по генеалогии часто указывается, что С. Янушевская имела польско-армянские корни. Отметим здесь также более поздний интересный факт из разряда шуток истории. 18 ноября 1989 г. в Варшаве произошел снос памятника Ф. Э. Дзержинскому на Банковской площади (установлен был в 1951 г.). В 2001 г. на его месте был воздвигнут памятник Юлиушу Словацкому. Предок сменил потомка, о чем не подозревали участники событий.

Родившийся в Вильно в 1804 г., И. С. Янушевский позднее поступил в Виленский университет. В период обучения он не остался в стороне от популярной среди студентов университета идеи национального возрождения и освобождения. В общем именном списке принадлежавших к тайному обществу филаретов (от греческого «любящий добродетель»), который был составлен Следственной Комиссией 13 мая 1824 г., упомянут Игнатий Янушевский – участник общества филаретов, кандидат философии, 20 лет, из города Вильна, за которым не числилось никакого имения⁸². Данное патриотическое объединение студентов, существовавшее в Виленском университете в 1820–1823 годах, было дочерней организацией общества Филоматов, и, как и вышестоящая организация, ставила национально-освободительные и просветительские цели. Обе организации были раскрыты и 108 участников были преданы суду. Осенью 1824 г. 20 из них были приговорены либо к различным срокам тюремного заключения с последующей ссылкой, либо высланы вглубь России, как наиболее известный филومات, национальный польский поэт Адам Мицкевич.

И. С. Янушевскому удалось избежать судебного процесса, поступив в Петербургский железнодорожный институт. Он закончил его в 1828 г., причем первым по списку, и к концу 1850-х гг. числился преподавателем этого института в чине подполковника⁸³. В музее Петербургского Государственного университета путей сообщений в зале № 2 до сих пор, среди других портретов ученых-выпускников, заложивших основы транспортной науки и техники, хранится его портрет. Маститый профессор, он был специалистом по вопросам коммуникаций, другом и соратником известного строителя мостов инженера Станислава Валерьяно-

⁸¹ Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа, преимущественно в Муравьевскую эпоху. СПб., 1901.

⁸² История Вильнюсского университета. 1579–1979. Вильнюс: Мокслас, 1979. С. 104. К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819–1823 гг. Варшава, 1898.

⁸³ Соколовский Е. 50-летие института и корпуса инженеров путей сообщения. СПб., 1859. С. 77.

вича Кербедза⁸⁴. Хорошие отношения у него были и с другими выпускниками железнодорожного института, что не удивительно, особенно учитывая тот факт, что треть инженеров строителей и железнодорожных инженеров Российской империи второй половины XIX века были выходцами с польских территорий, преимущественно поляками. Помимо Игнатия Янушевского, известными инженерами-транспортниками были также двое его сыновей⁸⁵.

Впрочем, его биография не ограничивается железнодорожным институтом. Ранее И. С. Янушевский в 1837–1838 гг. преподавал теоретическую механику в Институте корпуса Горных инженеров (с 1866 г. – Горный институт)⁸⁶. Он был членом первого в России общества любителей шахматной игры, созданного в Санкт-Петербурге в 1837 г. А. Д. Петровым. Сложно сказать, насколько были близки эти два профессора, хотя отметим, что до своего переезда в Варшаву в 1840 г. А. Д. Петров преподавал машиностроение в Санкт-Петербургском университете.

Игнатий Янушевский, сам происходивший из известного польского рода, был женат на Казимире Забельской (1806–1897) из еще более древнего и знаменитого польского дворянского рода, один из представителей которого попал под конфискацию маетка (имения) за поддержку короля Станислава Лещинского, а сын его был участником Барской конфедерации в XVIII веке.

Поэтому семья Янушевских, проживавшая в Вильно, сочувственно отнеслась к молодому выпускнику университета, так как члены их рода также участвовали в польском восстании, как со стороны Янушевских (не менее 5 представителей фамилии), так и со стороны Забельских. Очевидно, что Янушевские не просто сочувствовали идее польского возрождения – это было у них в крови.

В семье Игнатия и Казимиры Янушевских было несколько дочерей, одна из них Софья Игнатьевна (умерла 28 января 1898 г. в Вильно) вышла замуж за барона Станислава Михаила Пилляр фон Пильхау⁸⁷. По некоторым, неподтвержденным, данным, Софья Игнатьевна Пилляр фон Пильхау была фрейлиной последней русской императрицы и пользовалась в Петербурге немалым влиянием⁸⁸.

Вторая, Эмилия Янушевская (родилась в 1834 г.), вышла замуж за Феликса Юзефовича Завадского (1824–1891)⁸⁹. От этого брака родилось позднее двое детей: Ядвига (1870? – 1956) и Феликс (1873–1943). От второго брака Феликса Юзефовича Завадского родилось еще трое детей: Владислав (1885–1939), Анна (1887–1902) и Адам (1891–1975). Здесь необходимо остановиться на представителях этой известной польской семьи, сыгравших большую роль как в истории литовской и польской культуры, так и в семейной истории Янушевских-Дзержинских. Выходец из Западной Польши Юзеф Завадский (польск. Józef Zawadzki, 1781, Познань, 1838), обосновался в Вильно в 1803 г., открыв здесь типографию. В 1805 г. к нему перешла типография Виленского университета, которую он соединил со своей типо-

⁸⁴ Кербедз С. В. (1810–1899) – выпускник института корпуса инженеров сообщений 1831 г. С 1842 г. преподаватель этого вуза, с 1851 г. член-корреспондент, с 1858 г. почетный член Петербургской Академии наук. Построил Благовещенский мост (Николаевский, позднее Лейтенанта Шмидта) в Санкт-Петербурге, железнодорожный мост через реку Лугу, автор проекта Морского канала в Кронштадте, Александровского моста через Вислу в Варшаве и т. д.

⁸⁵ Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография / редкол. А. С. Велидов и др. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 9; *Дзержинская С. В.* Героическая молодость. М., 1977. С. 26.

⁸⁶ Директора, командиры и инспектора за 150 лет. Прежние профессора и преподаватели кафедральных предметов за 150 лет. Прежние преподаватели за 150 лет // Горный журнал. 1923. №. 11. С. 734–740.

⁸⁷ Родился 18 ноября 1827 г. в Вильно, владетель 74 душ в Мискуне. Его внук, сын родившегося в 1860 году Александра Пилляр фон Пильхау и Helena Joanna Krzywies (поженились в 1890, умерла 1955) – известный чекист Роман (Ромуальд) Александрович Пилляр (1894–1937) – комиссар государственной безопасности (1935). Закончил 2 курса юридического факультета Петербургского университета. Также известна сестра Романа – Марианна.

⁸⁸ Бушков А. А. Сталин. Красный монарх. СПб., 2004. С. 144.

⁸⁹ Adam Broż. Księgarska rodzina Zawadzkich <http://naszczas2002.tripod.com/032/zawadz.html>

графией, учредив крупнейшее книжное издательство не только в Вильно, но и на «польских территориях» в целом (с филиалом в Варшаве). Необходимые для типографии современное оборудование, различные шрифты, а также деньги на наем хороших специалистов предоставил князь Адам Чарторыйский Казимир (1734–1823), известный покровитель науки и культуры, обеспечив подходящий кредит. Среди книг, изданных в типографии Завадского, были произведения Адама Мицкевича, труды Иоахима Лелевеля, а также газеты, журналы, календари. Отметим, что Юзеф Завадский состоял в масонской ложе «Усердный литвин». Позднее он будет похоронен на кладбище Святых Петра и Павла на Антоколе в Вильне (ныне кладбище Саулес, Антакальнис). На могиле поставлен классический обелиск из розового гранита, увенчанный небольшим белым мраморным акротерием. После его смерти типографией управляли его наследники: сначала старший сын Адам Завадский (1814–1875), затем младший Феликс Завадский, позднее внуки, которые управляли ею до 1939 г.⁹⁰ Отметим, что сам Ф. Ю. Завадский за издание несогласованного произведения был вынужден на несколько лет отправиться в изгнание за пределы Российской империи.

Третья сестра, Мария Игнатьевна Янушевская, вышла замуж за Юлиана Гразевича (Grazewicz)⁹¹. В этой семье также были участники польского восстания 1863 года. В семье Янушевских были и старшие братья, но о них практически ничего неизвестно, кроме уже упоминавшегося инженерно-железнодорожного образования.

Четвертая, младшая из сестер, Елена Игнатьевна Янушевская, вышла замуж за Эдмунда-Руфина Дзержинского. Она родилась в имении Йода в 1849 г. и к моменту знакомства с будущим мужем проходила домашнее обучение. Елена Игнатьевна Янушевская, будущая жена Эдмунда-Руфина Дзержинского, рассказывала об обстоятельствах прихода будущего мужа следующим образом: «В наш дом Эдмунда привел старый еврей-сапожник, шивший обувь для нашей семьи. Эдмунд случайно повстречался с ним на улице, когда после окончания Петербургского университета приехал в Вильно искать работу. Вакансий в виленских гимназиях не оказалось, и Эдмунд не знал, что же делать дальше»⁹². Несколько иную, на наш взгляд спорную, но зато более романтическую версию излагает племянница Феликса Дзержинского С. В. Дзержинская, говоря о знакомстве родителей Феликса во время университетской учебы Эдмунда-Руфина еще в Санкт-Петербурге, где в городской гимназии училась Елена Янушевская. В виленский же дом Янушевских его пригласила мать Елены – Казимира Янушевская, для преподавания высшей математики дочери⁹³.

Молодой пятнадцатилетней Елене сразу понравился новый учитель. У Эдмунда-Руфина вскоре проявились и ответные чувства. Елена была девушкой, получившей хорошее образование, знавшей несколько иностранных языков и хорошо музицирующей. Именно от матери Феликс Дзержинский унаследует впоследствии любовь к музыке. Прекрасно знала Елена и польскую литературу, особенно Адама Мицкевича и Юлиуша Словацкого, что было не случайно, учитывая круг общения Янушевских и их родственные связи. Отличалась она и очень красивой внешностью: стройная полька с точеным гордым лицом, нежным румянцем и с соболиными бровями⁹⁴. Когда Елене Янушевской исполнилось 16 лет, она и Эдмунд-Руфин Дзержинский поженились. Тесть стал искать для зятя место преподавателя.

⁹⁰ Был и третий брат: Иосиф Иосифович (1818–1886). Он уехал в Киев, где занимал видное положение в польской городской общине. В 1860–1863 гг. И. И. Завадский исполнял обязанности городского головы. Как и его отец и братья, он посвятил себя издательскому делу, более 30 лет руководя взятой в аренду типографией Киевского университета Св. Владимира.

⁹¹ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 53.

⁹² Тишков А. Дзержинский. 4-е издание. М., 1985. С. 12.

⁹³ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 26.

⁹⁴ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 26–27.

Реформа образовательных учреждений 1863–1864 гг. непосредственно сказалась на судьбе семьи Дзержинских в лучшую сторону. В России согласно реформе создавалась сеть новых гимназий с измененной программой. Если ранее в программу обучения входили такие предметы, как Закон Божий, всеобщая история, история Государства Российского, российская словесность, один из древних языков – греческий или латинский, а из современных – французский и немецкий, то с 1864 г. решением Министерства просвещения программа естественных наук была расширена. В гимназиях теперь стали проходили математику, физику, химию, зоологию, географию. Впоследствии в курс обучения ввели даже философию. В результате в гимназиях, особенно провинциальных, возник дефицит преподавателей естественных наук. В этих условиях Эдмунд-Руфин Дзержинский, выпускник Петербургского университета, пусть и польской национальности, получил возможность занять вакансию преподавателя естественных наук в одной из гимназий.

Весной 1864 г. Эдмунд-Руфин Дзержинский вместе с женой приезжает в Херсон⁹⁵. В город он прибыл с намерением устроиться на работу учителем в открывающуюся новую мужскую гимназию (сейчас – гимназия № 20). Директор гимназии действительный статский советник Захар Васильевич Коленко дал согласие на работу Дзержинскому, т. к. в Херсоне найти учителей по естественным предметам в первый год их введения было крайне проблематично.

День открытия мужской гимназии 1 сентября 1864 года стал городским праздником. После освящения гимназии викарием Сафонием с торжественными речами выступили: инспектор казенных училищ, действительный статский советник князь Василий Дмитриевич Дабижа, губернатор Херсонской губернии с 1861 по 1868 г. Павел Михайлович Клушин⁹⁶, учитель Смирнов, гимназист выпускного класса Тоназевич. Среди присутствующих на торжественном открытии гимназии преподавателей гимназии был учитель математики и физики Эдмунд-Руфин Иосифович Дзержинский. Скорее всего, именно благодаря протекции губернатора Клушина, товарища по институту его тестя Игнатия Янушевского, Эдмунд-Руфин получил вакантное учительское место в гимназии. Отметим еще один интересный момент: в Одессе и Херсоне в этот период жили и родственники четы Дзержинских-Янушевских по линии Пилляр фон Пильхау, занимавшие там важные посты.

В целом начальство херсонской гимназии было довольно компетентным и инициативным преподавателем. Однако вскоре последовал циркуляр жандармского управления «Об установлении полицейского надзора за выходцами из Польши, которые пребывают в Херсонской губернии». Первоначально это, возможно, не играло определяющей роли, учитывая губернаторскую поддержку сверху. Отметим, что есть и иные, возможно менее вероятные, первоначально смягчающие циркуляр обстоятельства: в Херсонской губернии в Одессе в этот период проходил службу штаб-офицер 5 корпуса жандармов, адъютант подполковника Василия Алексеевича фон Роткирха – капитан Федор Яковлевич Янушевский⁹⁷. При чем более важной в этом аспекте представляется именно личность его начальника – В.А. фон Роткирха, занимавшего этот пост в 1865–1867 гг. и скорее всего, оказывавшего также некоторое смягчающее покровительство новоявленному херсонскому поляку, учитывая свою известную пристрастность к польско-литовской литературе⁹⁸.

⁹⁵ Во многих работах Херсонский период выпадает из истории Дзержинских. Так, про Херсон не упоминают такие современные исследователи, как С. Кредов, С. Фролов, А. Плеханов и другие. Они ошибочно сразу упоминают Таганрог, пропуская Херсон.

⁹⁶ Первый почетный гражданин Херсона, получил образование в Институте корпуса путей сообщения, выпускник 1830 г.

⁹⁷ Адрес-календарь Херсонской губернии на 1866 год.

⁹⁸ Василий Алексеевич фон Роткирх (1819–1891, Вильно), жандармский офицер и писатель. Дебютировал анонимно, издав в Варшаве сборник «Страшный гость. Литовская поэма, взятая из народных поверий» (1844). Его составили перевод

Тем не менее, постепенно пребывание Дзержинского в Херсоне становилось все более и более проблемным. Часто указывается, что на последующем отъезде из города сказался разгром херсонского кружка народников. Его руководитель, Соломон Лазаревич Чудновский (1849–1912), действительно был учеником Эдмунда-Руфина Дзержинского, окончив херсонскую гимназию в 1868 г. Впоследствии Чудновский поступил в Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге, откуда был исключен за студенческие беспорядки в марте 1869 г. Вернувшись в Херсон, он организовал ряд народнических кружков, продолжая участвовать в народническом движении. В дальнейшем он участник знаменитого процесса 193-х (по нему проходили участники «хождения в народ»), в конце жизни являлся членом партии кадетов. Однако хронологически найти эту связь проблематично.

Отметим, на наш взгляд, более важное событие: перевод в 1868 г. в Санкт-Петербург возможного покровителя Эдвина-Руфина Дзержинского, херсонского губернатора П. М. Клушина, назначенного в этом году в Сенат. Незадолго до этого состоялся и переезд В. А. Роткирха в Могилев. В результате этих событий в 1868 г. Дзержинский переводится в Таганрог, где начинает работать учителем физики и математики в местной Мариинской женской гимназии (1868–1873). Это был вынужденный перевод, с явным понижением доходов. Очевидно, что других вариантов у Дзержинского не было.

В год прихода Дзержинского данная гимназия получает почетное наименование «Мариинской». Вместе с тем положение гимназии в этот период в материальном отношении сложно было назвать даже удовлетворительным. Здание было темным, тесным и малоприспособленным для обучения (новое здание будет возведено лишь в 1875 г.). Не хватало даже денежных средств для выплаты жалования учителям. «Вообще же, нужно заметить, что средства женской гимназии были скудные, некоторые преподаватели давали уроки бесплатно... Жалование преподаватели и классные дамы получали такое жалкое, что замещать места оказалось очень трудно; ввиду этого Попечительский совет постоянно заботился об усилении средств гимназии, в чем понемногу успевал, чему, конечно, способствовало увеличение числа учениц»⁹⁹.

На второй год преподавания в гимназии Дзержинский получил звание надворного советника (гражданский чин VII класса в Табеле о рангах, соответствовал чинам подполковника в армии и капитана II ранга на флоте), а в последний год работы был награжден орденом Святой Анны III степени. Статут ордена, помимо всего прочего, обозначал 90 или 100 руб. ежегодной пенсии.

Еще большими событиями, чем государственные награды, для Дзержинского стали рождения трех погодков детей (Витольд, первенец молодых супругов, умер в годовалом возрасте в 1868 г.): в 1870 г. в Йодах, имени Казимиры Янушевской (мать Елены Дзержинской), родилась старшая сестра Альдона, в 1871 г. – Ядвига. 6 октября 1872 г. в Таганроге родился

IV части драматической поэмы Адама Мицкевича «Дзяды» (первый перевод из поэмы запрещенного автора), собственные стихотворения, переводы и перепевы польских поэтов Игнация Красицкого и Юзефа Игнация Крашевского. С 1861 г. вице-директор Особой канцелярии по делам военного положения в Варшаве, играл важную роль в подавлении польского восстания 1863 г. 10 декабря 1863 г. едва не был убит на Краковском предместье в Варшаве при нападении на него нескольких злоумышленников, причем был ранен в голову и в грудь отравленным кинжалом. В 1864 г. назначается дежурным штабс-офицером управления III округа корпуса жандармов в Варшаве. В 1864 г. был переведен на службу дежурным штабс-офицером Управления III Округа Корпуса жандармов в Варшаве, в 1865 г. прикомандирован к Штабу Корпуса жандармов, а затем – командирован жандармским штабс-офицером в Одессу и произведен в подполковники. 9 мая 1867 г. Роткирх получил назначение Губернского Жандармского Управления в Могилев начальником, занимая в дальнейшем последовательно должности Начальника Управления Митаво-Риго-Орловской железной дороги (с 1868 до 1873 г.), начальника Минского Жандармского Полицейского Управления железных дорог (с апреля 1873 г.) и Виленского Губернского Жандармского Управления (с 1882 г.). В 1885 г. он был произведен в генерал-майоры, а в 1890 г. вышел в отставку с чином генерал-лейтенанта. Ряд работ Роткирха вышли в виленских типографиях, в т. ч. Завадских.

⁹⁹ Филевский П. П. История города Таганрога. М., 1898. С. 304.

Станислав-Карл Дзержинский¹⁰⁰. К этому моменту уже умерли родители Эдмунда-Иосифа: отец Иосиф-Иван умер в 1865 г., а мать – Антонина, умерла в 1869 г. Умерли к этому времени и несколько его старших братьев. Имение Оземблово-Держиново, таким образом, вскоре перешло во владение к Эдмунду-Руфину Дзержинскому.

С осени 1873 г., здесь же в Таганроге, Дзержинский начинает преподавать в Александровской мужской гимназии. Это было старейшее учебное заведение Юга России, учрежденное еще 1 сентября 1806 г. Возможность преподавания в престижной и выгодной в финансовом положении гимназии появилась с приходом в 1873 г. на ее директорский пост Эдмунда Рудольфовича фон Рейтлингера (1830–1903)¹⁰¹. Отметим, что на службу в Таганрог он был отправлен из уездного города Мозырь Минской губернии. Он был утвержден директором гимназии распоряжением Министерства народного просвещения 21 июля 1873 г. и вскоре обновил преподавательский состав. Одним из новых учителей и стал его земляк и тезка Эдмунд-Руфин¹⁰².

Среди учеников в таганрогской мужской гимназии Дзержинского был будущий великий русский писатель Антон Чехов. В 1876 г. сотрудники литературного музея имени А. П. Чехова в Таганроге обнаружили школьную работу Чехова по математике за 1874/1875 г., на которой была надпись: «Весь ход совершенно верен, и рассуждение самое правильное... Отлично. Э. Дзержинский»¹⁰³. Вместе с тем, отметим, что впоследствии в аттестате зрелости Антона Чехова по этому предмету будет значиться «тройка» (окончит гимназию 15 июня 1879 г.). Впрочем, это не единственное пересечение писателя и Э. Дзержинского. Ровно через десять лет в мае 1884 г. А. П. Чехов напишет рассказ «Русский уголь (Правдивая история)». В рассказе одним из персонажей будет выведен управляющий имением графа Тулупова поляк Дзержинский, человек желчный, любитель играть в карты...

Помимо непосредственного преподавания своих предметов, вместе с учителем Абрамовичем Э. Дзержинский систематизировал всю гимназическую библиотеку, составив тематический и алфавитный каталог, а также список необходимой для гимназии литературы. «Свои предметы он излагал основательно и толково», – писал позднее Павел Петрович Филевский (1856–1951), также бывший ученик Дзержинского¹⁰⁴, ставший в дальнейшем известным таганрогским историком¹⁰⁵. Вместе с тем отметим и другую существующую в литературе характеристику Филевского, данную Эдмунду-Руфину Дзержинскому, в которой он указывал на «болезненность и крайнюю раздражительность» учителя.

19 апреля 1875 г. у супругов Дзержинских рождается пятый ребенок – Казимир. Но это радостное событие омрачается серьезной болезнью главы семьи. В 1875 г. у Эдмунда-Руфина обнаружили туберкулез, и он вынужден был уйти на пенсию¹⁰⁶.

По совету врачей он переехал в родовое имение Держиново Воложинской волости Ошмянского уезда Виленской губернии (сейчас – Столбцовский район Минской области). Имение было небольшое – 92 десятины песчаной земли, которая сдавалась в аренду за 42 рубля. Арендатором был пан Годель, детям которого в обучении помогал Э. Дзержинский. «Конечно, мизерная плата, но больше за Держиново не получить. Хорошо, что арендатор – человек порядочный, всегда внимателен, готов помочь больному Эдмунду», – уточняла

¹⁰⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 29453 (Дзержинский Карл Эдмундович). Л. 2 (об).

¹⁰¹ Филевский П. П. История города Таганрога. М., 1898. С. 290.

¹⁰² Шапочка Е. Антошины учителя // Таганрогская правда. 2009. 13 ноября.

¹⁰³ Советская Белоруссия. Минск. 1976. 18 марта.

¹⁰⁴ Окончил таганрогскую гимназию в 1877 г., на два года ранее А. П. Чехова. Автор неоднократно переиздававшейся книги «История города Таганрога». М., 1898.

¹⁰⁵ Скороход А. Дзержинские в истории Херсонеса // Гривна. 2004. 4 марта. С. 13.

¹⁰⁶ Туберкулезом позднее болели и сыновья Эдмунда Дзержинского; помимо Феликса, со студенческих пор им болел его старший сын Станислав (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 29453 (Дзержинский Карл Эдмундович). Л. 62).

позднее племянница Дзержинского¹⁰⁷. Получить больше за аренду пашни представлялось крайне затруднительным делом, прежде всего из-за качества пахотных земель. Как позднее указывал Станислав-Карл Дзержинский (старший брат Феликса Дзержинского): «Хотя после смерти его отца Эдмунда Осиповича Дзержинского осталось имение «Оземблово», в коем заключалось 77 десятин удобной пашни, но таковое имение почти не приносит никакого дохода, вследствие плохого качества почвы, поэтому оно отнесено по платежу земских повинностей к третьему разряду»¹⁰⁸. Небольшим дополнением имения была пасека, за качественном медом которой приезжали окрестные владельцы имений.

Эти средства и учительская пенсия составляли весь скромный семейный бюджет Дзержинских. Каких-либо иных приработков не было. Тем не менее, Эдмунд Иосифович бесплатно учил местных крестьянских детей грамоте, арифметике, физике. Старшая сестра Ф. Э. Дзержинского Альдона писала позднее в своих воспоминаниях: «Отец наш, преподававший с 1866 г. в мужской и женской гимназиях Таганрога физику и математику, уже не работал. Он был болен туберкулезом и последние годы жил в деревне, получая пенсию. Отец был справедливым человеком, и крестьяне соседних деревень, чтобы подтвердить достоверность чего-либо, говорили: «Так сказал Дзержинский». Они очень уважали его и часто приходили за советом и помощью. Отец им никогда не отказывал. Мы жили в маленьком старом домике на берегу реки Усы... Ближайшая деревня Петриловичи находилась в 4 километрах. До железной дороги было 50 километров»¹⁰⁹. Отношения с крестьянами действительно были хорошие. Хотя справедливости ради надо отметить, что в лесу имения Держиново крестьянам не разрешали собирать грибы и хворост, о чем впоследствии со стыдом вспоминал Феликс Дзержинский¹¹⁰.

Сестра Ядвига схоже характеризовала жизнь в Держиново: «Жизнь наших родителей была нелегкая. Большая семья – восьмеро детей – требовала забот и внимания. Семья жила на отцовскую пенсию. Хозяйство никакого дохода не приносило. Земли за небольшую плату сдавались в аренду (42 рубля в год). Отношения между родителями и окрестными крестьянами установились прекрасные. Отец, подготавливая нас в гимназию, вместе с нами бесплатно учил детей арендатора и детей из соседней деревни Петриловичи»¹¹¹.

Дом, в котором поселилась семья Дзержинских, был небольшой, но он стоял в очень красивом месте на берегу стремительной реки Усы, притоке Немана. Рядом располагалась Налибокская пуца с густыми сосновыми лесами. Для семьи из 6 человек этот дом был тесен, тем более что вскоре после переезда в Держиново семья увеличилась еще на трех детей. Сказывалась и сырость...

30 августа (11 сентября) 1877 г. у Елены и Эдмунда-Руфина Дзержинских родился шестой ребенок. Роды начались преждевременно, после того как беременная женщина, вечером занимаясь хозяйством, неожиданно провалилась в открытый люк погреба и сильно ушиблась. Несмотря на опасения, преждевременные роды завершились благополучно и для новорожденного, и для роженицы. Отметим, что помимо удачного родоразрешения мальчик родился в «рубашечке», что также считалось и считается признаком счастливой судьбы. Единственно возможным последствием для ребенка стала определенная возбудимость и нервозность, а для матери всепоглощающая любовь, казалось бы, к уже потерянному сыну. Родившегося мальчика называли Феликсом, что по латыни (*felix*) означает «счастливый, пре-

¹⁰⁷ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 25.

¹⁰⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 29453. Л. 22.

¹⁰⁹ Дзержинская-Коялович А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 15.

¹¹⁰ Дзержинская С. С. В годы великих боев. Изд-е 2-е, испр. и доп. М., 1975. С. 123.

¹¹¹ Дзержинская Я. Э. Наш Феликс // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 107.

успевающий, плодородный». Во Франции это имя известно как Фелис, в Италии – Феличе. Получил Феликс Дзержинский, как это было принято в их семье, и второе имя – Щастны.

Возможна, по нашему мнению, и иная версия происхождения имени Феликс – в честь уже упоминавшегося дяди, Феликса Иозефовича Завадского, который оказывал финансовую помощь семье Дзержинских. Отметим, что традиция давать имена детей в честь родственников явственно видна в этой семье. Старший сын четы Дзержинских, Витольд (умерший в младенчестве), был назван в честь Витольда Забельского (родного брата Казимиры Янушевской), дяди Елены Дзержинской. В свою очередь, в честь бабушки Казимиры Янушевской был назван Казимир Дзержинский, родившийся в 1875 г., а в честь ее мужа Игнатия Янушевского – Игнатий Дзержинский, родившийся в 1879 г. Станислав Дзержинский был назван либо в честь Станислава Пилляр, мужа старшей из сестер Янушевских, либо в честь одного из братьев Игнатия Янушевского. Поэтому представляется, что имело место и падение в погреб со счастливым окончанием этого происшествия, и наименование в честь близкого родственника.

В ноябре 1877 г. Феликс Дзержинский был крещен по католическому обряду. В метрике Деревнинского римско-католического приходского костела на 54–55 листах, под № 196 была сделана следующая запись: «Тысяча восемьсот семьдесят седьмого года, ноября шестнадцатого дня в Деревнинском римско-католического приходского костела окрещен младенец по имени Феликс Киприаном Жебровским, администратором того же костела, с совершением всех обрядов таинства дворян: коллежского советника Эдмунд-Руфина Осиповича и Гелены, урожденной Янушевской, Дзержинскими, супругов сын, родившейся сего года, августа 30 дня в имении Держжиново Деревнинского прихода. Восприемниками были дворяне Франц Вержбовский с Юзефью Войновою, вдовою»¹¹².

Интересна личность крестного отца Феликса Дзержинского – Франца Вержбовского. Скорее всего, это был известный виленский исследователь творчества польского национального поэта Адама Мицкевича¹¹³. В семье Янушевских изначально, а позднее и Дзержинских, был подлинный культ Мицкевича, и в целом польской поэзии.

На следующий год родилась младшая сестра Ванда, а в самом конце 1879 г. – Игнатий. Увеличение семьи потребовало срочного переезда в новый дом. В 1880 г. с помощью племянника – архитектора Юстина Дзержинского¹¹⁴, Эдмунд-Руфин на остаток своих сбережений построил на холме вблизи от старого дома новый, более просторный двухэтажный дом с мансардой¹¹⁵. Это было очень кстати, так как вскоре, в 1881 г., в семье появился еще один сын – Владислав.

Дом обошелся недорого, так как материалы были в основном свои, а рабочие крестьянские руки крайне дешевы. «Дом был теплый и просторный, с высокими потолками и широкими окнами. Пологие ступеньки вели на крыльцо с деревянной балюстрадой. Это крыльцо стало любимым местом игр детей и отдыха взрослых. Первой от входа была проходная комната, так называемая гостиная. Из нее несколько дверей – в столовую, в спальню Эдмунда и Елены, в детскую для малышей. В мансарде жили старшие дети. На большой террасе любил отдыхать Эдмунд Иосифович. Тут же Елена Игнатьевна сушила грибы и фрукты»¹¹⁶.

Как и прежний дом, он был расположен в очень красивом месте, неподалеку от старого, но на небольшой возвышенности. Как вспоминала Альдона: «Там не было ничего искус-

¹¹² Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 19.

¹¹³ Вержбовский Ф. Адам Мицкевич в Вильне и Ковне (ib., 1888, кн. 9); Мицкевич в малороссийских переделках и переводах // Киевская старина. 1885. № 12.

¹¹⁴ Юстин Дзержинский (1857–1948), сын Томаша-Юстина Дзержинского. Вместе с братом Болеславом ранее воспитывался Эдмундом Дзержинским.

¹¹⁵ Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 9.

¹¹⁶ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 28.

ственного. Не было ни подстриженных аллей, ни посыпанных желтым песком дорожек, обычно отличавших помещичьи усадьбы. Дом наш был окружен деревьями и густорастущей зеленой травой, по которой дети с большим удовольствием бегали»¹¹⁷. «Во сне я часто вижу дом наш, и сосны наши, и горки белого песку, и канавы, и все, все, до мельчайших подробностей», – писал Феликс Дзержинский в письме брату из Московской пересыльной тюрьмы в 1916 г.¹¹⁸ Это была классическая польская дворянская усадьба с остекленной верандой, просторной столовой и гостиной с камином. Именно здесь прошло детство Феликса и его братьев и сестер.

Вместе с тем строительство дома лишь ненадолго решило проблемы многочисленной семьи. В 1882 г. на 43-м году жизни умер от туберкулеза легких Эдмунд-Руфин Дзержинский. Он был похоронен на кладбище в деревне Деревная Столбцовского района. На надгробной плите его благодарными земляками была высечена надпись: «Покой праху Справедливого»¹¹⁹. Могила не сохранилась до наших дней, но самого Дзержинского-старшего еще долго по-хорошему вспоминали в ближайших деревнях. Сами же Дзержинские, в том числе Феликс, часто навещали могилу отца, украшая ее венками из цветов и дубовыми ветками¹²⁰.

На руках у молодой 32-летней вдовы осталось 8 детей: Альдона, Ядвига, Станислав, Казимир, Феликс, Ванда, Игнатий, Владислав. Старшей дочери было 12 лет, Феликсу 5 лет, а младшему из детей 1 год и 3 месяца.

Материальное положение семьи Дзержинских в этот период было довольно затруднительное. Усадьба практически не приносила доходов, пенсия отца была мала. Но выручали родственники. Небольшую, но регулярную денежную помощь, оказывала им мать Елены Игнатьевны – Казимира Янушевская, проживавшая после смерти мужа в усадьбе «Йоды» под Вильно. Сюда летом часто приезжала вся семья Дзержинских. Само имение было большим, с многочисленными слугами. Согласно воспоминаниям родных Дзержинского, молодого Феликса интересовало, почему бабушка ничего не делает, а старик-садовник с раннего утра работает в саду, почему местным крестьянам не разрешено собирать в лесу хворост и грибы и т. д.¹²¹ Позднее, уже в гимназический период, Дзержинский пробовал даже агитировать притесняемых крестьян. Но ему все это прощалось любящей бабушкой. Помимо денежной помощи и «приемов» в имении она взялась воспитывать Казимира и Игнатия¹²². Выбор был не случаен, так как они и раньше воспринимались ею как восприимчики (названы в честь бабушки и дедушки) особо.

Заботу о старших детях (Станиславе и Альдоне) взял Феликс Юзефович Завадский, муж старшей сестры Елены Дзержинской, который предоставлял квартиру и материальную помощь учащимся в виленских гимназиях старшим детям четы Дзержинских. Особенно он помогал Станиславу Дзержинскому, который учился в одном классе первой виленской мужской гимназии вместе с его сыном Феликсом (Фелиусом) Завадским. Окончат они ее вместе в 1892 г.

Старшая из сестер Альдона, учившаяся в виленской женской гимназии, приезжая в Дзержиново на летние каникулы, также старалась, чем могла, помочь маме, беря на себя времяпровождение младших братьев и сестер. Особенно сердечные отношения у нее были как раз с Феликсом Дзержинским, который обожал свою сестру. «Я сам помню из времен

¹¹⁷ Дзержинская-Кояллович А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 15.

¹¹⁸ Дзержинский Ф. Дневник. Письма к родным. М., 1958. С. 243.

¹¹⁹ Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. 4-е изд., доп. Минск, 1982. С. 13.

¹²⁰ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 71.

¹²¹ Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 5.

¹²² Дзержинская-Кояллович А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 17.

своего детства эти минуты невыносимого блаженства, когда, например, положив голову на колени Альдоны, я слушал по вечерам шум леса, кваканье лягушек, призывной крик дергача и смотрел на звезды, которые так мерцали, точно были живые искорки... Сейчас ко мне возвращаются воспоминания моего детства, минуты подлинного счастья, когда природа так меня поглощала, что я почти не чувствовал своего существования, а чувствовал себя частицей этой природы, связанной с ней органически, будто я сам был облаком, деревом, птицей»¹²³. Помогала с детьми, хотя и в гораздо меньшей степени, и вторая из старших сестер, Ядвига¹²⁴.

Основная же нагрузка выпала на мать Феликса Дзержинского – Елену Игнатьевну. Она много работала по дому, стараясь содержать детей в чистоте и порядке. Сама обшивала всю семью. «Мама в этой скромной обстановке умела создавать нормальные условия жизни и дать каждому ребенку все необходимое для его духовного развития... Оставшись без мужа, она целыми днями была на ногах, работая по дому, и являлась примером трудолюбия для нас, детей»¹²⁵.

При этом Елена Дзержинская не забывала и о духовном воспитании детей. Она много читала своим детям, особенно стихи польских авторов, которые очень любила. Чаще всего – Мицкевича и Словацкого. «По вечерам она собирала детвору за круглым столом, и начинались задушевные беседы, интересные игры, обсуждали события дня, читали стихи Адама Мицкевича, Юлиуша Словацкого, Марии Конопницкой, пели песни польских повстанцев», – писала в своей книге С. В. Дзержинская¹²⁶. У Феликса была хорошая память, поэтому в четыре года он уже декларировал наизусть отрывки из поэмы «Пан Тадеуш» Мицкевича, стихи Словацкого, рассказывал сказки и басни¹²⁷.

Рассказы Елены Дзержинской шли и о недавнем историческом прошлом, об участии и судьбах поляков и Польши в Российской империи. «Я помню вечера в нашей маленькой усадьбе, когда мать при свете лампы рассказывала, а за окном шумел лес, как она рассказывала о преследованиях униатов¹²⁸, о том, как в костелах заставляли петь молитвы по-русски на том основании, что эти католики были белорусами; помню ее рассказы о том, какие контрибуции налагались на население, каким образом оно подвергалось преследованиям, как его донимали налогами, и т. д. и т. п.»¹²⁹. Эти рассказы, а также сама обстановка семьи, пострадавшей от преследований российских властей, способствовали формированию в молодом Феликсе радикальных антироссийских, антирусских настроений. Позднее, в 1922 г. он вспоминал: «Будучи еще мальчиком, я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей»¹³⁰. Впрочем, подобные мечты переполняли многих поляков того времени.

Благодаря матери Феликс Дзержинский и его братья и сестры также познакомились и с лучшими произведениями польских композиторов – Ф. Шопена, М. Огинского, а также с музыкой Бетховена и других авторов. Не случайны поэтому слова Феликса Дзержинского о своей матери, или, как он ее любовно называл, «матусе»: «Я благословляю свою жизнь

¹²³ Дзержинский Ф. Дневник и письма. М., 1956. С. 157–158.

¹²⁴ Дзержинская Я. Э. Наш Феликс // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 107.

¹²⁵ Дзержинская-Коялович А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 17.

¹²⁶ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 37.

¹²⁷ Дзержинская Я. Э. Наш Феликс // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 22; Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 29.

¹²⁸ Литовская епархия Российской Православной Церкви была учреждена в 1839 году, когда в Полоцке на соборе униатских епископов Полоцкой и Витебской епархий было принято решение о воссоединении с православной церковью. Границы епархии включали Виленскую и Гродненскую губернии. Первым епископом Литовским стал бывший униатский епископ Иосиф (Семашко).

¹²⁹ Дзержинский Ф. Дневники и письма. М., 1956. С. 153–154.

¹³⁰ Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 21.

и чувствую в себе и нашу мать, и все человечество. Они дали мне силы стойко переносить все страдания. Мама наша бессмертна в нас, Она дала мне душу, вложила в нее любовь, расширила мое сердце и поселилась в нем навсегда»¹³¹.

Детство Феликса Дзержинского, несмотря на стесненность материальных средств в его семье, было наполнено теплом и светом. Спустя годы он вспоминал родное Дзержиново как время безмятежного счастья и единения с природой, наполненного многими летними забавами для детей разного возраста.

В походах в лес и на реку принимали участие не только представители семейства Дзержинских, но и крестьянские дети из Петриловичей. Житель этой деревни И. А. Трубиш впоследствии вспоминал, что Феликс любил играть с деревенскими сверстниками, купался с ними в реке, ловил рыбу, раков. Подравшись, никогда не жаловался родителям, вновь приходя к друзьям. «Бегал быстро, плавал здорово, нырял, любил печеную картошку»¹³².

«Наши мальчики росли на свободе. Большую часть летнего дня они проводили у реки, купались, ловили рыбу. Нередки были случаи, когда кто-нибудь из них и тонул – в реке было много ключей, – тогда остальные братья бросались на помощь и сообща вытаскивали на берег. Любимым занятием Феликса была ловля и охота за раками. Мы всегда радовались, когда к ужину на столе появлялось блюдо с целой горой красных вареных раков. В такие дни Феликс был горд своими успехами и особенно доволен тем, что доставил удовольствие маме, очень любившей раков. Любил он также лесные походы за ягодами и грибами. В наших лесах их было очень много, и мы часто отправлялись туда веселой гурьбой. С наслаждением ели мы потом пироги с черникой, которую сами собирали», – вспоминала позднее его старшая сестра Альдона¹³³.

Пироги и пирожки с долгим сидением вечерами перед самоваром впоследствии часто вспоминал и сам Феликс Дзержинский в своих письмах к родным. Об этих пристрастиях Феликса помнили и его родные. Именно пирожки, желая побаловать брата, приготовит в далеком еще от этих детских лет 1919 г. в голодной Москве его сестра. Однако Дзержинский, узнав о происхождении муки, которая была куплена у спекулянтов, выбросит их в окно.

Чаще, чем пирогами, приходилось обходиться более обыденной и более дешевой в денежном отношении кашей. Характерен отрывок из воспоминаний младшего брата Игнатия: «Весело было нам во время еды. Единственно, бедный Феликс иногда был невеселый, видя перед собой нелюбимую им тарелку овсяной каши. А когда был уже взрослым, часто говорил, что единственная пища, которую он не любит, это овсяная каша»¹³⁴.

Дзержиново предоставляло детям много возможностей для мальчишеских забав. Как вспоминала Альдона: «С раннего детства Феликс любил ездить верхом. Но так как мама не позволяла малышам этого делать, то мальчики нередко ловили на лугу неоседланных лошадей и на них мчались вскачь куда-либо в лес, подальше от взоров взрослых. Это доставляло им огромное удовольствие. Феликс ни за что не хотел отставать от старших братьев, но если те кое-как справлялись со своими лошадьми, то 6–7-летний Феликс нередко оказывался на земле. Однако чувствовал он себя героем. Феликсу были присущи все детские проказы и шалости, но он никогда не совершал жестоких или грубых поступков»¹³⁵. Про езду на неоседланных лошадях арендатора писала и С. В. Дзержинская¹³⁶.

¹³¹ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 27; Там же. С. 108.

¹³² Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 5.

¹³³ Дзержинская-Кояллович А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 16. Помимо раков, он часто приносил маме из леса большой букет лесных колокольчиков. // Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 30.

¹³⁴ Цит. по: Федоткина Т. Палац королевства любви // Московский комсомолец. 1998. 5 сент.

¹³⁵ Дзержинская-Кояллович А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 16.

Схоже о порою опасных забавах вспоминал брат Игнатий: «...Любимым развлечением Феликса было также хождение на высоких ходулях. Это требовало смелости и ловкости, так как в нашу задачу часто входила ходьба на ходулях даже через корову!»¹³⁷. «Однажды он залез на крышу двухэтажного дома, но, чтобы поскорее вернуться вниз, решил спускаться с крыши по водосточной трубе. Труба была старая, с острыми закраинами. Когда он спускался, железо впивалось в его тело, Феликс разорвал в кровь ноги и руки, но, преодолевая боль, все же достиг земли»¹³⁸.

Как правило, в играх принимали участие все дети, при этом младшие Дзержинские тянулись к Феликсу, который был их вожаком. По воспоминаниям Альдоны, «в раннем возрасте он обычно играл с сестрой Вандой, которая всегда подчинялась его воле. Во всех играх с ней и младшим братом Владиславом вожаком был Феликс»¹³⁹. Однако игры эти зачастую проходили без присмотра взрослых, и итогом одной из таких игр, уже позднее, в 1892 г., стала случайная смерть Ванды. Согласно наиболее распространенной версии, двое братьев – недавний выпускник виленской гимназии Станислав и Феликс взяли ружье и стали стрелять по мишени, но случайным выстрелом убили сестру. Считается, что ружье было в руках Станислава, хотя свидетелей не было¹⁴⁰.

В пользу виновности Станислава говорит его ярко выраженная увлеченность оружием и охотой, в отличие от юного Феликса. «Брат Станислав часто охотился на птиц и зверей. Наш Феликс не принимал участия в охоте, слишком любил он свободу этих лесных жителей. Наоборот, ловля белок и затем их выращивание составляло ему большое удовольствие», – вспоминал Игнатий Эдмундович Дзержинский¹⁴¹. Дальнейшая уединенность жизненного уклада Станислава также свидетельствует в пользу принятия этого варианта.

Но может быть и другая версия, ранее не приводившаяся в литературе, посвященной Феликсу Дзержинскому. Станислав, окончивший именно в 1892 году гимназию, стрелял не с Феликсом Дзержинским, а со своим двоюродным братом и однокашником по гимназии Феликсом Феликсовичем Завадским. Характерно, что с 1892 года ранее тесные связи двух семей резко ослабевают. Так или иначе, тема смерти Ванды не обсуждалась в семье. Сам Феликс никогда не упоминал об этой трагедии, как и Станислав...

Сестра Ядвига вспоминала: «Феликс рос упрямым, шаловливым ребенком. Но и в детстве его характерной чертой была необыкновенная честность»¹⁴². Об упрямстве упоминали и другие члены семьи¹⁴³. В. Сперанский (гимназический однокашник Феликса) вспоминал: «Казимир Дзержинский, старший брат неукротимого Феликса, добрый товарищ и усердный школьник, успевавший в науках весьма прилично, несмотря на отчаянное свое заикание, рассказывал мне, когда мы сидели рядом в третьем классе, что Феликс был с младенчества тем, кого французы зовут «феником» семьи. Казимир, впоследствии ставший ветеринарным врачом, без всякой родственной ревности говорил мне, что фавориту Феликсу безнаказанно сходили дома самые анархические проделки»¹⁴⁴.

¹³⁶ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 30.

¹³⁷ Цит. по: Федоткина Т. Палач королевства любви //Московский комсомолец. 1998. 5 сент.

¹³⁸ Овсенко Вл. Наставник юности //Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 311.

¹³⁹ Дзержинская-Коялович А. Э. Воспоминания сестры //О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 16.

¹⁴⁰ Не железный Феликс (Интервью с Ф. Я. Дзержинским) //Экспресс-газета. 2007. 23 нояб.

¹⁴¹ Цит. по: Федоткина Т. Палач королевства любви //Московский комсомолец. 1998. 5 сент.

¹⁴² Дзержинская Я. Э. Наш Феликс //О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 22.

¹⁴³ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 33.

¹⁴⁴ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте //Русская жизнь. 2009. 29 янв.

Но, несмотря на все свои проказы и проделки, это был не только ранимый, но и отзывчивый ребенок, любящий свою семью. «Память о тех, кого любишь, особенно жива, она бежит к ним, и вновь оживают эти давние-давние годы, когда мы были вместе; сколько улыбок, любви окружало нашу юность и детство. Деревня, кругом леса, луга, поля, речка неподалеку, кваканье лягушек и клекот аистов. Вся эта тишина и прекрасная музыка природы по вечерам и утречком роса на траве, и вся наша разыгравшаяся кучка малышей, и звучный, далеко слышный голос мамы, созывающий нас из леса и реки домой, к столу, и этот наш круглый стол, самовар, и весь наш дом, и крыльцо, где мы собирались, и наши детские огорчения и заботы мамы... Все это навсегда, бесповоротно унесла жизнь, текущая безуданно вперед, но осталась память об этом, любовь и привязанность, и они будут жить в душе каждого из нас до самого заката нашей жизни. И все эти улыбки и сияния, слезы и печаль, совместно прожитые когда-то нами, живут в душе и доставляют радость даже тогда, когда сам человек этого не осознает. Человеческая душа, как цветок, бессознательно поглощает лучи солнца и вечно тоскует по нему, по его свету; она увядает и коверкается, когда зло заслоняет этот свет. В этом стремлении каждой человеческой души к солнечному свету и зиждется наша бодрость, вера в лучшее будущее человечества, и поэтому никогда не должно быть безнадежности...» – писал сестре Альдоне много лет спустя Феликс Дзержинский¹⁴⁵.

Это были счастливые годы для него, особенно по сравнению с тем, что ожидало его впереди. Уже позднее, в 1916 г., в письме из тюрьмы к своему брату Владиславу, он пишет: «Когда я возвращаюсь памятью к нашим дзержиновским годам, меня охватывает трогательное чувство нежности, и тогда я чувствую нежность, счастье от моих тогдашних детских чаяний и от воспоминания их, в настоящем... Я хотел бы обнять тебя сердечно и опять встретиться в наших лесах – слушать шепот деревьев, песни лягушек и всей нашей деревенской музыки. И именно, может быть... силой моей жизни была эта музыка леса и лугов моих детских лет, которая еще сегодня звучит в моей душе как гимн жизни»¹⁴⁶. Впрочем, идеализация детства – частое явление.

¹⁴⁵ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 30–31.

¹⁴⁶ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 31–32.

Виленская гимназия и начало революционного пути

В десятилетнем возрасте, осенью 1887 г., Феликс Дзержинский вместе с мамой и сестрой Альдоной приехал в Вильно, где выдержал экзамен в начальный класс Первой Виленской гимназии¹⁴⁷. Это было привилегированное учебное заведение, многие выпускники которого впоследствии стали известными общественными деятелями, представителями науки и искусства¹⁴⁸. В гимназические и студенческие годы закладывались основы мировоззрения многих будущих государственных и политических деятелей¹⁴⁹, не станет исключением и Ф. Дзержинский.

История Первой Виленской мужской гимназии уходила далеко в прошлое. Формально она была образована в 1803 г. на основе императорского акта Александра I от 4 апреля, когда существовавшая с 1780 г. Главная школа Великого Княжества Литовского была преобразована в гимназию с подчинением ее Императорскому Виленскому университету. В свою очередь история Главной школы Великого Княжества Литовского начиналась с Виленской иезуитской академии, которая была преобразована в 1579 г. из иезуитской коллегии, возникшей в Вильно еще в 1570 г.

Здание гимназии помещалось в бывшем университетском здании, так как сам университет был упразднен вскоре после польского восстания 1830–1831 гг. рескриптом российского императора Николая I от 1 мая 1832 г. Первая Виленская гимназия находилась по адресу: ул. Благовещенская, 26. Сейчас эта улица поделена на две: Dominikonu и Sv. Jono.

Это было достаточно величественное и художественное здание. Художник Мстислав Добужинский¹⁵⁰, окончивший соседнюю 2-ю Виленскую гимназию в 1895 г. (в первой гимназии отсутствовали на момент его перевода вакансии), вспоминал: «Старый университет представлял из себя довольно сложный конгломерат зданий с внутренними дворами и переходами. От прежних времен сохранилась и небольшая башня давно упраздненной обсерватории с красивым фризом из знаков Зодиака. Все эти здания окружали большой двор Первой гимназии, засаженный деревьями; ко двору примыкал стройный фасад белого костела св. Яна, а рядом с костелом стояла четырехугольная колокольня с барочным верхом, возвышавшаяся над всеми крышами Вильны»¹⁵¹.

Однако в величественном здании гимназии существовала жесткая система обучения, подавляющая любое вольнолюбие, особенно польское. «Это уже была давно имевшаяся реальность, с которой сталкивались все поступающие в нее. Виленская первая гимназия, воспитавшая и премьер-министра Столыпина¹⁵², и маршала Пилсудского, и драматического артиста Шверубовича-Качалова, была всегда одной из образцовых по строгости гимназий России. Школьные законы на северо-западной окраине были после польского восстания

¹⁴⁷ Гимназию возглавлял выпускник Санкт-Петербургского университета, действительный статский советник Николай Иванович Юницкий, в гимназии преподававший также географию и историю. Новым директором с 1894 г. станет Павел Иванович Яхонтов (1848–1910).

¹⁴⁸ Ратьковский И. С. Из Вильно в Петербург: выпускники Первой Виленской гимназии в Санкт-Петербургском университете // Клио. 2013. № 10. С. 99–101.

¹⁴⁹ Гаврилова О. А., Ходяков М. В. Санкт-Петербургский университет в судьбах лидеров русского либерализма: Ф. И. Родичев и В. Д. Набоков // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 116–133.

¹⁵⁰ Добужинский Мстислав Валерьянович (1875–1957), русский художник, участник творческого объединения «Мир искусства».

¹⁵¹ Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987. С. 93.

¹⁵² Петр Аркадьевич Столыпин, будущий премьер-министр России, обучался в гимназии первые шесть классов с 1874 по 1879 г.

1864 года самые драконовские. Н. А. Сергиевский, ставленник графа Д. А. Толстого, 29 лет подряд управлявший виленским учебным округом, откровенно и неумолимо проводил политику клерикально-реакционную. Поляки и евреи только терпелись. До 1905 революционного года, в посылное подражание несравненному Муравьеву-вешателю, неуклонно осуществлялась генерал-губернаторами программа мести и истребления национальных особенностей. Опека педагогической полиции была ревнивая и соглядатайствующая»¹⁵³.

Окончивший в 1885 г. Виленскую гимназию будущий лидер Польши Юзеф Пилсудский писал: «Я стал учеником первой Виленской гимназии, находящейся в стенах старинного Виленского университета, бывшей Альма-матер Мицкевича и Словацкого»¹⁵⁴. Выглядело здесь, естественно, иначе, чем в их времена. Хозяйствовало здесь, учили и воспитывали молодежь царские педагоги, которые приносили в школу всякие политические страсти, считая в порядке вещей попирающие самостоятельности и личного достоинства своих воспитанников. Для меня гимназическая жизнь была своего рода каторгой... Не хватило бы воловьей кожи на описание неустанных, унижающих придирок со стороны учителей, их действий, позорящих все, что ты привык уважать и любить... В таких условиях моя ненависть к царским учреждениям, к московскому притеснению возрастала с каждым годом...»¹⁵⁵.

Хотя Феликс Дзержинский поступил в Виленскую гимназию спустя два года после окончания ее Пилсудским, для ее учеников мало что изменилось. Для Дзержинского это была все та же душная атмосфера подавления личности, особенно по сравнению с его вольным детством. Гуляя в 1909 г. со своей будущей женой в окрестностях Кракова, Дзержинский эти годы вспоминал неохотно. «Скупое, но с ненавистью вспоминал Юзеф»¹⁵⁶ гимназический режим, русификаторство, шпионаж за учениками, принудительное посещение в табельные дни молебнов¹⁵⁷, дрессировку на квартире учителя гимназии в Вильно, где он жил вместе с братьями», – писала об этом С. С. Дзержинская¹⁵⁸. Много лет спустя, в 1914 г., Феликс Дзержинский писал практически то же самое: «Когда я вспоминаю гимназические годы, которые не обогатили моей души, а сделали ее более убогой, я начинаю ненавидеть эту дрессировку, которая ставит себе задачей производство так называемых интеллигентов. И светлые воспоминания мои возвращаются к дням детства и перепрыгивают через школьные годы к более поздним годам, когда было так много страданий, но когда душа приобрела столько много богатств...»¹⁵⁹.

Схоже отзывался о гимназии и другой ее знаменитый ученик, известный в будущем актер Василий Иванович Качалов, тогда еще не взявший свой псевдоним и носивший фамилию Шверубович (окончил гимназию в 1893 г.). В разговоре с профессором В. Н. Сперанским, также выпускником гимназии и своим однокашником, он говорил, что «...несмотря на принадлежность свою тогда к господствующей национальности и к привилегированному православию, он вспоминает гимназические годы с одной только грустью, даже жутью»¹⁶⁰.

Дзержинскому пришлось особенно тяжело, учитывая его характер и необузданное свободолобие. Сразу переводить его в частный пансионат не стали и первые два года обучения он жил в Вильно с мамой. Елена Игнатьевна поселилась с детьми в доме № 21 по Заречной

¹⁵³ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте //Русская жизнь. 2009. 29 янв.

¹⁵⁴ Словацкий Юлиуш (1809–1849), польский национальный поэт. Его мать – Саломея Янушевская.

¹⁵⁵ Налетч Д., Налетч Т. Юзеф Пилсудский – легенды и факты / пер. с пол. М., 1990. С. 11.

¹⁵⁶ Партийный псевдоним Ф. Э. Дзержинского.

¹⁵⁷ Дни рождения российского императора и членов его семьи.

¹⁵⁸ Дзержинская С. С. В годы великих боев. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1975. С. 123.

¹⁵⁹ Дзержинский Ф. Дневник и письма. М., 1956. С. 158.

¹⁶⁰ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте //Русская жизнь. 2009. 29 янв.

улице (в советский период Ужопио) у своей родной сестры Эмилии Игнатьевны Завадской¹⁶¹. Феликс Иосифович Завадский по-прежнему оказывал помощь Дзержинским. На лето они возвращались домой в Дзержиново.

Позднее, уже в 1889–1895 гг., Феликс Дзержинский вместе с братьями поселился в частном пансионе, расположенном на квартирах преподавателей гимназии: сначала у учителя приготовительного класса Федора Матвеевича Барсова, а затем у преподавателя математики Павла Павловича Родкевича¹⁶².

Это была известная гимназическая практика, формально улучшавшая успеваемость, а на самом деле позволяющая гимназическим учителям иметь дополнительный доход, зачастую завышенный по сравнению с оказываемыми услугами. При этом проживание на гимназическом пансионе не только дорого обходилось гимназистам, но и неформально было рекомендовано. «Эти коммерческие заведения, по-польски «станции», чаще всего содержали учителя. Вся жизнь ребят здесь находилась под постоянным бдительным контролем наставников и надзирателей гимназии. Тяжко жилось братьям, особенно свободолюбивому и пылкому Феликсу, в перенаселенных комнатах этой частной «бурсы»¹⁶³.

Помпезность, парадность и официоз обучения в гимназии сказывались во всем. Так, начало первого учебного года для Дзержинского и для всех остальных гимназистов и преподавателей Виленской 1-й гимназии ознаменовалось посещением ее 4 сентября 1887 г. Обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым. «Г. Обер-Прокурор прибыл в гимназию в 12 час. 7 мин. Дня в сопровождении г. Виленского, Ковенского и Гродненского Генерал-Губернатора и г. Управлявшего учебным Округом Помощника Попечителя. Встреченный при входе Директором гимназии с почетным рапортом, Г. Обер-Прокурор изволил обойти и обозреть все занимаемое гимназией помещение: актовый зал, библиотеку, церковь, все классы, расположенные во 2-м этаже здания, и гимнастический зал. При обозрении церкви почетный гость обратил особенное внимание на живопись в иконостасе, на Кирилло-Мефодиевскую хоругвь, придельный иконостас и плащаницу и остался вполне доволен изяществом и общим видом церкви, заметив, что подобные домовые храмы редки в провинциях. Обходя затем классы Г. Обер-Прокурор, поздравившись с преподавателем и учащимися, расспрашивал о предмете преподавания, о числе учеников в классе и интересовался летами некоторых воспитанников, званием и служебным положением их родителей... В 1 час 48 мин. почетный гость отбыл из гимназии в смежное помещение Виленского учительского института, выразив свое удовольствие и благодарность Директору за все виденное им...»¹⁶⁴. Рвение преподавателей в разы увеличилось, но вряд ли посещение обер-прокурора Синода сказалось положительно на гимназистах, скорее наоборот.

Помимо подобных высочайших столичных посещений, во время выпускных экзаменов гимназию ежегодно посещали генерал-губернатор и архиепископ Виленский и Литовский. Также в гимназии торжественно отмечались: день памяти великих славянских первоучителей святых Кирилла и Мефодия, дни рождений членов царствующего дома и т. д. Особенно торжественно праздновали в сентябре 1888 г. 900-летие крещение Руси св. равноапостольным Владимиром. Первая Виленская гимназия считалась цитаделью русского образования и культуры, и все преподавание строилось вокруг этого.

Несмотря на предпринятые меры по адаптации Феликса к учебе, в первом классе он остался на второй год, так как плохо знал русский язык, на котором велось все обучение

¹⁶¹ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 41.

¹⁶² Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография / редкол. А. С. Велидов и др. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 11. Петербургский и пинский архитектор Николай Котович // Гістарычная брама № 1 (24). 2009.

¹⁶³ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 41.

¹⁶⁴ Пахомов Алексей Петрович. Детство / В Вильнюсе. (дата обращения: 07.02.2017).

в гимназии. Между тем в семье Дзержинских всегда говорили по-польски, и обучение русскому языку молодого Феликса началось при помощи старшей сестры Альдоны только в 7 лет. «Когда Феликсу исполнилось шесть лет, – вспоминала Альдона, – я начала учить его читать и писать, сначала по-польски, а с семи лет мы стали изучать и русский язык»¹⁶⁵. Занималась с Феликсом и его мать. «Помню летние вечера, когда мы сидели на крыльце... Помню, как на том же крыльце мама учила меня читать, а я, опершись на локти, лежал на земле и читал по складам. Помню, как по вечерам мы кричали, и эхо нам отвечало...» – вспоминал позднее Дзержинский¹⁶⁶. Однако уроки матери, занятой по хозяйству, были нерегулярными, а помощь сестры ограничивалась каникулярным периодом. Домашнего обучения было явно недостаточно, как учитывая указанное обстоятельство, так и то, что у самой Альдоны на шестом году обучения была переэкзаменовка по русскому языку. Хотя недооценивать педагогические навыки сестры не стоит, в дальнейшем Альдона учила Дзержинского и французскому языку. В 1902 г. он вспоминал в письме к Альдоне: «Воспоминания унесли меня в прошлое, припоминаю Держжиново. Помнишь, как ты учила меня по-французски и раз несправедливо хотела поставить меня в угол? Помню эту сцену как сегодня: я должен был переводить письменно с русского на французский. Тебе показалось, что я перевернул листы и какое-то слово переписал. Из-за этого ты послала меня в угол. Но я ни за что не хотел идти, потому что ты несправедливо меня обвинила. Пришла мама и своей добротой убедила меня стать в угол»¹⁶⁷.

Впрочем, как и оставление Феликса на второй год, так и переэкзаменовку Альдоны, можно оценивать не только как оценку их знаний, но и как результат целенаправленной политики русификации, характерной для виленских гимназий того времени. Так, Альдона была оставлена на переэкзаменовку по русскому языку только потому, что не смогла объяснить значение всего лишь одного русского выражения «студеная вода». На вопрос учителя она ответила, что это вода из студня (по-польски колодец). На недоуменный вопрос педагога одноклассница сестры Дзержинского объяснила, что по-польски колодец называется студней. Узнав, что Альдона дома говорит по-польски, преподаватель заявил: «Я научу вас говорить по-русски. Получите переэкзаменовку!»¹⁶⁸.

Возможное объяснение строгости преподавателя русского языка к Дзержинскому – явное нежелание Феликса смириться с навязыванием русского языка. «В те годы в гимназии, как и во всей Литве, преследовалось все польское. В коридорах гимназии и на дверях висели надписи: «Говорить по-польски строго воспрещается. Это особенно возмущало моего брата», – вспоминала уже другая сестра Дзержинского¹⁶⁹. Можно упомянуть и другой схожий случай, ставший известным благодаря газетной публикации. Согласно сообщению газеты «Гражданин», в 1888 г. в Вильно был исключен ученик за разговор на польском языке. Как раз в тот год, когда Дзержинский стал второгодником¹⁷⁰.

Отметим также общий строгий подход к учебе, характерный для Первой Виленской гимназии. Почти четверть учащихся, «по малоуспешности», оставались на второй год. Первые классы в гимназии были переполнены, и практика оставлений на второй год и даже отчислений была своего рода визитной карточкой гимназии. «Наибольшим многолюдством

¹⁶⁵ Дзержинская-Коялович А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 17.

¹⁶⁶ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 53.

¹⁶⁷ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 53.

¹⁶⁸ Дзержинская-Коялович А. Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 18.

¹⁶⁹ Дзержинская Я. Э. Наш Феликс // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 22.

¹⁷⁰ Гражданин. Вильно. 1888. № 151.

отличаются младшие классы гимназии, до IV включительно... Среднее число учащихся в каждом отделении названных классов – 51 человек, больше установленной нормы на 11 человек. В старших классах число учащихся постепенно понижается... Среднее число учеников в каждом из них 30 человек»¹⁷¹. Таким образом, отсеб в младших гимназических классах составлял больше 40 %. В дальнейшем численность также понижалась, но в гораздо меньшей степени, что было вызвано как отчислениями гимназистов, так и переводами их в другие гимназии.

Второй год обучения удался Феликсу Дзержинскому значительно проще. Постепенно сказывались его способности к точным наукам, особенно к математике и физике. Перевод в третьем классе в частный пансион также имел значение.

Наибольшие проблемы по-прежнему были с преподавателями русского языка, а также немецкого языка. Эти преподаватели стремились всячески унизить достоинство польских и еврейских гимназистов. За первое полугодие 1889/1890 учебного года Дзержинский имел за поведение всего лишь удовлетворительную оценку. Она была снижена за его шалости и драку с товарищами в гимназии: «умышленный крик при вводе в класс преподавателя немецкого языка».¹⁷² Упомянутый преподаватель одно время даже требовал отчисления Феликса Дзержинского из гимназии¹⁷³.

Сохранилось описание Дзержинского этого периода, сделанное его старшим товарищем В. Н. Сперанским: «Ровесник мой по возрасту, Дзержинский был в виленской первой гимназии одним классом моложе меня. Отчетливо вижу его теперь перед моим духовным взором, вижу двенадцатилетним мальчиком, живым как ртуть и почти эпилептически нервным. Бледное малокровное лицо поминутно искажается гримасой. Резкий пронзительный голос как-то болезненно вибрирует. Неистовый Феликс постоянно носится ураганом по гимназическим коридорам, шумит, шалит и скандалит»¹⁷⁴. О носящемся по коридорам гимназии Дзержинском Сперанский писал и в более ранних воспоминаниях, очевидно, это запомнилось Сперанскому. Правда, в них он явно демонизировал Дзержинского, в отличие от приведенных более поздних воспоминаний, откровенно подлаживаясь к требованиям эмиграции. «Вижу его теперь, как живого, перед моим духовным взором, вижу его 11-летним мальчиком, с светло-зелеными глазами, в которых то и дело вспыхивают сатанинские огоньки. Подвижный, как ртуть, ураганом носился он по обширным коридорам нашей гимназии, служившей прежде заданием виленского университета, но у него совсем не чувствовалось здоровой и непосредственной жизнерадостности, не было заметно детского незлобивого задора, наоборот, сразу бросалось в глаза какое-то нарастающее ожесточение, непримиримое не только против русской власти и русской национальности, но и против всего человечества. Тот человеконенавистнический садизм, который стал самой яркой чертой Дзержинского, когда он сделался верховным палачом русского народа, недвусмысленно проявлялся у него еще на школьной скамье»¹⁷⁵.

Но не только характер двенадцатилетнего подростка толкал Феликса на разные поступки. Сказывалось унижение и в ситуациях, которые напоминали об «особом» положении поляков и других инородцев в гимназии. Упомянутый уже соученик Дзержинского В. Н. Сперанский вспоминал: «По царским дням ученики всех христианских вероисповеданий обязаны были выстаивать литургию и молебен – младшие четыре класса в домовой

¹⁷¹ Пахомов Алексей Петрович. Детство / В Вильнюсе. (дата обращения: 07.02.2017).

¹⁷² Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 20–21.

¹⁷³ Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 11; Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 41.

¹⁷⁴ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте //Русская жизнь. 2009. 29 янв.

¹⁷⁵ Феликс Дзержинский. Страницы школьных воспоминаний проф. В. Н. Сперанского //Иллюстрированная Россия. 1926. Июль. Вып. № 31. (64) С. 13.

гимназической церкви, а старшие четыре – в Николаевском кафедральном соборе (теперь снова превращенном в костел)¹⁷⁶. Как сейчас помню, что 26 февраля 1891 года в домовую нашей церкви Феликс Дзержинский стоял вплотную впереди меня. Превосходно пел гимназический хор. Наш законоучитель Антоний Павлович Гацкевич, тонкий позер и отличный проповедник, служил театрально-красиво. Дзержинского ничто в русском храме не интересовало.

Он томительно скучал и непрерывно вертелся. Наконец, Феликс сказал мне чрезвычайно нервным шепотом:

– Черт возьми! Мундир режет под мышками, галстук вылезает, ноги одеревенели. Скоро домой пойдем?

– А ты молись Богу о том, чтобы обедня скорее кончилась, – довольно неудачно пошутил я.

– На каком же языке прикажешь, Сперанский, вашему Богу молиться: ведь по польским молитвенникам вы нам запрещаете даже в костелах молиться, – ответил Дзержинский с ехидной усмешкой.

Я не знал о таком запрете, бесконечно оскорбительном для польского национального чувства, был очень сконфужен язвительной репликой Дзержинского и сумел ответить только так:

– Ну, стой смирно и помалкивай, а не то инспектор увидит!

– Буду стоять смирно и помалкивать, – возразил Дзержинский с загоревшимися недобрыми искорками, – буду стоять до поры до времени руки по швам, – повторил он уже угрожающим тоном...»¹⁷⁷.

Не сложились его отношения, по воспоминаниям В. Н. Сперанского, и с некоторыми другими преподавателями, требовавшими слепого подчинения и являвшимися сторонниками муштры и зубрежки. Так, в 1892 г. Дзержинский навлек на себя особую немилость преподавателя военной гимнастики, поручика К. И. Смильгина своим вызывающим антидисциплинарным поведением в строю и «за фронтом»¹⁷⁸. Дзержинский, передразнивавший его на одном из его занятий и тем самым нарочито сбивавший гимназистов с безукоризненного выполнения команд поручика, был изгнан из гимназического зала. Вскоре он попался на глаза инспектору гимназии Александру Ефимовичу Егорову. После долгой нотации на повышенных тонах со стороны инспектора Дзержинский был наказан трехчасовым сидением под арестом в воскресенье в одном из пустующих классов. Вместе с ним в соседних пустующих классах были заперты другие провинившиеся гимназисты. Оставшись один, Дзержинский в качестве ответной меры подлил чернила в питьевой фильтр, из которого пили преподаватели и гимназисты, тщательно вытерев его затем снаружи. В результате на следующий день система была фактически выведена из строя, при этом никто так и не стал подозревать Дзержинского и только товарищи знали о его проделке¹⁷⁹.

В воспоминаниях 1926 г., написанных спустя несколько дней после смерти Дзержинского, В. Н. Сперанский, нарочито упрощая ситуацию и демонизируя уже гимназического Дзержинского, писал об этом случае иначе. Оставив за скобками многие подробности изгнания из строя Дзержинского, он писал о том, что чернила были вылиты в питьевой фильтр, предназначенный исключительно для младших гимназистов (что не соответство-

¹⁷⁶ Только с 1897 г. обязательное присутствие по царским дням на церковной службе в православном соборе для гимназистов-католиков и гимназистов-лютеран было отменено.

¹⁷⁷ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте //Русская жизнь. 2009. 29 янв.

¹⁷⁸ Смильгин Константин Иванович, выпускник Виленского пехотного юнкерского училища 1878 г. по 2 разряду в 106 пехотный уфимский полк, в 1892 г. поручик того же полка, привлекался для занятий военной гимнастикой в Первую Виленскую гимназию. С 1899 г. в запасе.

¹⁷⁹ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте //Русская жизнь. 2009. 29 янв.

вало истине), с последующим подробным описанием «горького изумления малышей гимназистов». В спешке Сперанский даже позабыл о двух младших братьях-гимназистах Дзержинского, да и сама ситуация в таком виде становилась абсурдной. Подобный пример должен был служить примером уже упомянутого «изначального садизма гимназиста Дзержинского»¹⁸⁰. В более поздних и более подробных и взвешенных воспоминаниях он уже писал о питьевом фильтре, из которого пили преподаватели, о малышах-гимназистах уже не упоминая.

Читая подобные воспоминания, не следует считать Дзержинского наиболее неконтролируемым гимназистом, каким-то отъявленным смутьяном. Нарушения подобного рода часто фиксировались в первой виленской гимназии, несмотря на всю строгость режима, а может как раз и благодаря этому. К подобным нарушителям дисциплины в гимназии была разработана целая система наказаний, возраставших по мере тяжести проступка.

Меры взыскания, примененные для предупреждения или пресечения проступков со стороны учеников, например, за 1889/90 г. были следующие.

Одинокое сидение в классе; этого рода взыскание применено было по отношению к ученикам младших классов 11 раз. Выговор классного наставника перед классом сделан был 182 ученикам из общего числа 441 учеников младших четырех классов и приготовительного и 36 ученикам из 177 учеников старших классов. Оставление в гимназии на 1 час после уроков с оповещением о том родителей; таких взысканий приходилось на учеников младших классов 1127. Назначение особых занятий на дом в праздничные и воскресные дни, для пополнения упущенного, применено было к 52 ученикам младших классов и к 6 старших. Задержание в гимназии на время до 3-х часов; случаев этого рода взысканий было 145, примененных к ученикам младших классов, и 29 – к ученикам старших классов. Выговор Инспектора перед классом с внесением в штрафной журнал; таких взысканий в течение года было назначено ученикам младших классов 36, а ученикам старших классов – 13. Заключение в карцер на время 1–4 часов – взыскание, наложенное на 100 учеников младших и 27 учеников старших классов. Выговор Директора перед классом, с понижением балла за поведение, подвергались 23 ученика из числа учеников младших классов и 1 – из учеников старших классов. Заключение в карцер на время 4–8 часов применено по отношению к 3 ученикам старших классов. Заключение в карцер на время от 8 часов до 1 суток были подвергнуты 13 учеников младших классов. Выговор от имени педагогического совета был сделан 1 ученику класса. Уроки посещались учениками исправно, и за отчетный год насчитывается всего 44 урока, пропущенных учениками по причинам, которые не были признаны уважительными¹⁸¹. Таким образом, проступки Феликса Дзержинского не были чем-то особым для стен первой виленской гимназии.

Вполне сложившимися были и его отношения с товарищами по гимназии. Тот же самый Сперанский говорил о товарищеских отношениях с Дзержинским и о том, что ничего, кроме добра, лично ему Дзержинский не делал¹⁸². Более того, старшая сестра Ядвига, помогавшая Феликсу в учебе, вспоминала: «У Феликса было очень отзывчивое сердце. Помню такие случаи. Мать купит ему новые ботинки или форменную рубашку, смотрим, он приходит домой в каких-то рваных ботинках или старой рубашке. Оказывается, Феликс обменял с нуждающимся товарищем лучшее на худшее. Очень часто он свой завтрак, положенный ему в ранец, отдавал тому, у кого его не было»¹⁸³.

¹⁸⁰ Феликс Дзержинский. Страницы школьных воспоминаний проф. В. Н. Сперанского //Иллюстрированная Россия. 1926. Июль. Вып. № 31 (64). С. 13.

¹⁸¹ Пахомов Алексей Петрович. Детство / В Вильнюсе (дата обращения: 07.02.2017).

¹⁸² В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте //Русская жизнь. 2009. 29 янв.

¹⁸³ Дзержинская Я. Э. Наш Феликс //Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 107–108.

При этом Феликс Дзержинский оставался самим собой, учеником, способным на шалости и проделки на любом уроке, в том числе и на математике. Так, Дзержинский мог подменить свою сданную работу (тетрадь) по алгебре на квартире у преподавателя математики Павла Павловича Родкевича, когда его жены не было дома, и подбивать на это товарища. Это облегчалось тем обстоятельством, что Феликс Дзержинский жил в это время в качестве пансионера уже на квартире последнего¹⁸⁴.

В целом итоги обучения Феликса в пятом классе в 1892/93 учебном году были неплохие. Результаты обучения в гимназии преподаватели отмечали по трем показателям: успехи, внимание и прилежание. Наибольших успехов Феликс Дзержинский достиг в изучении Закона Божьего – 5, за «внимание» получив 4. Устное испытание по Закону Божьему он выдержал на «отлично»¹⁸⁵. Данные успехи были неслучайны, так как Дзержинский был крайне религиозен в детстве и даже готовился стать ксендзом. «Будучи в гимназии до 6 класса, я был очень религиозен, даже собирался поступить в римско-католическую духовную семинарию. Мать и один ксендз¹⁸⁶ отговорили меня от этого. Из-за религиозной практики у меня были даже ссоры со старшим братом. Будучи в 4-м классе, я заставлял их Богу молиться. Когда, уже будучи студентом, приехал на каникулы старший брат и спросил меня, как же я представляю себе своего Бога? Я ответил ему: «Бог – в сердце». И сказал: «Если я когда-нибудь приду к выводу, что Бога нет, пушу себе пулю в лоб»¹⁸⁷. Именно религиозность Дзержинского и обеспечивала ему успехи в изучении Закона Божьего. В частности, он принимал активное участие, и очень этим гордился, в самообразовательном и патриотическом кружке «Сердце Иисуса». Его старшая сестра Ядвига свидетельствовала: «Он очень любил Христа... Заветы Христа глубоко были вкоренены в его сердце... В 1893 г. Феликс хотел из гимназии перейти в Духовную Семинарию, чтобы в будущем остаться ксендзом, но преподаватель Закона Божьего в гимназии, ксендз Ясинский, отговорил его от этой мысли, так как Феликс был слишком весел и кокетлив, ухаживал за гимназистками, а те влюблялись в него по уши...»¹⁸⁸.

Оценки по остальным предметам были также вполне приемлемыми: 4 за успехи Дзержинский получил по латинскому, древнегреческому, немецкому и французскому языкам, гимнастике и истории. Такие же показания были по этим предметам и по критерию «Внимательность». Лишь преподаватель гимнастики Сацукевич оценивал успехи Феликса как хорошие и удовлетворительные¹⁸⁹. Подтверждением хороших знаний Дзержинского в этот период становится и его занятие репетиторством. Он не только знал предметы, но и мог обучить им других.

Однако учеба не являлась единственным предметом его времяпровождения. Постепенно у Дзержинского увеличивается критичное восприятие действительности. Характерный случай вспоминал соученик Феликса Сперанский. «В 1893 году виленское общественное мнение было очень взволновано таким событием: несколько учеников второй гимназии были пойманы с поличным сторожами в популярной часовне Остробрамской Богоматери в то время, как они совершали уже привычную для себя экономическую операцию: опустили в отверстие церковной кружки пластинку, смазанную клеем, чтобы к ней приставали монеты. Гимназисты были арестованы и на предварительном следствии в один голос показали, что на этот поступок их толкнуло постоянное мучительное недоедание в «конвикте» (так назы-

¹⁸⁴ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте //Русская жизнь. 2009. 29 янв.

¹⁸⁵ Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 20.

¹⁸⁶ Его дядя.

¹⁸⁷ Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 21.

¹⁸⁸ Добрюха Н. Отчаяние Дзержинского //Известия. 2007. 11 сент.

¹⁸⁹ Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 20.

валась казенная ученическая квартира для детей таможенных чиновников). На другой же день в шинельной младших классов во время большой перемены Феликс Дзержинский ораторствовал с пламенным воодушевлением.

«Вот увидите, что этим простофилям – неудачникам из второй гимназии ничего не будет. Выкрутятся превосходно и выйдут сухими из воды. Да еще старой обезьяне в очках здорово влетит из Петербурга за то, что из своего имения Молодечно гнилой картофель в «конвикт»¹⁹⁰ поставлял и тем морил их голодом». (Попечитель учебного округа Сергиевский действительно оказывал подведомственному учреждению такую хозяйственную услугу.)

Феликс оказался хорошим пророком: через полгода дело о грешных школярах рассматривалось в Виленском окружном суде. Защита отвела из состава присяжных всех педагогов, произнесла прочувствованные речи и добилась для своих юных клиентов полного оправдания.

На другой день Феликс Дзержинский с номером «Виленского вестника» в руках прочел громогласно этот приговор и выкрикнул торжествующим тоном:

«А что, ведь вышло akurat все так, как я предсказывал. Теперь эти парнишки станут поумнее и такими пустяками, как таскание монет из церковной кружки для личных надобностей, перестанут заниматься – найдется дельце посерьезнее. На этот раз уже не для личных нужд. В предприятиях молодецких не стоит размениваться на мелкую монету. Надо быть соколом, а не жалким вороненком. Надо бить сверху без промаха по самой лакомой дичине, а не пробавляться нищенскими крохами случайной поживы. Смелыми если не Бог, так черт владеет! Нечего с трусишками мешанами церемониться. Бей без колебаний по ним, как по пушечному мясу, – больше все равно они никуда не годятся. Ничего вы, господа, еще не понимаете в таковских делах, не на шутку героических. Рутинеры и мямли вы робкие. Материнское молоко у вас на губах не обсохло!»¹⁹¹.

Перелом же в характере Феликса Дзержинского произошел на рубеже 1893/94 гг. Событием, которое повлияло на него, которое, по словам Дзержинского, перевернуло всю его жизнь, была так называемая Крожская резня (Kraiziai Massacre). Эти события, получившие столь громкое название, произошли в Крожи (Кроже) – местечке в Литве. В 1891 г. местные власти, выполняя решение по русификации района и борьбе с католицизмом, закрыли здесь женский монастырь бенедиктинок. А на следующий год решили закрыть из-за «ветхости» единственный остававшийся деревянный католический храм. Просьба прихожан сохранить храм, отправленная Александру III, была проигнорирована. Стремясь не допустить уничтожения храма, местные жители установили в нем круглосуточное дежурство, звоня в колокола при малейшей угрозе. Полиция так и не смогла выполнить приказ губернатора Николая Михайловича Клингенберга (1853–1917). Занимавший с 1883 г. пост виленского полицмейстера и ковенского вице-губернатора, возглавивший Ковенскую губернию в 1887 г., выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, Клингенберг пошел в этой ситуации до конца.

Первая ноябрьская попытка «освобождения» храма от верующих, предпринятая 70 жандармами уже во главе с самим губернатором, оказалась неудачной. Прихожане забаррикадировались в храме и не пустили туда жандармов. 23 ноября 1892 г. в Крожи вступил уже карательный донской казачий отряд примерно в 300 всадников. Казаки использовали как нагайки, так и огнестрельное оружие. Применялось и холодное оружие: одну из прихожанок зарубили саблей прямо на алтаре. Несколько человек было утоплено в реке. Были убиты 9 человек, около 50 ранены. Других участников «бунта» губернатор в административном

¹⁹⁰ Конвикт (лат. – общежитие) – закрытое учебное заведение, в котором все воспитанники живут вместе, пользуясь всем готовым – помещением, столом и т. д.

¹⁹¹ В. Н. Сперанский о Дзержинском-гимназисте //Русская жизнь. 2009. 29 янв.

порядке отправил на каторгу. Храм был освобожден от прихожан и закрыт, а губернатор Клингенберг был пожалован орденом св. Андрея¹⁹².

Сказались, хотя и в различной степени и другие обстоятельства. В этот период особые дружеские отношения у Дзержинского сложились с младшими представителями семьи Гольдман. Сыновья и дочь известного еврейского коммерсанта и писателя Исаака Мееровича Гольдмана (1839–1905) надолго станут близкими друзьями Дзержинского. Его товарищами по виленской гимназии были Марк и его старший брат Борис Исаакович Гольдманы¹⁹³. Первый проучится в виленской гимназии 7 лет, а Борис закончит ее в 1894 г. с золотой медалью, после чего поступит в Санкт-Петербургский университет на отделение естественных наук физико-математического факультета¹⁹⁴. Проучится он там недолго и будет сослан в Сибирь¹⁹⁵. Согласно ряду воспоминаний, именно старший из братьев, Борис (родился 4 декабря 1864 г.), вовлечет Дзержинского в гимназические кружки, которые ставили своей целью не только самообразование, но и революционно-освободительные цели. При этом другой брат – Михаил Гольдман получил свой впоследствии такой известный партийный псевдоним «Либер» как раз благодаря Дзержинскому. Согласно Юлиану Семенову, Михаил Гольдман, в отличие от других членов кружка, обращался к ним не просто, как остальные «Товарищ!», а «Дорогой товарищ!». Это звучало как «Lieber Genosse!». Поэтому он и получил, с легкой руки Феликса, такое прозвище-псевдоним «Либер». Кроме Михаила и Бориса, следует упомянуть также их брата Леона Гольдмана, известного деятеля социал-демократии России¹⁹⁶. Все трое братьев будут в будущем видными российскими марксистами. Знакомство с Гольдманами носило и романтический характер, именно такие отношения сложились у молодого Феликса с Юлией Гольдман, его первой любовью. Впрочем, Юля Гольдман также будет посещать социал-демократический кружок. Интересно, что в вышедшей в более поздние советские годы книге С. В. Дзержинской дружба с Гольдманами не упоминалась, как и они сами, зато в ней говорилось о дружбе с братьями Касперовичами: с более старшим из них гимназистом Генрихом Касперовичем, впоследствии студентом петербургского университета, и младшим – Конрадом, гимназическим товарищем Дзержинского¹⁹⁷. При том, что в доступных списках выпускников виленской гимназии упомянутые люди не значатся.

Среди гимназических товарищей необходимо также еще отметить Арона Александровича Сольца (1872–1945), правда, тогда только входившего в образовательные школьные кружки, но также критически настроенного как к режиму гимназии, так и в целом к российским властям. Он окончит гимназию в 1895 г. и, как Борис Гольдман, поступит в Санкт-Петербургский университет, опять-таки его не окончив, как и ряд других учебных заведений, в которые он позднее восстанавливался на учебу¹⁹⁸. Спустя годы он займет видные

¹⁹² В июле 1896 г. Н. М. Клингенберг был назначен управлять Вятской губернией. Здесь состоится его встреча с Дзержинским. С 10 октября 1901 г. по июль 1902 г. он возглавлял Владимирскую губернию, откуда перешел на губернаторскую должность в Могилев. Во время его правления прошел могилевский погром, в котором он был обвинен. В 1905 г. на него было совершено два покушения, последнее из которых оказалось относительно успешным, губернатор был тяжело ранен, но выжил и прожил до 1917 года. Пришедшая на прием под девичьей фамилией своей матери (баронессы Мейендорф) 38-летняя врач-стоматолог, дочь минского помещика, эсерка Лидия Павловна Езерская (1866–1915) открыла огонь из браунинга. После революции улица Жандармская в Могилеве была переименована в Езерскую.

¹⁹³ Либер (Гольдман) Марк Исаакович (1880–1937) – с 1896 г. член социал-демократической партии Литвы, с 1897 г. один из лидеров Бунда. В 1903 г. глава делегации Бунда на 2-м съезде РСДРП, меньшевик. Годнев (Гольдман) Борис Исаакович (1874–1937), член РСДРП, большевик, впоследствии меньшевик-оборонец.

¹⁹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 31351. Гольдман Борис Иванович.

¹⁹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 12410. О ссылке в Сибирь Бориса Гольдмана.

¹⁹⁶ Гольдман Леон Исаакович (1877–1939), известный деятель социал-демократического движения, член ЦК меньшевиков.

¹⁹⁷ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 51.

¹⁹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 323364. Сольц Арон; ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 8819. Арон-Юдель Александрович Сольц. Дело. Психоневрологический институт, 1911–1912 учебные гг.

посты в большевистской партии, являясь одним из руководителей РКИ (Рабоче-крестьянская инспекция), и еще больше сблизится с Дзержинским¹⁹⁹. Выпускником Виленской гимназии, однокашником Дзержинского и Сольца, будет и другой известный впоследствии большевик – Аким Григорьевич Пальчик (1876–1957), также работавший позднее в системе РКИ.

Вместе с тем, можно согласиться с Сильвией Фролов, что увлечение социалистическими идеями у Дзержинского также произошло под влиянием руководителя упомянутого выше кружка «Сердце Иисуса» Ромуальда Малецкого (1877–1942). Примерно в этот период Малецкий ими увлекся²⁰⁰. Малецкий, как и Дзержинский, останется до конца жизни верен своему социалистическому выбору. Как и Дзержинский, он отдаст лучшие годы жизни тюрьмам и каторгам. В 1903–1911 гг. он отбывал наказание на каторге в Горном Зерентуе. Позднее, в 1911–1917 гг. – в сибирской ссылке. После революции он на различных ответственных советских постах.

Именно в это время Феликс Дзержинский увлекся чтением философских трудов Иоганна Готлиба Фихте, Эммануила Канта, Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, ученого Чарльза Дарвина. Популярное изложение теории последнего Дзержинский находил в работах видного русского ученого К. А. Тимирязева. Знакомство с их теориями подрывало его веру в Бога, формируя материалистическое мировоззрение. «Когда я был в 6-м классе гимназии, произошел перелом – в 1894 году. Тогда я целый год носился с тем, что Бога нет, и всем горячо доказывал это»²⁰¹.

Способствовала разрыву с прежними представлениями о Боге и история с преподавателем мужской и женской гимназий Вильно Правосудовичем. В силу закрытости этих учебных заведений общение между их учениками возбранялось, считалось излишним и вредным. Виделись гимназисты и гимназистки крайне редко и вне стен гимназий, притом, что их возраст способствовал возникновению романтических чувств. Это относилось и к Феликсу, чья романтическая внешность, с тонкими «рафаэлевскими» чертами лица, привлекала многих гимназисток. «Он был разительно схож с матерью, Еленой Янушевской, женщиной редкой красоты. Та же тонкость аристократических черт лица, те же прищуренные зеленоватые глаза и красиво выписанный небольшой рот, по углам чуть опущенный презрительным искривлением. Юношеские портреты будущего председателя ВЧК чрезвычайно схожи с портретом юного Рафаэля: Дзержинский был хрупок, женственен и строен, «как тополь киевских высот»²⁰².

Через имевшего доступ в обе гимназии преподавателя имела возможность переписки с гимназистками, которую и использовал в своих целях Дзержинский. Для этого он употреблял галоши Правосудовича, куда помещал записки, которые перемещались вместе с обувью из одного заведения в другое. Так же действовал и обратный маршрут: от гимназисток к Феликсу Дзержинскому. Но через некоторое время «маршрут был раскрыт» и Дзержинскому здорово досталось и от преподавателя, и, что было особенно неприятно, от ксендза. Эта история послужила одной из личных причин, пусть и не основных, его отхода от церкви²⁰³. Согласно же схожей версии С. С. Дзержинской, переписка между влюбленными Дзержин-

¹⁹⁹ Ратьковский И. С. А. А. Сольц и Ф. Э. Дзержинский: история взаимоотношений // Евреи Европы и Ближнего Востока: история, социология, культура. Материалы международной научной конференции 27 апреля 2014 / отв. ред. М. О. Мельцин, А. Н. Пилипенко; Петербургский ин-т иудаики. СПб., 2014. (Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». Вып. 9). С. 273–278.

²⁰⁰ Фролов Сильвия. Дзержинский. Любовь и революция. М., 2017. С. 53–54.

²⁰¹ Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 21.

²⁰² Гуль Р. Дзержинский. М., 1992. С. 8–9.

²⁰³ Профессор Академии ФСБ Александр Плеханов. Нормальной семейной жизни у Феликса Дзержинского не было // Известия. 2007. 11 мая.

ским и гимназисткой велась через посредничество калош ксендза, который преподавал закон божий в обеих гимназиях²⁰⁴.

В самом главном обе версии сходятся. Правда, некоторые детали необходимо уточнить: так, А. Плеханов пишет об учителе словесности Правосудовиче (не упоминая его имени отчества), скорее все же речь идет о Емельяне Елевферьевиче Правосудовиче, который преподавал в мужской и женской гимназии всеобщую историю в 1895–1897 гг., а ранее в 1886–1887 гг. ее же – в Виленском юнкерском училище. Отметим, что Емельян Правосудович сам был выпускником первой виленской гимназии 1876 г. Хотя в воспоминаниях нигде не говорится об имени гимназистки, есть основание, с большой степенью вероятности, утверждать, что это была Юлия Гольдман – первая любовь Дзержинского.

Главным же в отходе от прежних религиозных католических и политических националистических взглядов было все же знакомство с философскими и политэкономическими работами. Первые способствовали разрыву с Богом, вторые – с польским национализмом.

В этот период Вильно уже являлся центром социал-демократического движения, хотя первоначально польское и литовское социал-демократическое движение развивались параллельно, хотя и с некоторым опережением в Польше. Так, в марте 1894 г. в Варшаве прошел первый съезд социал-демократической партии Польши. На партийном съезде была принята программа, определившая ее организационные формы, закрепившая принципы интернационализма, «братства с русским пролетариатом». Съезд открыл Бронислав Веселовский. За мягкую улыбку и не сходящее с лица выражение печали его прозывали Смутны (Грустным). Впоследствии он станет близким товарищем Феликса Дзержинского²⁰⁵. А в это время они еще не были знакомы.

Дзержинского в социал-демократическое движение привели два человека, видные представители литовской социал-демократии того времени – Альфонс Моравский (Алфонсас Моравскис) и доктор Антон Домашевич (Андриус Домашявичюс). Особо доверительные отношения у него были, несмотря на значительную разницу в возрасте, с дворянином Ковенской губернии А. Домашевичем, который уже успел отбыть сибирскую ссылку в Мариинске Томской губернии и в других местах²⁰⁶. В 1894 г. Феликс Дзержинский вступает в социал-демократический гимназический кружок в Вильно, куда входили и гимназистки, под руководством одного из основателей социал-демократии Польши и Литвы Альфонса Моравского.

«В 1894 году, будучи в 7-м классе гимназии, – писал Феликс Дзержинский позднее в автобиографии, – вхожу в социал-демократический кружок саморазвития»²⁰⁷. Здесь он получил для изучения «Эрфуртскую программу» СДПГ, и, по собственному признанию, «во мгновение ока стал ее адептом»²⁰⁸. По образному выражению Р. Гуля, «Бог католицизма в душе Дзержинского сменился «Богом Эрфуртской программы». И опять везде, среди братьев и сестер, товарищей, родных, знакомых, Феликс Дзержинский стал страстно проповедовать свои новые революционные взгляды, принципы атеизма и положения марксизма»²⁰⁹.

²⁰⁴ Дзержинская С. С. В годы великих боев. 2-е изд., испр. и доп. М., 1975. С. 123.

²⁰⁵ Веселовский (Весоловский) Бронислав Эузенбуш (Андреевич) (1870–1919). Деятель польского и русского революционного движения (в тюрьмах и на каторге Веселовский провел в общей сложности около 20 лет). В 1918 г. Веселовский будет возглавлять Верховный революционный трибунал. Работник ВЧК. В январе 1919 г., являясь главой миссии советского Красного Креста в Польше, был зверски убит польскими реакционерами. Подробнее о его смерти см.: Барынкин А. В. Судьба советской миссии Красного Креста в Варшаве в контексте советско-польских отношений 1918–1920 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2. С. 17–21.

²⁰⁶ Домашевич Антон, согласно данным архивов, ссылку отбывал в Мариинске и других городах Сибири // ГУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8960.

²⁰⁷ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 3.

²⁰⁸ Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 21.

²⁰⁹ Гуль Р. Дзержинский. М., 1992. С. 10.

Эрфуртская партийная программа Социал-демократической партии Германии, состоявшая из программы-максимум и программы-минимум, была принята в 1891 г., на смену прежней, так называемой «Готской программы» 1875 г. В программе-максимум в качестве предварительного условия экономического освобождения выдвигалась задача завоевания политической власти пролетариатом, который для осуществления своей всемирно-исторической миссии должен располагать самостоятельной политической партией. Программа указывала, что одним из важнейших условий успехов германского рабочего движения является верность принципам пролетарского интернационализма.

В программе-минимум освещались промежуточные цели. В области политической выдвигались требования, направленные на соблюдение и развитие демократических свобод: введение демократической избирательной системы, самоуправление народа, равноправие женщин, неограниченная свобода союзов и собраний, решение вопросов о войне и мире народным представительством и т. д. В социальной области программа требовала введения бесплатного медицинского обслуживания, прогрессивного подоходного налога, действенного национального и международного законодательства об охране труда, в котором было бы предусмотрено установление 8-часового рабочего дня, запрещение труда детей до 14 лет, преобразование системы социального страхования и т. д.

Эрфуртская программа придала системность политическим взглядам Дзержинского, подготавливая его к профессиональной революционной деятельности и подготовив разрыв Дзержинского с польскими националистическими идеями. Характерно, что подобное влияние на становление политических взглядов фиксируются и в автобиографии известного в будущем большевика, одно время и чекиста, Н. А. Скрипника, написанной в 1921 г.: «Переход к марксизму был очень труден. Пришлось выработать мировоззрение, отказаться от неопределенного революционизма. Прочитав Зиберу «Рикардо и Маркс», статьи Каутского в журнале «Северный Вестник» и др. издания, я все-таки еще не стал марксистом, пока ко мне не попал галицийский перевод «Эрфуртской программы», заставившей меня порвать с прошлыми взглядами, приняться за Каутского, «Капитал» Маркса и признать себя марксистом. С 1897 г. я вел работу свою уже как марксист, социал-демократ и с этого времени считаю себя членом партии». Оба они будут работать в еще далеком 1918 году в ВЧК, а жизненные пути их пересекутся еще ранее в Александровском центре. Один из них отказался от своего польского, второй от украинского национализма.

Являясь учеником 7-го класса гимназии, Феликс Дзержинский читал членам ученического кружка «...естественнонаучные книги, в том числе о жизни растений К. А. Тимирязева, стихи Некрасова, Конопницкой, «Оду к молодости» Мицкевича», – вспоминала одна из участниц кружка²¹⁰. Вскоре с небольшой группой товарищей на горе Гедимины в Вильно, подобно А. Герцену и Н. Огареву поклявшихся на Воробьевых горах, он дает в день коронации Николая II торжественную клятву бороться со злом до последнего дыхания.

Но в его сердце есть место и для горячо любимой матери и семьи. В сочельник 1894 г. он едет к ней и к бабушке в Йоды, где встречает праздник в семейном кругу. Это было последнее рождество, которое он провел вместе с мамой и другими членами своей семьи²¹¹.

Уже в следующем 1895 г., как вспоминал сам Феликс Дзержинский, он вступает в литовскую социал-демократию, участь марксизму и ведя кружок ремесленных и фабричных учеников. Сюда его привел его тогдашний наставник в революционной деятельности доктор Антон Домашевич, представив его как товарищ «Якуб». Вскоре этот псевдоним сменился на другой, более известный впоследствии «Яцек». Сам Дзержинский считал своим первым

²¹⁰ Войткевич-Кржижановская М. О себе он не думал // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 46.

²¹¹ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 53.

партийным псевдонимом именно его²¹². Смена произошла, так как один из рабочих донес начальству, что некий Якуб ведет агитацию среди железнодорожников. «На нелегальном собрании мы решили, что нужно сменить псевдоним Якуба. Предложили заменить Якуб на Яцек. Дзержинский согласился, и с тех пор мы его все время называли Яцеком»²¹³.

«До появления у нас Яцека, – вспоминал один из членов кружка А. Гульбович, – мы были очень слабы. Он начал читать нам брошюры и объяснять их. В числе прочих тогда брошюр помню «Кто чем живет»²¹⁴, «Умственная работа и машина», «Эрфуртскую программу» и другие. У меня был кружок, состоявший из 14–17-летних ребят. Я им читал брошюры: «О происхождении Земли», «Откуда берутся дождь и снег», «Откуда взялись камни на наших полях» и т. д.²¹⁵ Тут Яцек мне во многом помогал. Хотя он и говорил, что учится среди нас революционной работе, но, учась сам, Яцек сам в то же время и нас учил»²¹⁶.

«После Эрфуртской программы, – вспоминал другой участник кружка Эдвард Соколовский (Томаш), – мы прилежно принялись за Плеханова. Колоссальное влияние имела на нас его книжка «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»²¹⁷.

Феликс Дзержинский в этот период регулярно читает издание польских социал-демократов «Справу robotniczu» («Рабочее дело»). Большое впечатление произвел на него изданный к этому времени на польском языке вторым изданием «Коммунистический Манифест». Провозглашенный в нем лозунг, зовущий к объединению пролетариев всех стран, был им воспринят как прямой призыв к совместной борьбе польских и русских пролетариев против царизма.

Характерно, что свои последние гимназические каникулы Дзержинский посвятил в конечном счете так же делу революции. Он поехал давать уроки для детей помещика Сволки в Лидском уезде. Полученные деньги, пятьдесят рублей за каждый месяц, он передал в революционную организацию²¹⁸. При этом все переезды по железной дороге он проводил исключительно в вагонах второго класса, не считая возможным транжирить деньги революции на удобное перемещение. Экономить на себе заработанные им же деньги он считал естественным для настоящего революционера.

Учеба в этот период у Дзержинского пересекалась с революционной деятельностью, что не лучшим образом сказывалось на его ученических успехах. К этому еще добавилась болезнь матери. Стремясь добиться улучшения ситуации, семья приняла решение о переводе ее в варшавскую клинику известного врача-невролога Рафаила Игнатьевича Радзиловича (Radziłłowicza)²¹⁹. В начале сентября 1895 г. Дзержинский вместе с братом Станиславом проводили в Варшаву тяжелобольную мать, вернувшись затем в Вильно. В середине

²¹² Дзержинский Ф. Дневник. Письма к родным. М., 1956. С. 11.

²¹³ Гульбинович А. На заре рабочего движения // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 49.

²¹⁴ Работа известного польского социалиста «Кто с чего живет?» Шимона Рафаиловича Дикштейна (1858–1884), псевдоним – Ян Млот. Является переложением первого тома «Капитала» Карла Маркса. Опубликовано в 1881 г.

²¹⁵ Брошюры К. А. Тимирязева (1843–1920).

²¹⁶ Гульбинович А. На заре рабочего движения // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 49.

²¹⁷ Цит. по: Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 10.

²¹⁸ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 50.

²¹⁹ Радзилович Рафаил Игнатьевич (28. 12. 1860, Петербург – 07.11. 1929, Вильно), невропатолог, психиатр, доктор медицины, профессор. Окончил медицинский факультет Дерптского ун-та в 1886 г. В 1889–1891 гг. – ординатор психиатрической лечебницы св. Николая в Петербурге, затем занимался частной практикой. В 1905–1915 гг. преподавал на Высших женских курсах в Петербурге. Один из организаторов Прогрессивно-демократического союза и Союза польских врачей. В 1922–1926 гг. доцент Варшавского ун-та. С 1927 г. жил в Вильно, профессор психиатрии ун-та, директор государственного психиатрического госпиталя.

месяца к ней, получив сведения об ухудшении ее здоровья, снова выехал Станислав, а затем и Феликс. В начале октября он вернулся в Вильно²²⁰.

Учитывая болезнь дочери и необходимость помощи ее детям, 3 октября 1895 г. на постоянное место жительства из Йод в Вильно переехала бабушка Феликса Дзержинского – Казимира Янушевская. Она забрала в свой дом на Поплавской, 26 внуков, и те смогли покинуть частный гимназический пансионат²²¹. Во флигеле дома также проживала тетя Софья Пилляр, третья из сестер Янушевских.

Уже вскоре на чердаке бабушкиного дома Дзержинский оборудовал нелегальную компактную типографию, где лично на гектографе печатал небольшими тиражами листовки. О ее существовании никто из родственников в то время так и не узнал. Только в 1914 г., когда после налета немецкой авиации чистили чердак, обнаружили ее остатки²²².

Несколько позднее он оборудовал еще одну подпольную типографию в подвале Бернардинского костела. Здесь он с другими членами социал-демократической партии Литвы также печатал листовки. «Мы печатали, – вспоминала Мария Войткевич-Кржижановская, – на гектографе, по ночам, в подвале Бернардинского костела прокламации, брошюры, листовки. Таинственность обстановки, работа в ночной тишине при слабом свете коп-тилки, заставляла нас бдительно следить за каждым движением, прислушиваться к каждому шороху. Нервы были напряжены. Лицо Феликса, целиком поглощенного делом, было вдохновленно»²²³. Третья нелегальная типография была расположена в другом районе Вильно, на Снеговой улице, рядом с полицейским участком. Подобное соседство представлялось Дзержинскому скорее благом, чем проблемой.

В декабре 1895 г., во время рождественских каникул, Феликс принимает участие в работе съезда представителей нелегальных ученических и студенческих кружков самообразования Польши, который проходил в Варшаве. На съезде Дзержинский, делегат от Вильно, выступил как сторонник пролетарского интернационализма. Яркое описание этого выступления оставил участник съезда, ученик 8-го класса Келецкой гимназии Бронислав Кошутский: «Уже эти первые выступления Феликса, тогда восемнадцатилетнего юноши, носили черты, характерные для всей его позднейшей деятельности: глубокую веру в правильность революционной идеи и вместе с тем твердую волю и стремление воплотить в жизнь эти идеи, бескорыстность и бескомпромиссность»²²⁴. В эти же дни он посетил в варшавской больнице, как оказалось, в последний раз, свою больную мать.

Все большее вовлечение в революционное и рабочее движение постепенно готовило разрыв Дзержинского с прежними его представлениями о целях в жизни. Образование как самоцель уже мало значит для Феликса Дзержинского; скорее даже отвлекало от новой идеи «освобождения человечества». Тем более что сам Дзержинский, увлеченный символизмом, испытывающий явные проблемы со здоровьем, считал, что ему суждено прожить очень недолгую жизнь, буквально несколько лет.

Характерны декадентские стихи Феликса Дзержинского этого периода:

«Каждую ночь нечто навещает меня,

²²⁰ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 53.

²²¹ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 53–54; Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 11.

²²² Дзержинская-Кояллович А. Воспоминания сестры // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 37; Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 54.

²²³ Войткевич-Кржижановская М. О себе он не думал // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 46.

²²⁴ Кошутский Б. В начале пути // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 42.

Бестелесное и беззвучное,
Некое таинственное видение
Стоит надо мною в молчании.
Дарит оно мне поцелуй,
Но этот дар непонятен мне:
Предлагаешь ли мне свое сердце
Или смеешься надо мной, о ледяная Дама?»²²⁵.

Уже упомянутый А. Гульбинович вспоминал: «Яцек был моложе меня на три года. Мне тогда было 22 года, ему 19 лет. Как-то мы шли вместе ночью и разговаривали. Я ему говорю:

– Почему ты так не бережешь себя, так растрачиваешь свои силы? Нужно немного поберечь себя, иначе потеряешь здоровье.

– Чего уж там, – отвечает, – здоровье мое никудашное. Врачи сказали, что у меня хронический бронхит и порок сердца, что жить мне осталось не больше семи лет. Вот и нужно прожить эти семь лет как следует, полностью использовать для рабочего дела.

Я похолодел от этих слов. Я очень любил его...»²²⁶. Разговор с товарищем состоялся вскоре после ухода из гимназии, но в послегимназический период Феликс не посещал врачей и его представления (знания) о своем здоровье и выводы, которые он делал, хорошо иллюстрируют более раннее отношение Дзержинского к своему здоровью.

Поэтому продолжающиеся занятия в виленской гимназии представляются Дзержинскому вынужденной необходимостью, уступкой его матери и бабушке, которых он очень сильно и глубоко любил и не мог огорчить. Уход из гимназии, таким образом, откладывался, а возможно и в целом становился невозможным. Мать Дзержинского серьезно болела, поэтому он не мог ее огорчить известием о прекращении своей учебы. Не отличалась здоровьем, в том числе в силу возраста, и его бабушка Казимира.

14 января 1896 г. в варшавской больнице умирает мать Дзержинского – Елена Игнатьевна. Она будет похоронена в Вильно на Бернардинском кладбище. Во время ее болезни Дзержинский к ней часто ездил из Вильно, стараясь облегчить ее страдания. Так, сочельник 1895 г. он провел в поезде, который следовал в Варшаву²²⁷.

Теперь же, после смерти матери, мало что удерживало его от разрыва с ненавистной гимназией. Тем более что через две недели умирает и мать Елены – бабушка Казимира Янушевская. Дзержинский чувствовал свою ответственность перед любимыми матерью и бабушкой, которые к тому же болели; теперь же он идет на демонстративный разрыв с учреждением, становясь профессиональным революционером. В автобиографии Дзержинский кратко писал об этом событии так: «Из гимназии выхожу сам добровольно в 1896 году, считая, что за верой должны следовать дела и надо быть ближе к массе и самому с ней учиться»²²⁸.

Из воспоминаний брата Игнатия можно извлечь более развернутую канву событий: «Эпилогом его пребывания в гимназии было шумное событие, происшедшее между ним и учителем Мазиковым, обвинившим Фелька в краже книги из библиотеки гимназии. Это событие окончилось тем, что Феликс в присутствии учащихся сказал по адресу учителей нелестные слова: «Не только ты, Мазиков, сволочь, но и все вы, учителя, являетесь

²²⁵ Рейфилд Д. Р. Сталин и его палачи. Гл. 2. Сталин, Дзержинский и ЧК. М., 2008.

²²⁶ Гульбинович А. На заре рабочего движения // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 49.

²²⁷ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 53.

²²⁸ Дзержинский Ф. Дневники и письма. М., 1956. С. 8.

мерзавцами...»²²⁹. Примерно также излагала события и его племянница, дочь Владислава – С. В. Дзержинская, с одним уточнением, что у воспитателя класса Мазикова было прозвище «Рак»²³⁰. В списке преподавателей виленского юнкерского училища за период 1893–1897 г. числился преподаватель истории Первой Виленской гимназии Мазиков Алексей Дмитриевич²³¹.

Согласно же воспоминаниям сестры Альдоны, Феликс вошел в учительскую и, обращаясь к учителю русского языка Раку, заявил о его несправедливости к ученикам-полякам и шовинизме. О том, что национальное угнетение ведет к тому, что из учеников вырастут революционеры. Вы сами готовите борцов за свободу, в конце выкрикнул он²³². Данное воспоминание представляется наиболее достоверным из вышеприведенных, так как в первой виленской гимназии в этот период действительно преподавал учитель русского языка Иван Григорьевич Рак²³³.

Софья Игнатьевна Пилляр – родная тетя Феликса, попыталась смягчить ситуацию и обратилась 2 апреля 1896 г. к директору с просьбой освободить от занятий в гимназии ее племянника. Ходатайство принесло отчасти некоторые плоды. Вскоре ей выдали свидетельство о выбытии из гимназии на имя ученика восьмого класса Первой виленской гимназии Феликса Дзержинского. Свидетельство давало право сдачи экзаменов на аттестат зрелости в любом другом городе и после этого без экзаменов поступить в университет²³⁴. При примерном поведении, которое он получил в свидетельстве об окончании семи классов гимназии, в нем же значились следующие оценки: по русскому и по греческому – «двойки», по Закону Божьему – «четверка», по остальным предметам – «тройки»²³⁵. Обстоятельства «ухода из гимназии» в значительной степени определили и итоговые оценки знаний.

Позднее, в одном из сообщений начальника Виленского жандармского управления говорилось, что «Дзержинский, будучи в гимназии, уже обращал на себя внимание гимназического начальства тем, что он всегда будто бы был недоволен настоящим положением, что иногда им высказывалось, хотя в такой форме, которая не давала оснований к удалению его из заведения, но тем не менее начальство гимназии, заметив в нем такие проявления, уже не взяло на себя ответственность за выдачу ему аттестата зрелости, вследствие чего он и должен был оставить гимназию, и что два его старших брата также замечены в политической неблагонадежности»²³⁶.

Уход из гимназии обозначил начало фанатичной революционной деятельности Дзержинского. Деятельность, которая через многочисленные испытания в виде ссылок, тюрем, болезней станет одной из многих предтеч Красного Октября 1917 г. Первое тюремное заключение последует уже через год, в 1897 г., за ней будет первая ссылка, первый побег. Позднее

²²⁹ Цит. по: Федоткина Т. Палач королевства любви //Московский комсомолец. 1998. 5 сент. В более мягкой отредактированной форме это изложено в официальной советской биографии Ф. Э. Дзержинского: «Твердо решив добровольно оставить гимназию, Феликс зашел однажды в учительскую и открыто выступил с резкой критикой одного из наиболее ненавистных, реакционных педагогов – шовиниста Мазикова. Дзержинский смело высказал ошеломленным учителям свои взгляды на постановку воспитания, а вернувшись домой, поделился об этом с близкими, испытывая удовлетворение от исполненного долга» //Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 11.

²³⁰ Дзержинская С. В. Героическая молодость. М., 1977. С. 44, 59–60.

²³¹ Виленское пехотное юнкерское училище 1864–1899 г. Краткий исторический очерк / сост. А. Антонов. Вильна, 1900. Приложение. С. 41.

²³² Дзержинская-Кояллович А. Воспоминания сестры //Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 38.

²³³ Виленское пехотное юнкерское училище 1864–1899 г. Краткий исторический очерк / сост. А. Антонов. Вильна, 1900. Приложение. С. 34.

²³⁴ Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 18.

²³⁵ Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 20.

²³⁶ Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 208.

последуют новые аресты и ссылки, и так вплоть до Февральской революции. Однако для Дзержинского ничего не менялось, клятва, данная в гимназические годы, оставалась нерушимой.

Первая ссылка и побег

После апрельского отчисления из первой виленской гимназии Феликс Дзержинский уже живет у своей сестры Альдоны и ее мужа Гедымина Булгака на Поповской улице, д. 1 (позднее улица Марите Маргит). Здесь же жили двое младших братьев Дзержинского: Игнатий и Владислав, так же учившиеся в первой виленской гимназии. Правда, их обучение в первой виленской гимназии, после демарша Феликса Дзержинского, скоро закончилось. Через год директор гимназии заявил, что лучше будет, если они переедут в другой город, так как аттестата зрелости в его заведении им все равно не получить. Несмотря на хорошую учебу, Игнатий и Владислав вынуждены были уехать заканчивать гимназическое обучение в Санкт-Петербург²³⁷. Позднее Игнатий Дзержинский окончит Московский университет²³⁸. Этот же университет окончит и Владислав.

К Феликсу Дзержинскому, на квартиру Альдоны, часто заходил его старший товарищ по революционной деятельности доктор А. Домашевич, что было не безопасно, т. к. могла пострадать семья Дзержинского: его сестра и ее семья, его младшие братья. «Я знала, что Домашевич нелегальный, и я боялась, что его выследят и арестуют у меня на квартире», – тревожилась Альдона²³⁹. Однако первое время она ничего не могла с этим поделать.

Между тем в Вильно активизировалась работа местных социал-демократов. 1 мая 1896 г. на квартире доктора А. Домашевича состоялся учредительный съезд Литовской социал-демократической партии (СДПЛ). Партию первоначально возглавили А. Моравский и А. Домашевич. В принятой партийной программе ставилась задача достижения суверенитета Литвы, охватывающего Виленскую, Ковенскую, Сувальскую и Гродненскую губернии, связав Литву с соседними государствами узами свободной федерации.

Дзержинский и более молодые члены партии на решения съезда повлиять не могли, но проявили себя в этот день достаточно громко. 1 мая 1896 г. состоялся тайный митинг в Каролинском лесу. Собралось около 50 рабочих, перед которыми, под красным знаменем, выступили Дзержинский и Гульбинович. После все собравшиеся пели революционные песни, а затем рабочие подхватили Дзержинского и его товарища и стали их качать. Феликс за это отругал рабочих, но никто не обиделся²⁴⁰.

Постепенно нелегальная работа все больше затягивала Дзержинского. Рисковать своими родными он уже не мог. В январе 1897 г. Феликс переехал на Заречную улицу, д. 14 в дом Е. И. Миллера, где жил до марта 1897 г.²⁴¹ Он снимал мансарду с еще одним рабочим-революционером, сапожником Францем Корчмариком (Францишек).

Работа среди рабочих, среди которых встречались и штрейкбрехеры, и провокаторы, была порой опасна для жизни. Агитаторов встречали по-разному. Между ними и отсталыми рабочими бывали столкновения, нередко и потасовки. Жертвой одного из инцидентов оказался и Феликс Эдмундович и его друг А. Гульбинович, одно из прозвищ которого было

²³⁷ Дзержинская-Кояллович А. Воспоминания сестры // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 38.

²³⁸ Садовска Б. Польская среда Московского университета в воспоминаниях Игнаца Дзержинского (1898–1903). Очерки // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток. Материалы международной научно-практической конференции. 2016. С. 195–200.

²³⁹ Дзержинская-Кояллович А. Воспоминания сестры // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 37.

²⁴⁰ Гульбинович А. На заре рабочего движения // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 50.

²⁴¹ Дзержинская-Кояллович А. Воспоминания сестры // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 38; Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография / редкол. А. С. Велидов и др. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 22–23.

«Поэт». Рабочие завода Гольдштейна поймали Яцека и его товарища и сильно их избили. «Мне нанесли ножевые раны по правому виску и голове, – вспоминал позднее Феликс Эдмундович. – Доктор Домашевич потом зашил рану. Поэта меньше избили, так как он сразу свалился с ног, а я защищался...»²⁴².

Стремясь хоть как-то обезопасить себя от подобного в будущем, Феликс Дзержинский позднее в карманах всегда носил вскрытую пачку махорки, для того чтобы бросить в глаза нападавшему на него. Безропотно терпеть побои, даже от рабочих, Дзержинский не желал.

Вскоре 18 (30) марта 1897 г. по решению Виленской социал-демократической организации Дзержинский был переведен в Ковно (сейчас – Каунас), где не было социал-демократической организации и где недавно провалилась организация ППС (Польская социалистическая партия)²⁴³. Данный перевод, возможно, был связан с наметившимися разногласиями между Дзержинским и руководством партии. Дзержинский по-прежнему стоял на позициях интернационализма, а его оппоненты все более склонялись к самостоятельному литовскому пути в социал-демократическом движении.

Рабочие же по-прежнему тепло относились к юному революционеру, устроив теплые проводы девятнадцатилетнему Феликсу. По свидетельству старого виленского рабочего Грабара, Дзержинский, прощаясь с ними, высказал пожелание «встретиться на поле борьбы»²⁴⁴.

В Ковно Дзержинский живет сначала на Вилкомирской улице, д. 8, снимая небольшую комнату у адвоката Кильчевского. Через некоторое время, незадолго до ареста, 6 июля он переехал на Куровскую улицу в дом инженера Воловича²⁴⁵.

По приезду в город Дзержинский устраивается на работу в переплетную мастерскую. Это давало сразу несколько преимуществ: нужные конспираторские навыки для революционера, плюс доступ к бумаге, а также небольшой заработок. Последнее обстоятельство было важно, так как денег не хватало, даже с учетом работы в мастерской. «Условия моего существования в Ковно, – вспоминал Дзержинский, – были весьма тяжелые. Я устроился на работу в переплетную мастерскую. И весьма бедствовал. Не раз текла слюнка, когда я приходил на квартиру рабочих и в нос ударял запах блинов или чего-нибудь другого. Иногда приглашали меня рабочие вместе поесть, но я отказывался, уверяя, что уже ел, хотя в желудке было пусто»²⁴⁶. Работа в переплетной мастерской также «подарила» Феликсу новый псевдоним – «Переплетчик». Переплетные навыки Дзержинский стал использовать уже в ковенский период революционной деятельности. Привезенный из Вильно «Манифест Коммунистической партии» он вмонтировал для конспирации в роскошно изданную книгу о генерале М. Н. Муравьеве, который подавил польское восстание 1863 г.²⁴⁷

Так как денег все равно не хватало, Феликс Дзержинский подрабатывал в это период и частными уроками. Об этом, в частности, свидетельствует протокол допроса ковенского жандармского управления шестнадцатилетнего Роцинского, которого Дзержинский готовил к поступлению в Тельшяйскую римско-католическую семинарию²⁴⁸.

В Ковно Дзержинский продолжает и революционную работу. Он выпускает на гектографе нелегальную газету «Ковенский рабочий» на польском языке (вышел один номер, весь из материалов Дзержинского). Весь номер на восьми страницах он составил буквально за несколько недель. Номер был отпечатан 1 апреля. Спустя две недели он приехал в Вильно и

²⁴² Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 58.

²⁴³ ППС – Польская социалистическая партия, организация польских социалистов, выступавших под лозунгом борьбы за независимость Польши, основана в 1892 г.

²⁴⁴ Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 16.

²⁴⁵ Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография // Редкол. А. С. Велидов и др. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 23.

²⁴⁶ Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 61.

²⁴⁷ Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 21.

²⁴⁸ Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 18.

показал этот номер на заседании Виленского комитета партии. А. Гульбинович, присутствовавший на заседании, вспоминал: «Мы обратили внимание на то, что первые страницы были написаны четко и разборчиво, а последние уже менее старательно и менее разборчивым мелким почерком. Он оправдывался тем, что у него было очень мало времени: сам писал, сам печатал, сам распространял, сам бегал на фабрики и агитировал»²⁴⁹.

Ряд статей были им написаны и для выходившей за границей социал-демократической газеты «Роботник литевски» № 2 и № 3. Позднее Дзержинский вспоминал: «Я дал тогда массу материала о положении ковенских рабочих в «Роботник ковиенски» (вышел всего один номер, гектографированный; материал в нем исключительно мой) и «Роботник литевски»²⁵⁰.

Вернувшись в конце апреля в Ковно, Дзержинский стал инициатором подготовки и проведения празднования 1 мая. На митинге Дзержинский произнес пламенную речь, которая запомнилась рабочим образным сравнением царизма со свиньей, готовой сожрать солнце, образ который он взял у русского писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина²⁵¹.

В этот же период Феликс Дзержинский руководит забастовкой в Алексоте, пригороде Ковно. Рабочие добились сокращения рабочего дня на 3 часа. Вспоминая о том времени, он писал в автобиографии: «Здесь пришлось войти в самую гущу фабричных масс и столкнуться с неслыханной нищетой и эксплуатацией, особенно женского труда. Тогда я на практике научился организовывать стачку»²⁵². Общаясь, в том числе, с рабочими-литовцами, Дзержинский начинает учить литовский язык. Позднее, уже после ареста, среди его книг полицейские найдут небольшой рукописный польско-литовский словарь²⁵³.

17 (29) июля 1897 г. произошел первый арест Феликса Дзержинского. В «Обзоре важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях» за 1897 год за соответствующей датой записано: «17 июля 1897 года в гор. Ковне, на площади около военного собора, был задержан неизвестный человек, наименовавшийся Эдмундом Жебровским, который, появляясь на фабрике Тильманса, распространял между рабочими разные книжки. При обыске у задержанного, оказавшегося в действительности дворянином Виленской губернии Феликсом Эдмундовичем Дзержинским, обнаружены в большом числе заметки, выписки и вырезки из дозволенных и подпольных газет о стачках, нормировке рабочего дня и вообще по рабочему вопросу»²⁵⁴.

Арест состоялся по доносу рабочего-подростка, соблазненного 10 рублями. Сам Дзержинский так описывал обстоятельства своего первого ареста: «Был выдан одним рабочим, которому принес в скверик возле собора нелегальные книжки. Предатель получил за свою работу 10 рублей». Речь шла о рабочем-подростке завода «Бр. Тильманс» Михале Римасе²⁵⁵.

Отметим, что арест Дзержинского не был игрой случая или последствием только одного предательства. Активность революционеров в литовско-белорусско-польских землях Российской империи, как бундовцев, так и социал-демократов, была очевидной для охраны. Уже с мая 1897 г. ею проводилась работа по организации широкомасштабной операции по аресту всех активистов этих организаций. Так, в ночь на 26 июля 1897 г. были произведены аресты 55 членов Бунд, в том числе в Минске (17 человек), Бобруйске (5 человек), Вильно

²⁴⁹ Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 19.

²⁵⁰ Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 60.

²⁵¹ Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 20.

²⁵² Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 3.

²⁵³ Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 25.

²⁵⁴ Цит. по Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 23.

²⁵⁵ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 4.

(7 человек), Варшаве и Лодзи (20 человек), Барановичах (3 человека), в Одессе, Гродно и Брянске по одному. Вскоре, вторым заходом, были арестованы еще 12 бундовцев. Также в этот период последовали аресты членов различных местных социал-демократических организаций, в том числе многочисленных «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса». Целью арестов были в первую очередь подпольные типографии и пункты распространения нелегальной литературы. Арест Дзержинского и разгром ковенской организации социал-демократов хорошо вписывается в эту волну арестов.

Первоначально, после ареста, Феликс Дзержинский назвался Жебровским Эдмундом Ромуальдовичем, дворянином из Минска. Этим он надеялся выиграть время, для того чтобы из его квартиры удалили всю компрометирующую литературу. Однако небольшой выигрыш во времени мало что дал для заключенного в Ковенскую тюрьму Дзержинского. Ничего вывезено из квартиры так и не было.

При обыске на квартире Дзержинского нашли вырезки из легальных и нелегальных газет, нелегальную литературу. Была обнаружена также настоящая библиотека для рабочих, с книгами иногда до пяти экземпляров отдельных произведений. После обнаружения книг Дзержинского у рабочих его обвинили в распространении запрещенной литературы. На него стало оказываться физическое и психологическое давление. Несмотря на то, что он находился под следствием и являлся, согласно российскому законодательству, несовершеннолетним, его постоянно сажали в тюремный карцер без воды и пищи. Применялись и телесные наказания – били до потери сознания²⁵⁶. На это же указывал в своем исследовании даже эмигрант Р. Гуль: «В первой тюрьме «Астроном» провел год. Из тюрьмы писал товарищам: «жандармы бьют меня, и я им отомщу»²⁵⁷. Телесные наказания и бесконечные очные ставки оказались малоэффективными. Показаний на других Дзержинский не дал.

Только через продолжительное время режим содержания Дзержинского улучшился. Через брата Станислава он смог получать книги. Начинает Дзержинский и системное изучение немецкого языка. Впрочем, послабления были не во всем – и Дзержинский вынужден был обращаться с заявлением на имя тюремной администрации с протестом против запрещения пользоваться марками, бумагой и конвертами, оставленными для него в тюремной конторе Станиславом²⁵⁸. К этому времени вследствие длительного тюремного заключения у него возникли проблемы со здоровьем, особенно ухудшилось зрение: «глаза немного разгулялись», как писал об этом сам Дзержинский²⁵⁹.

Постепенно сформировалось обвинение. Дзержинского обвиняли в принадлежности «...к тайному преступному сообществу, именующему себя «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»²⁶⁰. Он подавался, несмотря на свой юный возраст, как уже сформировавшийся революционер, опасный для режима. «Как по своим взглядам, так и по своему поведению и характеру, – писал виленскому прокурору начальник ковенского жандармского управления, – личность в будущем очень опасная»²⁶¹. Обвинение в принадлежности к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» было не случайным. По делу Петербургского союза проходил Борис Гольдман (Горев) (член союза с 1895 г.), с которым у Дзержинского оставались личные связи. Весной 1897 г. Горев был арестован, после чего закономерным было внимание властей к его виленским знакомым. Всего по «делу Дзержинского», как оно теперь именовалось, проходило 12 человек.

²⁵⁶ Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография / Редкол. А. С. Велидов и др. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 28.

²⁵⁷ Гуль Р. Дзержинский. М., 1992. С. 18.

²⁵⁸ Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 26.

²⁵⁹ Дзержинский Ф. Дневники и письма. М., 1956. С. 88.

²⁶⁰ Советские архивы. 1967. № 4. С. 98.

²⁶¹ Советские архивы. 1967. № 4. С. 98.

12 (24) мая 1898 г. Николай II утвердил высылку Дзержинского под надзор полиции в Вятскую губернию на три года. 10 (22) июня начальник ковенской тюрьмы Набоков объявил об этом решении заключенному²⁶².

Впрочем, срок был неокончательный. В 1949 г. в Литве был обнаружен архивный документ царского Министерства юстиции. В нем прокурору виленской судебной палаты сообщалось о новом распоряжении императора, отменяющем первоначальное решение о ссылке на три года и устанавливающим высылку Дзержинского на 5 лет в Восточную Сибирь²⁶³. Однако это предписание уже запоздало, и Дзержинский без суда в административном порядке был выслан на три года в Вятскую губернию, под надзор полиции. Зато в Восточную Сибирь, по высочайшему повелению, на 4 года были сосланы летом 1898 г. студенты Санкт-Петербургского университета, в т. ч. Борис Гольдман²⁶⁴. В. И. Ленин был сослан в Восточную Сибирь еще в 1897 г.

В первую высылку Феликса сопровождала сестра Альдона, ждавшая ранним утром выхода партии заключенных у ворот тюрьмы. «Они были закованы в кандалы, – вспоминала Альдона, – среди них был и Феликс. Сердце мое сжалось, когда я увидела брата. Я заплакала»²⁶⁵.

Путь к месту административного наказания продолжался долгих два месяца. Сначала железной дорогой до калужской тюрьмы, а затем от Калуги на переполненных пароходах по Оке. В Нижнем Новгороде Дзержинского вместе со студентом Н. М. Величкиным²⁶⁶ и другими политическими ссыльными для острастки специально посадили в общую камеру со 120 уголовниками. Несмотря на протесты Дзержинского и его товарищей, практика соединения в камерах политических и уголовных не была прекращена²⁶⁷.

«Дорога была чрезвычайно приятная, если считать приятными блох, клопов, вшей и т. д. Я больше сидел в тюрьмах, чем был в дороге. По Оке, Волге, Каме и Вятке я плыл паромом. Чрезвычайно неудобная эта дорога. Заперли нас в так называемый «трюм», как сельдей в бочке. Недостаток света, воздуха и вентиляции вызывал такую духоту, что, несмотря на наш костюм Адама, мы чувствовали себя как в хорошей бане. Мы имели в достатке также и массу других удовольствий в этом же духе»²⁶⁸.

27 июля 1898 г. Дзержинского привезли вместе с другими заключенными в Вятку, и в ожидании парохода до Нолинска их отвели в местную тюрьму. Пароход из Вятки в Нолинск сел на мель, поэтому Дзержинский ждал пересылки почти две недели. 6 августа Дзержинский письменно обратился к вятскому губернатору Николаю Михайловичу Клингенбергу (известному по Крожскому инциденту) за разрешением отправиться за собственный счет в Нолинск на частном пароходе, «без конвоя, ибо средств на оплату конвоиров не имею»²⁶⁹. Заявление Дзержинского заинтересовало губернатора, ранее занимавшего эту должность как раз в «польских территориях», и он назначил встречу.

Встреча с губернатором Клингенбергом литературно описана в книге Романа Гуля, где ей уделена отдельная 6-я глава.

²⁶² Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 27.

²⁶³ Молодежь Литвы. Вильнюс. 1949. 27 нояб.

²⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 12410. О ссылке в Сибирь Бориса Гольдмана. Л. 4.

²⁶⁵ Дзержинская-Коялович А. Воспоминания сестры // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 38.

²⁶⁶ Величкин Николай Михайлович (1872–1936), социал-демократ, один из организаторов «Московского союза рабочих» в 1896 г.

²⁶⁷ Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 17–18.

²⁶⁸ Дзержинский Ф. Дневники и письма. М., 1956. С. 89.

²⁶⁹ Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография // Редкол. А. С. Велидов и др. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 30.

«Чиновнику особых поручений князю Гагарину губернатор Клингенберг приказал привезти к нему написавшего письмо Дзержинского.

– Кто он, собственно, такой? – не без брезгливости спрашивал губернатор.

– Неокончивший гимназист... дворянин... совсем юный...

Губернатор захохотал: «Уди-ви-тель-ны-е времена! Неокончившие гимназисты занимаются рабочими вопросами! А ну, пришлите-ка его ко мне, я его отчитаю. Тюрьма, наверное, дурь-то из него выбила!».

И через час в дверях губернаторского кабинета появился высокий, бедновато одетый молодой человек, с бросающимся в глаза бледным энергичным лицом и блуждающей на тонких губах усмешкой. Губернатор с любопытством оглядел вошедшую фигуру.

– Ссылный Феликс Дзержинский, – проговорил вошедший звенящим польским акцентом.

– Так вот какие у нас революционеры! Недоучившиеся гимназисты! – гаркнул по-военному губернатор, стукнув кулаком по столу, и побагровел.

– Посмотритесь в зеркало, молодой человек! У вас молоко на губах не обсохло, а туда же, сунулись «рабочими вопросами» заниматься! Что вы смыслите?! Надеюсь, тюремное заключение образумило вас! У вас есть мать и отец? Сколько вам было лет, когда вас арестовали?

Дзержинский обвел взглядом комнату и проговорил:

– Прежде всего, разрешите взять стул.

Губернатор остолбенел.

– Советую вам понять, – закричал Клингенберг, – что находитесь под надзором полиции! Прошу вести себя прилично! Мне не о чем больше с вами говорить! Вон!

Тем и кончилась беседа губернатора с будущим главой ВЧК»²⁷⁰.

Тем не менее, несмотря на неудачно сложившийся разговор, Клингенберг вскоре дал разрешение на выезд Дзержинского к месту ссылки за счет собственных средств. Через день на пришедшем пароходе ссылный Дзержинский отбыл в назначенный ему Нолинск. Деньги и одежду ему одолжил земляк, инженер-поляк Завиша, который работал при строительстве местной железной дороги²⁷¹. Железнодорожный инженер, представитель польского дворянства,²⁷² одолжил для Дзержинского у своего знакомого 20 рублей и передал также ему одежду. Впоследствии 60 рублей ему вернули родственники Дзержинского²⁷³. Впрочем, одежда была, как говорится, с чужого плеча. При сходе на пристани в Нолинске Дзержинский был одет в темный, сильно поношенный костюм, рубашку с мягким отложным воротником, бархатный шнурок был повязан вместо галстука.

Прибыв в Нолинск, Феликс Дзержинский поселился у местных жителей. «Я нанял себе комнатку, столуюсь у одного ссыльного, но думаю от этого отказаться, ибо нужно ежедневно ходить к нему, а осенью здесь такая грязь, что, выражаясь гиперболически, можно утонуть», – писал Дзержинский сестре²⁷⁴. Впрочем, длительного проживания у одних хозяев у него не получалось. Этому мешало пристальное внимание к его особе со стороны полицейских властей, под надзором которых он находился. Особо отличался исправник Золотухин.

²⁷⁰ Гуль Р. Дзержинский. М., 1992. С. 19–20.

²⁷¹ 13 мая 1895 г. Николаем II был подписан план строительства ширококолейного железнодорожного пути от станции «Пермь» Уральской линии до пристани Котлас на Северной Двине. Дорога должна была состоять из двух участков, Пермь – Вятка и Вятка – Котлас: длина дороги 812 верст; стоимость – приблизительно 37 млн руб. Управление строительством дороги находилось в Вятке. Окончание постройки состоялось осенью 1898 года.

²⁷² Завиша – старинный литовско-польский дворянский род. Есть и минские Завиша, что, возможно, объясняет ссуду денег Дзержинскому.

²⁷³ Дзержинский Ф. Дневники и письма. М., 1956. С. 89.

²⁷⁴ Дзержинский Ф. Дневники и письма. М., 1956. С. 90.

«Грубые вторжения в комнату в любое время, подслушивание, принуждение хозяев квартиры вести наблюдение за ссыльным и его посетителями делали жизнь молодого революционера невыносимой. Он вынужден был часто менять квартиры»²⁷⁵. «В связи с постоянной переменой квартир не пиши мне по домашнему адресу, а прямо (на почту) в Нолинск», – просил Феликс свою сестру Альдону в одном из писем²⁷⁶. Позднее, уже на более длительный срок, Дзержинский поселился вместе с народником Александром Ивановичем Якшиным, высланным из Белозерска Новгородской губернии. Последний прибыл в Нолинск в октябре 1898 г.

Нолинск, расположенный в 137 км к югу от Вятки, в этот период был отдаленным провинциальным городком, с населением в пять тысяч человек, даже с учетом ссыльных. В конце XIX века в городе работали женская гимназия, духовное училище, городское трехклассное училище, земская библиотека и больница, аптека, банк, ремесленная школа. Библиотека была огромным благом для ссыльных и пользовалась заслуженной популярностью с их стороны. Она имела достаточно хороший набор книг и журналов, что объяснялось необычностью их формирования. В 1865 г. местные купцы поддержали инициативу учителей, предложивших построить городскую библиотеку. На заседании городской управы они приняли решение: для покупки книг в фонд библиотеки каждый купец должен жертвовать 5 % от своих выигрышей в карточных играх. Таким образом, уже через два месяца была собрана солидная сумма – 460 рублей. Хорошее финансирование определило и уровень библиотечных фондов, активность читателей. Стал ее посетителем и Феликс Дзержинский.

Книги находились и у ссыльнопоселенцев, которых было достаточно в городе. В первую очередь необходимо отметить библиотеку прибывшего в ссылку еще раньше Дзержинского Сергея Александровича Порецкого, проживавшего вместе с Евгенией Александровной Караваевой²⁷⁷ и ее шестью малолетними детьми²⁷⁸. Вскоре, в ноябре 1898 г., в Нолинск будет сослана и родная сестра Караваевой – социал-демократка Екатерина Александровна Дьяконова²⁷⁹. Дом С. А. Порецкого стал по средам своеобразным местом сбора всех нолинских ссыльных.

В городе также действовало несколько заводов, в т. ч. кожевенные, салотопильные, пряничные и 5 водочных. Однако реально устроиться на работу можно было только на крупнейшую фабрику Нолинска – Табачно-махорочную фабрику торгового дома «Яков Евсеевич Небогатилов и сыновья». Торговый дом был основан достаточно недавно, но бурно развивался благодаря своему главе. Яков Евсеевич Небогатилов пришел в Нолинск и первоначально занялся сбором тряпья у населения, и вскоре разбогател. Согласно семейной легенде, он нашел зашитые в одежде или перине деньги²⁸⁰.

Вскоре Дзержинский работал на ней набойщиком за 7 руб. в месяц: с 6 утра до 8 вечера. «Я нахожусь теперь в Нолинске, где должен пробыть три года, если меня не возьмут в сол-

²⁷⁵ Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография /Редкол. А. С. Велидов и др. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 31.

²⁷⁶ Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография /Редкол. А. С. Велидов и др. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 32; Дзержинский Ф. Письма к сестре Альдоне.... С. 44–45.

²⁷⁷ Караваева Евгения Александровна (урожд. Дьяконова), сестра Е. А. Жилиной-Дьяконовой. Учительница, автор популярных книжек. Была знакома с Н. К. Крупской, работавшей с нею и сестрой в вечерне-воскресной школе на ст. Валдайка. Крупская писала о ней: «интересный работник, но исключительно культурница». (См.: *Розенталь Е., Советова Е.* «Моей милой Катюше...» //Наука и жизнь. 1970. № 2. С. 12–15).

²⁷⁸ Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография /Редкол. А. С. Велидов и др. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 30.

²⁷⁹ Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография /Редкол. А. С. Велидов и др. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 30.

²⁸⁰ Я. Е. Небогатилов имел 17 детей от трех браков. Одной из дочек была Анна Яковлевна – мать В. М. Молотова (Скрябина), будущего наркома иностранных дел и главы правительства СССР. Молотов родился в Кукарке (Советске) 25 февраля 1890 г., но родным городом считал Нолинск. В Кукарке, на той же улице, родился и другой руководитель правительства СССР – Рыков. Как вспоминал В. Молотов, оба руководителя жили на одной улице и оба были заиками //Вятский край. 2005. 3 июня.

даты и не сошлют служить в Сибирь на китайскую границу, на реку Амур или еще куда-либо. Работу найти здесь почти невозможно, если не считать здешней махорочной фабрики, на которой можно заработать рублей 7 в месяц»²⁸¹. Условия были отвратительные. Если ранее Дзержинского зрение только начинало тревожить, то работа на табачной фабрике резко ухудшила ситуацию. Скоро Дзержинский заболел глазной болезнью, как он считал – трахомой. Однако работу он не бросал, т. к. она давала некоторый приработок и возможность общения и даже агитации среди рабочих.

Продолжал он наведываться и в дом С. А. Порецкого. Сюда приходила и 25-летняя Маргарита Федоровна Николаева²⁸². Как и Дьякова и Караваева, она была бестужевкой, участвовавшей в студенческих беспорядках. Первоначальное знакомство с Николаевой произошло у Дзержинского еще раньше, по пути следования в Нолинск²⁸³, теперь же Феликс всерьез увлекается молодой бестужевкой и влюбляется в нее. Роман между ними быстро развивается, несмотря на некоторую разницу в возрасте и особенности ссыльно-поселенческой жизни...

Вместе с тем Дзержинский не отказывается от агитации и пропаганды среди рабочих махорочной фабрики, он пишет письма не только родным, но и пытается передавать письма через третьих лиц друзьям и товарищам в Польшу, а также в Саратов, Вильно и другие города. Так, поздней осенью он организует встречу проходившей через Нолинск партии политических ссыльных с передачей им теплых вещей и продуктов питания²⁸⁴.

Случился у него и личный конфликт с надзорным над ним полицейским исправником Золотухиным. Возмущенный просмотром своей личной переписки, Дзержинский буквально вышвыривает последнего из комнаты. Физическое насилие над представителем власти, наряду с другими «прегрешениями» Дзержинского, не могло остаться без последствий.

В этот период Дзержинский и Якушин уже находились под пристальным надзором полицейских властей, о чем свидетельствовало письмо вятского губернатора Клингенберга министру внутренних дел Ивану Логгиновичу Горемыкину: «Состоящие под гласным надзором полиции в Вятской губернии белозерский мещанин Александр Иванович Якшин и дворянин Виленской губернии Феликс Эдмундович Дзержинский с пребыванием во вверенной мне губернии своим поведением проявляют крайнюю неблагонадежность в политическом отношении и уже успели приобрести влияние на некоторых лиц, бывших доньше вполне благонадежными. Из разговоров их можно заключить, что они не прекратили сношений с единомышленниками вне Вятской губернии. Сделав распоряжение о переводе Якшина и Дзержинского в отдаленную волость Слободского уезда, имею честь ходатайствовать перед вашим высокопревосходительством о применении к ним ст. 29 «Положения о полицейском надзоре»²⁸⁵. Получив одобрение и согласие министра, Клингенберг дал дополнительное секретное предписание почтово-телеграфному начальству, что если «окажется... Дзержинский и Якушин ведут переписку через третьих лиц, прошу немедленно сообщить исправнику, задержав и эту корреспонденцию»²⁸⁶. Вскоре губернатор принимает решение об отправке Дзержинского и Якшина в более отдаленные северные территории. Не влияет на это решение даже то обстоятельство, что здоровье Дзержинского к этому времени резко ухудшилось.

²⁸¹ Дзержинский Ф. Дневники и письма. М., 1956. С. 89.

²⁸² Николаевы – дворянский род, происходящий, согласно преданию, от выехавшего из Франции к царю Михаилу Федоровичу Давида Николь-Деманора, при переходе в православие названного Феодором. Его потомки служили стольниками и стряпчими.

²⁸³ Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. 4-е изд., доп. Минск, 1982. С. 39.

²⁸⁴ Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. 4-е изд., доп. Минск, 1982. С. 39.

²⁸⁵ Вятская политическая ссылка. Вятка. 1925. С. 33–34.

²⁸⁶ Вятская политическая ссылка. Вятка. 1925. С. 33–34.

В письме к сестре позднее Дзержинский с иронией писал об этих изменениях в своей ссыльной жизни: «Дорогая Альдона!.. Я был без гроша, вернее только с грошом в кармане, но не в нужде. Глаза у меня действительно болят, и я лечусь, ибо хочу жить, а без глаз жить нельзя.

Последнее твое письмо я получил в больнице — мне пришлось лечь на некоторое время, и я пролежал бы там, возможно, долго, если бы не случай, происшедший со мной недавно. До сих пор я жил в Нолинске — в городе со сравнительно большим населением и не так отдаленным от остального мира. Однако нашему губернатору пришло в голову (вероятно, после сытного обеда и перед сладким послеобеденным сном), что жить мне здесь нехорошо. Не знаю, чем я вызвал такую заботливость по отношению к себе. Он перевел меня на 400 верст севернее, в леса и болота, в деревню, отдаленную на 250 верст от ближайшего уездного города. То же самое случилось и с одним моим товарищем.

Село Кайгородское довольно большое, пятьдесят лет назад было городом, в нем 100 дворов и около 700 жителей-крестьян. Оно лежит на берегу Камы, на границе Пермской и Вологодской губерний. Кругом леса. Много здесь медведей, оленей, лосей, волков и различных птиц. Летом миллион комаров, невозможно ходить без сетки, а также открывать окна. Морозы доходят до 40°, жара летом достигает также 40°. Квартиру найти очень трудно, и стоит она дорого. Я живу вместе со вторым ссыльным. Белого хлеба здесь нет вообще. Мясо осеннее, замороженное. Жизнь не дешевле, чем в уездном городе, а, пожалуй, дороже. Сахар, чай, табак, спички, мука, крупа — все это дороже: дорого стоит перевозка. Мы здесь сами себе готовим обед; купили самовар. Хорошо здесь охотится, можно даже кое-что заработать. Может быть, вскоре пришлют нам охотничьи ружья, тогда будем охотиться. Мы заказали себе лыжи. Купили крестьянские тулупы»²⁸⁷.

Это письмо сестре дополняет описание села Кайгородского, которое он дал в письме к Маргарите Николаевой: «А село здесь немалое, будет до 100 дворов. Лежит в яме так, что, подъехавши только вплоть, становится видным. Лес тянется с двух сторон версты 2 от села. Лес большой, особенно подальше, как хорошо шляться по нему, зимой только по дороге. Вырубили только лучшие деревья. Кругом же Кая все болота. Теперь это ничего, но летом (с конца мая до половины июля) масса комаров, прямо миллиарды; как говорят, придется маяться порядочно, чтобы привыкнуть к ним, надо будет ходить в сетках»²⁸⁸.

Село Кайгородское действительно являлось далекой глушью, Дзержинский отнюдь не преувеличивал. Невеселые пословицы еще в древности сложил народ об этой далекой глубинке: «Кай — всему свету край», «Кто в Каю не бывал, тот и горя не видал», «Бог дал рай, а черт — Кай». Еще раньше, в 1874 г., в «Вятских губернских ведомостях» некто Бронников писал: «Кайский край по преобладанию в нем болот и лесов, по слабости населения, в стороне от Кайского коммерческого тракта, идущего от г. Слободского к с. Кайгородскому, считается самым бедным, всегда голодным, изобиженным от природы во всех отношениях». Санитарный врач А. Радаков, в конце XIX века побывавший в Кайской волости, писал, вернувшись из поездки: «Урожайным годом жители этой местности называют тот, в который хлеба достает до половины зимы. О мясе крестьяне не имеют почти понятия, едят один сухой хлеб, в который примешивают кору, отруби и т. п., зерно перемалывается на ручных жерновах самым первобытным образом. Печеный хлеб имеет вид куска грязи. Перевес смертности над рождаемостью равняется 53 процентам. При таких условиях народонаселение Кая может вымереть с небольшим в 40 лет»²⁸⁹.

²⁸⁷ Дзержинский Ф. Дневник и письма. М., 1956. С. 95.

²⁸⁸ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 96.

²⁸⁹ <http://vyatkariver.com/page-kaj-vsemu-svetu-kraj/2/>. Снятие информации 10 мая 2017 г.

В Кайгородском Дзержинский будет находиться с 27 декабря 1898 г. по 27 августа 1899 г., полных восемь месяцев²⁹⁰. Прибыв в этот отдаленный край, Дзержинский с Якшиным первое время были заняты исключительно обживанием на месте. Первоначально ссыльные жили в доме крестьянина С. И. Шанцина, но вскоре, познакомившись со стариками Лузянинными – семидесятидвухлетним Терентием Анисифовичем и Прасковьей Ивановной, перебрались жить к ним.

Первая неделя ушла на то, чтобы в соседних деревнях (в Кайгородском это было проблемно) закупить свежее мясо, масло, яйца, необходимую посуду и мебель, и уже упомянутую одежду и самовар. Быстро договорились ссыльные и о распределении обязанностей. Феликсу досталась уборка комнаты и постелей, постройка самовара и организация чаепития, а Якшину все, что касалось приготовления еды²⁹¹. Помогли приехавшим в ссылку ссыльным и привезенные с собой запасы продовольствия из Нолинска, в том числе заботливо собранные для них Маргаритой Николаевой. Удалось даже оставить немного для празднования Нового года в Кайгородском. На новогоднем столе была бутылка водки, выставленная хозяевами, нолинские гостинцы и кофе от Николаевой²⁹².

Власти надеялись, что, сослав Дзержинского в этот «медвежий угол», они изолируют его от внешнего мира. Однако тот, даже больным, оторванным от друзей и родных, не прекращает вести себя как прежде, не считаясь со своим статусом ссыльнопоселенца. На их новой с Якшиным квартире собираются жители села, беседующие на разные, в том числе вольные темы. При этом крестьяне для удобства, обращаясь к Дзержинскому по имени-отчеству, «перекрестили» его в Василия Ивановича²⁹³. Как доносило Кайское волостное правление слободскому исправнику: «Дзержинский занимался писанием жалоб и прошений, также и заявлений от крестьян во многие учреждения и должностным лицам».

Справедливости ради следует отметить, что крестьяне чаще заглядывали к соседу Дзержинского – Якшину, который прослыл в селе агрономом и у которого имелись «картины» разных сельскохозяйственных машин²⁹⁴. Да и Дзержинского местное крестьянство разочаровало не только своей непроглядной темнотой, но и беспробудным пьянством, отсутствием чистоплотности.

Несмотря на отдаленность Кайгородского, Дзержинскому удастся установить связи с рабочими Кирсинского железоделательного завода, а также с политическими ссыльными других городов губернии. Занимается он интенсивно и самообразованием. Среди прочитанных в Кайгородском книг – научные работы Булгакова, Милля, Прудона, Маркса, Михайловского, Плеханова, других ученых. Среди других предметов, которым он уделял внимание, были иностранные языки. «Учусь еще по-немецки. Каждый день часа 1 S–2 сижу над этим языком. Читаю Фауста, хотя не могу как следует понять его. Видно, надо знать историческую эпоху, из которой взят сюжет», – писал он позднее²⁹⁵.

Серьезные занятия требовали четкого расписания, и вскоре Дзержинский его выработал, стараясь строго его придерживаться. Он описывал это расписание так: «Занятия свои я распределил так: от 8 ч(асов) у(тра) до 10 – чай. Уборка (по хозяйству), 10–12 – немецкий

²⁹⁰ Дзержинский: бегство из Вятских лесов // Вятский край. 2012. 11 сент.

²⁹¹ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. Ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 72.

²⁹² Вредный полячишка. Вятские приключения Феликса Дзержинского // Бизнес Новости. Киров. 2011. 11, 12 сент.

²⁹³ Софинов П. Страницы из жизни Ф. Э. Дзержинского. М., 1956. С. 13.

²⁹⁴ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. Ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 78.

²⁹⁵ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. Ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 81.

яз(ык)., 12–2 ч. – экономич (еские) книги, 2–5 – обед, прогулка, 5–7 – публицист(ика) и легкое чтение; 7–9 – чай, 9–12 – писать и серьезные книги. Воскресенье отдых и визиты»²⁹⁶.

Не забывает он и своей возлюбленной. Вместе с тем он сомневается в правильности этой любви, ее совместимости с активной революционной деятельностью, которую он видит для себя в будущем. Еще 1 декабря 1898 года он делает следующую характерную запись в только что начатом дневнике: «Зачем я вчера говорил все это, зачем я думал, что я должен это сделать? Ведь действительно, я равнодушен, разве это не минутное увлечение от нечего делать? Мне хочется с ней говорить, видеть ее серьезные, добрые очи, спорить с ней. Если она дома, мне трудно читать, сосредоточиться, все думается о ней. А еще мне хочется, чтобы она пришла и позвала меня к себе... Как жалко, что она не мужчина. Мы могли бы быть тогда друзьями, и нам жилось бы хорошо, и нам жилось бы хорошо, как в жизни, право не могу сказать, но здесь в ссылке мы, поддерживая друг друга, могли бы с огромной пользой прожить это время. Женщин же я, право, боюсь. Боюсь, что дружба с женщиной непременно должна перейти в более зверское чувство. Я этого допускать не смею. Ведь тогда все мои планы, вся жизнь должна будет очень и очень сузиться. Я тогда сделаюсь невольником этого чувства и всех его последствий. Сдерживать же себя тогда, когда уже данное чувство народится, будет уже слишком поздно. Петля уж так затянется, что сил моих не хватит порвать ее. Верно, что мне делать, как я должен себя поставить? Положим, трудно тут что-нибудь придумать... Мне кажется, что рано или поздно, а мы не то чтобы поссоримся, а прямо она, узнав меня, прогонит от себя. Так должно случиться. Это будет лучше для нас обоих. А теперь для нас полезно не рвать своих товарищ (еских) отношений. Мне от этого польза большая во многом, для меня почему-то важно, я хотел бы заслужить ее уважение в том отношении, что я не тряпка, что я могу заставить себя серьезно подзаниматься и это-то желание меня и заставляет заниматься, не терять времени»²⁹⁷.

Несмотря на все свои сомнения, в конце 1898 г. Дзержинский признался ей в любви, и вскоре у них сложились близкие отношения.

Первое личное письмо Дзержинского из села Кайгородское в Нолинск Маргарите Николаевой было адресовано 2 января 1899 г. «Захотелось мне поговорить с Вами... Когда меня видят, понимают и бранят дорогие мне люди, я как-то подбадриваюсь, чувствую подъем и стараюсь вырасти, чтобы показать, что все ж таки быть чем-нибудь. И Вам, милая, наверно, не весело, тем более, что мы тогда не были осторожны..... Я старался сам себя уверить, что это только дружба. Вы помните тот вечер, когда мы первый раз ездили? Как старался я тогда и себя и вас убедить, что мы только друзья. Боялся, и сомневался тогда я. После же этого вечера я уж почти что узнал себя. Но тут явилось сомнение – да могу ли я, считающий себя и действительно будучи эгоистом (а может быть, только холодным), испытать когда-либо такое чувство, если я его испытываю, не должен ли я все порвать, забыть, чтобы не сделаться зверем? Наконец, успокоился я нравственно, и теперь мне кажется, что может быть все отлично, хотя и грустно и тоскливо, но без этого нельзя. Одно, что только меня смущает, это то, что ВЫ мало меня знаете. Но это не беда, чем дальше, тем больше мы будем друг друга узнавать, и какова бы ни была будущность в возможности. Мы можем теперь считать ее возможно лучшей»²⁹⁸.

Не дождавшись ответа, Дзержинский пишет второе письмо М. Ф. Николаевой 10 января 1899 г.: «Кажется, что хотя мы так мало жили с тобой, однако бросить все, порвать

²⁹⁶ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. Ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 106.

²⁹⁷ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. Ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 57–60.

²⁹⁸ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. Ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 66–67.

ни Вы, ни я не в состоянии будем. Вы когда-то говорили, что боитесь с моей стороны только увлечения – нет, этого быть не может. В таком случае я бы с Вами порвал. Победа над собой могла бы быть тогда только в этом выразиться. Я действительно увлекся, но не только. Кроме этого, мне нравилось в Вас очень много идейного. Я Вас глубоко уважал – и хотя узнал Вас хорошенько, однако еще более стал уважать, что со мной никогда не случалось. Я обыкновенно при первом знакомстве с женщинами робел, при более же близком был грубым и терял всякое уважение. Теперь же случилось иначе. Ведь нельзя это назвать увлечением. Но бог с этим. Прочь с сентиментальностями, и так слишком много об этом поневоле думается, а это бесполезно. Пусть будет так как есть. Тут думать незачем. И без слов мы теперь можем понять и себя, и друг друга»²⁹⁹.

Вскоре он получает ответное письмо от Николаевой и убеждается с радостью в общности мыслей и чувств: «Наконец-то дождался Вашего письма. Милая моя, как Вы дороги и добры для меня. Сколько радости, бодрости и силы принесло оно с собой для меня. И мы так коротко жили с тобой. И Вам теперь хорошо, и мне. Почему же мы не вместе? Как мне хотелось бы Вас увидеть, пригласить. Читаю и перечитываю Ваше первое письмо, и кажется, что вот, вот Вас вижу. Вижу и чувствую, сколько Вы через это время перечувствовали. Вижу Ваше задумчивое, грустное письмо. Но теперь уже это прошло – Вам хорошо ведь теперь, сомнений нет и не может быть никаких. Настоящее, что мы в разлуке, каждый живет в одиночку, далеко друг от друга. О нет, мы близко. Мне кажется, что часть души Вашей ко мне перешла, я чувствую себя бодрим, мне кажется, что я лучше становлюсь от этой частицы. Мы живем теперь и будем жить одной душой.

И будущее наше – борьба. Вы более всего цените и любите во мне преданность делу. Дело и преданность ему не может не увлечь неиспорченного, чуткого и жизненного человека! Мы пойдем рука в руку в эту борьбу, и действительно личные чувства наши сольются с общественными, и не только сольются, но и сливаются уже, а что находится вне этого из личного чувства, т. е. чисто личная симпатия, привязанность, любовь, то ведь она, связывая нас еще крепче, увеличивает напряженность нашего общ(ественного) чувства, что же может мешать – то бороться с этим хватит нам сил, я в этом уверен свято, даже в ссылке при совместной жизни – мы несколько месяцев возьмем себя поодиночке в ежовые рукавицы и заставим заниматься, заниматься, заниматься и заниматься, чтобы и потом вместе иметь силы продолжить эти занятия»³⁰⁰.

В отдалении от любимой Дзержинский увлекается зимней охотой, чередуя походы в лес с самоподготовкой. Погода этому благоприятствовала, температура была выше 20 градусов мороза, в то время как обычными здесь были морозы до минус 40. Правда, январские и февральские походы в лес оказались безрезультативными, сам Дзержинский писал о своем неумении стрелять в это время. Вместе с тем зима предоставляла и другие возможности, так, Дзержинский с большим удовольствием, до 3 часов подряд, катался на лыжах с горки³⁰¹.

Между тем, в феврале 1899 г. Дзержинскому была назначена врачебная военная комиссия, которая должна была освидетельствовать его на предмет годности к военной службе, т. к. Феликсу уже исполнился 21 год. Для освидетельствования следовало приехать на уездную врачебную комиссию в село Слободское³⁰². Предполагалось, что после отбытия ссылки его отправят служить на российско-китайскую границу, в Амурскую область³⁰³.

²⁹⁹ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 88.

³⁰⁰ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 100–101.

³⁰¹ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 173.

³⁰² Здесь в 1880 г. родился Александр Грин, а через 10 лет известный хирург А. Н. Бакулев.

Здесь, во время пребывания в селе Слободское, он будет жить на квартире местного ссыльного революционера Петра Ивановича Стучки³⁰⁴. Рядом, по соседству, на Вятской улице, в доме 24 жил известный в будущем латышский писатель Ян Райнис, сосланный по тому же делу, что и его свояк Стучка. Согласно свидетельству младшей сестры Яна Райниса, Доры Стучки, жены Петра Стучки, Дзержинский 15 февраля утром выехал из Кая в Слободское, а 20-го уже его покинул³⁰⁵. Первая дата подтверждается более поздней открыткой Дзержинского, дата отъезда также представляется правильной.

Военно-медицинская комиссия признала Дзержинского негодным к несению военной службы как тяжелобольного человека, обреченного на смерть в ближайшем будущем. Дзержинского этот приговор ошеломил, несмотря на то, что сам он находил у себя многие болезни, но не считал их все же настолько тяжелыми и неотвратимыми уже сейчас. Незадолго до поездки он хотя и жаловался Маргарите Николаевой в письмах на некоторую усталость и плохой сон, но успокаивающе отмечал, что нога его совершенно прошла, а глаза он лечит, хотя они по-прежнему и болят³⁰⁶. Дзержинский уже до комиссии был убежден, что у него трахома, однако в заключении каевского врача говорилось о «фолликулярном воспалении соединительной оболочки век»³⁰⁷.

Очевидно, что в этот период у Дзержинского формируется желание совершить побег, чтобы все-таки успеть сделать что-то для дела революции. Не раскрывая всего диагноза Маргарите Николаевой, он решает подготовить разрыв с ней. 18 февраля 1899 г. Дзержинский посылает открытку Николаевой:

«15-го утром я уехал из Кая, и теперь из Слободского посылаю Вам открытку. Времени совсем нет. Надо книгами и съестными припасами запастись. Хорошо в солдаты совсем меня не возьмут, но доктора признают что-то вроде чахотки. Моя жизнь коротка, а потому с ней не должна и нельзя, чтобы другая была с ней увязана. Нет, это страшно больно, нет, мы будем жить одной душой, хотя, должно быть, никогда нам видеться не придется. Я постараюсь устроить свою короткую жизнь так, чтобы пожить ею наиболее интенсивно... Ради всего на свете, что нам дорого и свято, ради чувств наших не волнуйтесь, дорогая. Как хотелось бы хоть раз все завещать Вам, что живет в моей душе.

В(аш) Ф(еликс)

P.S. Не думайте, что я уж сильно болен, нет. Нет. С грудью, правда, в Кае совсем дрянь дело, с глазами тоже, но вне Кая можно еще, должно долго прожить.

Губерн (натор), по всей вероятности, не переведет никуда, разве только еще дальше...»³⁰⁸.

На следующий день, 19 февраля 1899 г., несколько остыв от врачебного вердикта, он вновь пишет ей, более подробно и откровенно рассказав о диагнозе: «Не хочу обманывать. Нам не придется жить вместе, чтоб вместе же работать, пока я в Кае. У меня трахома и все сильнее, полнейшее малокровье (распухание желез от этого), эмфизема легких, хрони-

³⁰³ Плеханов А. А., Плеханов А. М. Предисловие // Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 47.

³⁰⁴ Стучка П. И. (1865–1932), видный деятель большевистской партии и советского государства. В 1918 г. нарком юстиции РСФСР. Находился в ссылке в Слободском в 1899–1901 гг.

³⁰⁵ Кузницын Е. Дзержинский в Слободском // Ленинский путь. Слободское. 1973. 23 янв.

³⁰⁶ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 146, 163.

³⁰⁷ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 174.

³⁰⁸ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 197–198.

ческий катар ветвей дыхательного горла. В Кае от этого не излечишься. Проситься же униженно не буду, а иначе не переведут»³⁰⁹.

Дзержинский возвращается в подавленном состоянии обратно в Кайгородское. Однако местный врач, просмотрев привезенные медицинские документы и еще раз осмотрев Дзержинского, не согласился с выводами комиссии. С явным облегчением, Дзержинский 15 марта пишет М. Николаевой: «Какой дурак я, что такое письмо написал. Мне тяжело тогда было – под впечатлением минуты всякую глупость могу сделать, это моя черта вообще. Здешний врач уверяет меня, что никакой эмфиземы и катара нет, что это выдумка, чтобы не приняли меня в солдаты как бунтовщика. Как я рад, я снова бодр и если еще опасаясь хоть сколько-нибудь за мое здоровье, то теперь вполне будь уверена, что физически я здоров и ничто мне не угрожает в близком будущем»³¹⁰. В письме он вновь пишет о чувствах, о любви. Последняя же фраза письма – прямое приглашение: «До скорого, приезжай, голубушка!»³¹¹.

Однако Маргарита Николаева не смогла сразу выехать, а порыв Дзержинского скоро погас. Он вновь стал сомневаться в совместимости общественного и личного, в возможности принести счастье любимой женщине. Практически он порывает с перепиской, более чем месяц не написав ни строчки.

От раздумий в этот период его отвлекала, как он сам писал, новая страсть – охота, в которую он вкладывал всю свою свободную энергию³¹². Отвлекает его и медвежонок, подаренный каевскими охотниками. Дзержинский научил его всяческим трюкам: служить, танцевать и удить рыбу. Вместе с Якшиным они брали медвежонка в лодку, когда ездили на рыбную ловлю. По команде «Мишка, лови рыбку!» медвежонок нырял в реку, вылезая затем со щукой или судаком в зубах. К сожалению, с взрослением характер и поведение медведя стали меняться: он стал душить кур, бросился на корову и ранил ее. Сначала пришлось посадить его на цепь, а затем, после того как подросший медведь стал бросаться уже и на людей, а позднее и на самого Дзержинского, застрелить зверя³¹³.

Только в конце следующего месяца, 26 апреля 1899 г., Дзержинский написал новое письмо Маргарите Николаевой: «Не писал так долго, потому что и денег не имел, и не мог понять, что со мной. Новые сомнения снова овладели мной. Снова выступает вопрос: да разве я лично счастлив быть могу, разве могу дать кому что-либо кроме одних огорчений, разве я могу долго при бездействии, когда сам недоволен собой, дружно жить с кем-нибудь? ...Ты видишь во мне фанатика, и это тебе больше всего нравится, а между тем я просто жалкий мальчуган. Да нельзя ни за что, чтобы ты на все время приехала ко мне. Я могу совсем разбить твою жизнь и тем разобью окончательно и свою собственную. Венчаться тоже, по-моему, надо будет избегать всеми силами. Ведь мы никогда не должны быть мужем и женой, зачем же связывать себя, ограничивать свою свободу и самому сознательно усиливать искушение и тем ослаблять свои уже надорванные силы. Я ведь сам первый предложил о венчании. Но теперь, когда чувствую себя так слабым и бессильным, мысль эта меня пугает. Ведь не всегда дух наш будет приподнят и может согрешить, а искупиться нельзя будет. Нет, нельзя, чтобы ты на все время ко мне приезжала. Нельзя нам теперь, когда нет у нас дела,

³⁰⁹ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 200.

³¹⁰ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 204.

³¹¹ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 207.

³¹² Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 208.

³¹³ Дзержинская С. С. В годы великих боев. 2-е изд., испр. и доп. М., 1975. С. 124.

венчаться... Мы можем устроить только свидание, пожить друг с другом месяц какой, узнать хорошенько себя, убедиться, что нам не хватает только дела... Твой Феликс».

Получив это письмо, Маргарита Николаева написала сразу же прошение губернатору Клингенбергу о разрешении ей выехать в село Кайгородское для свидания с больным Дзержинским. В июне, с запозданием, разрешение было все же дано. Николаева незамедлительно выехала в Кайгородское, стремясь наладить отношения с Феликсом. С собой она везла книги, журналы и разную еду.

В Кайгородском Николаева пробыла недолго: прежних отношений наладить не удалось. Дзержинский сделал свой выбор в пользу революционной деятельности. Опечаленная этим, как и состоянием здоровья любимого человека, она вернулась назад. О результатах этой поездки Николаевой рассказала в письме мужу своей сестры С. А. Порецкому ее ближайшая подруга по ссылке, Е. А. Дьяконова: «Вернулась Маргарита. Рассказывает, что каевцы живут скверно. Ведут жизнь самую строгую... Белый хлеб у них редкость, едят, главным образом, продукты своей охоты или рыбной ловли. Феликс Эдмундович исхудал страшно и малокровие у него, доходящее до головокружения. Оба скушают очень безлюдьем и безжизненностью. Так жаль их!»³¹⁴.

Приезд Николаевой все же не был безрезультативным, он ускорил подготовку побега. Теперь ничего не связывало Дзержинского, больше находиться в Кайгородском он просто не мог и не хотел.

Некоторое время он приучал местных жителей к своим многодневным охотничьим отлучкам из села. Он уходит на все большее время в лес на охоту. Там охотится на диких птиц. Ходил он и на рыбалку на озеро Оголево или далеко на Каму. Однажды местный кайгородский крестьянин Чесноков встретил Дзержинского в 40 верстах от села и спросил:

– Что так далеко уехали рыбу ловить?

– Дальше лучше ловится, – ответил, улыбаясь, Дзержинский³¹⁵.

Природа отчасти отвлекала его и от тоски.

Спустя полгода после побега из Кая, когда Ф. Э. Дзержинский уже находился в заключении в Варшавской крепости, он писал сестре Альдоне: «Летом в Кайгородском я весь отдался охоте. С утра до поздней ночи, то пешком, то на лодке, я преследовал дичь. Никакие препятствия меня не останавливали. Я часами сидел по пояс в болоте, выслеживая лебедя. Комары и мошки, точно иголки, кололи мне руки и лицо; ночью, когда я ночевал над рекой, дым разъедал глаза. Холод охватывал все тело, и зуб на зуб не попадал, когда вечерами, по грудь в воде, мы ловили сетью рыбу или когда под осень я выслеживал в лесу медведя. Ты спросишь, что гнало меня из дому? Тоска по родине... по той, которая так врезалась в мою душу, что ничто не сможет вырвать ее, разве только вместе с самим сердцем.

Ты думаешь, может, что эта охотничья жизнь хоть сколько-нибудь меня успокоила? Ничуть! Тоска моя росла все сильнее и сильнее. Перед моими глазами проходили различные образы прошлого и еще более яркие картины будущего, а в себе я чувствовал ужасную пустоту, которая все более возрастала... Я почти ни с кем не мог хладнокровно разговаривать... Эта жизнь в Кае отравляла меня... я собрал свои последние силы и бежал»³¹⁶.

Однажды во время охоты на озере, где находилось много диких уток, с ним произошел случай, который он часто впоследствии вспоминал. В пересказе его жены это было так: «В тот момент, когда их лодка подплыла к небольшому островку, заросшему камышом, из зарослей поднялись и пролетели над головами охотников два больших лебедя. Юзеф выстрелил,

³¹⁴ Цит по: Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. Изд. 4-е, доп. М. – Минск, 1982. С. 42; Наука и Жизнь. 1970. № 2. С. 14.

³¹⁵ Софинов. П. Страницы из жизни Ф. Э. Дзержинского. М., 1956. С. 12.

³¹⁶ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 18.

и один лебедь упал на островок. Это была самка, а самец улетел. Но через минуту он вернулся и начал кружиться над местом, где лежала самка. Юзеф выстрелил в него, но промахнулся. Тогда лебедь поднялся ввысь, сделал несколько кругов и в отчаянии камнем бросил вниз в озеро, разбившись насмерть. Юзеф рассказывал об этом с волнением, изумляясь и восхищаясь лебединой верностью»³¹⁷.

Охота позволяла также возможность легально сушить сухари для побега. Он их изготавливал маленькими порциями, брал на охоту, а остаток откладывал «на побег».

Также Дзержинский при разговорах с кайгородцами намеренно упоминал о своем желании побывать в скором времени в Нолинске и повидаться там со своими знакомыми. Это должно было направить полицию по ложному следу и дать Дзержинскому выигрыш во времени.

Когда все было готово к побегу, последнюю помощь ему оказал сосед по ссылке Якшин, долго прикрывавший отсутствие Дзержинского в Кайгородском.

28 августа 1899 г. Феликс Дзержинский бежал из ссылки. «В 1899 году на лодке бегу оттуда, так как тоска слишком замучала», – написал он впоследствии в своей автобиографии³¹⁸. На лодке по реке Каме он проплыл несколько сот верст. Он добрался на ней до железнодорожной станции Кулиги, затем пересел на поезд и прибыл в Вильно раньше того времени, когда туда пришел полицейский циркуляр о розыске этого «опасного преступника».

План побега полностью сработал, поэтому сначала никто не обратил внимания на его долгое отсутствие. Затем Дзержинского искали в Нолинске, как он говорил кайгородским жителям, и только спустя уже несколько недель объявили во всероссийский розыск.

С большим запозданием, вслед бежавшему Дзержинскому, вятским губернатором была разослана начальникам жандармских управлений бумага: «29-го сентября сего года ссыльный дворянин Феликс Эдмундович Дзержинский скрылся из места водворения, села Кайгородского Слободского уезда, приметы следующие: рост 2 аршина 7 вершков, телосложение правильное, наружностью производит впечатление нахального человека, цвет волос на голове, на бровях и пробивающихся усах темно-каштановый, по виду волосы гладкие, причесывает их назад, глаза серого цвета, выпуклые, голова окружностью 13 вершков, лоб выпуклый в 2 вершка, размер носа 1 с четвертью вершка, лицо круглое, чистое, на левой щеке две родинки, зубы чистые, рот умеренный, подбородок заостренный, голос баритон, очертание ушей 1 с четвертью вершка»³¹⁹.

Первая ссылка и первый побег, как оказалось позднее, стали только началом долгих испытаний Дзержинского. Позднее он напишет в анкете: «Арестовывался в 1897, 1900, 1905, 1906, 1908 и 1912 годах, просидел всего 11 лет в тюрьме, в том числе на каторге (8 плюс 3), был три раза в ссылке, всегда бежал».

³¹⁷ Дзержинский С. С. В годы великих боев. М., 1975. С. 124.

³¹⁸ Автобиография Ф. Э. Дзержинского // Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М., 1977. С. 14.

³¹⁹ Гуль Р. Дзержинский. М., 1992. С. 22.

Становление легенды: Александровский централ

Возвращение Ф. Э. Дзержинского в Вильно было безрадужным. За время тюремного заключения и ссылки в нем многое изменилось. Уже в заключении в Ковно Дзержинский с возмущением читал о новой позиции руководства литовской социал-демократии по национальному вопросу. Люди, которые привели Феликса в партию, были его первыми учителями, а теперь говорили об особом пути литовской социал-демократии. Позднее в автобиографии он писал: «Возвращаюсь в Вильно. Застаю литовскую социал-демократию ведущей переговоры с ППС об объединении. Я был самым резким врагом национализма и считал величайшим грехом, что в 1898 г., когда я сидел в тюрьме, литовская социал-демократия не вошла в единую Российскую социал-демократическую рабочую партию, о чем и писал из тюрьмы к тогдашнему руководителю литовской социал-демократии д-ру Домашевичу. Когда я приехал в Вильно, старые товарищи были уже в ссылке – руководила студенческая молодежь. Меня к рабочим не пустили, а поспешили сплавить за границу, для чего свели меня с контрабандистами, которые и повезли меня в еврейской «балаголе»³²⁰ по Вилкомирскому шоссе к границе. В этой «балаголе» я познакомился с одним пареньком, и тот за десять рублей в одном из местечек достал мне паспорт. Доехал тогда до железнодорожной станции, взял билет и уехал в Варшаву. Где у меня был один адрес бундовца»³²¹.

В Варшаву Дзержинский приезжает в начале сентября 1899 г. С его пребыванием в этом городе связана интересная история. Здесь состоялась его встреча с известным польским философом, социологом и психологом Эдуардом Абрамовским³²². В течение нескольких часов они вели острую дискуссию на темы марксистской философии, детерминированности истории и необходимости социальной революции. Следует отметить, что согласно воспоминаниям присутствовавшего на дискуссии Людвика Кшивицкого³²³, Дзержинский был в состоянии на равных дискутировать с ученым-философом и даже поставить его в тупик своими аргументами. Очевидно, что занятия в Нолинске и Кайгородском не прошли даром.

Однако, несмотря на отдельные интересные встречи, в Варшаве Дзержинский также оказывается в политической изоляции. В городе активно работали только две революционные организации – ППС и Бунд. Как писал Дзержинский – «...кроме них были всего единичные личности, которые причисляли себя к социал-демократии, но из-за полной бездеятельности были полностью деморализованы в политическом отношении, т. е. яростно критиковали отдельных ППСовцев и, кроме этого, ничем больше не занимаясь»³²⁴.

В этих условиях Дзержинский видел свою задачу в возрождении социал-демократического движения в Варшаве. Он взялся за эту работу совместно с известным социал-демократом Яном Росолом и его восемнадцатилетним сыном Антеком (Антоном)³²⁵. В Варшаве они создали «Рабочий союз социал-демократии», в который вошли преимущественно

³²⁰ Балагол – еврейский тарантас, на котором чаще всего перевозили домашнюю утварь, мебель.

³²¹ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 4.

³²² Абрамовский Эдуард (1868–1918). В конце 1880-х гг. принимал участие в работе организации «Пролетариат», примыкал к марксизму. С 1892 по 1898 г. находился в эмиграции в Германии и Франции, где был членом правления Заграничного союза польских социалистов и постепенно перешел на позиции идеализма в философии и анархизма в политике. По возвращении на родину организовывал «кружки самосовершенствования», работал в Союзе товариществ обществ взаимопомощи, основал кооперативную секцию, преобразованную затем в Товарищество кооператоров. Профессор психологии Варшавского университета с 1915 г.

³²³ Квишицкий Людвиг (1859–1941), ученый-энциклопедист (антрополог, социолог, экономист), один из переводчиков «Капитала» К. Маркса на польский язык.

³²⁴ Заметки о партийной работе в Варшаве в 1899 году // Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения. 3-е изд., перераб. и доп., Т. 1. М., 1977. С. 37.

³²⁵ Росол Антон (1881–1902), рабочий, польский социал-демократ, сын Яна Росола.

сапожники, а также отчасти столяры, лакировщики, пекари, металлисты и рабочие других специальностей³²⁶. Ими были организованы пять начальных агитационных кружков для подготовки агитаторов, предпринимались попытки организации собственной нелегальной типографии. Однако типографию создать так не удалось, и недостаток литературы возмещался личной агитацией. В этот период для безопасности Дзержинский берет новый псевдоним – Астрономек (Астроном). Используется им также псевдоним Франек.

«В эту-то зиму к нам и приехал Феликс Дзержинский, – вспоминал А. Вайнштейн. – Не помню кто, кажется, мы все дали ему имя «Франек». Его фигура того времени еще теперь стоит перед моими глазами: высокий, тонкий, светлый, с горящими глазами, в каком-то несколько облезлом пальто... Удивительное было у него лицо: строгое... обличавшее громадную волю, иногда озаряемое улыбкой, которая сразу делала его родным и близким. В эту зиму мы с ним часто встречались, он иногда бывал на наших собраниях... В Франеке чувствовался настоящий кровный революционер, всеми фибрами своей души живущий интересами революции, не знающий никаких других дел и интересов»³²⁷.

В конце декабря Феликс Дзержинский выехал в Вильно для подготовки соглашения об объединении с виленской социал-демократической организацией, где было принято решение, что Варшавский союз напишет проект программы будущей объединенной партии. По возвращении в Варшаву Росолы и Дзержинский написали эту программу.

В начале января 1900 г. в Минске состоялся съезд Рабочего союза Литвы, в котором участвовал и Ф. Э. Дзержинский. На съезде было принято решение об объединении в ближайшее время Союза с СДКП в одну партию, Социал-демократию Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). Феликс Дзержинский вместе с М. Козловским и С. Трусевичем-Залевским вошли в избранный ЦК³²⁸. После съезда он вернулся в Варшаву.

Отсутствие партийной литературы вынудило Дзержинского и Росолов развернуть «очень широкую устную агитацию». «Не было ни одного дня, что бы я лично не вынужден был быть на собрании, а по праздникам, кроме остальных дел, у меня бывало до пяти собраний. Я должен был сам и писать, и агитировать, и завязывать отношения с интеллигенцией, и гектографировать. Мне угрожал арест, но прекратить свою деятельность я не мог, так как необходимо было удовлетворять запросы рабочих», – вспоминал позднее Феликс Дзержинский³²⁹.

Предчувствие ареста не обмануло. 23 января (4 февраля) 1900 г. на улице Каликста, в доме № 7 в воскресное утро во время собрания начального рабочего кружка на квартире сапожника Грациана Малясевича (революционная кличка Верблюд) произошел второй арест Дзержинского. Возможно, арест был связан с провокационной деятельностью одного из рядовых членов ППС³³⁰. Вместе с Дзержинским были арестованы и все участники собрания. В этот же день, в ночь с 23 на 24 января (с 4 на 5 февраля), на квартире родителей, последовал арест и Антека Росола³³¹.

Феликс Дзержинский был заключен в Х павильон Варшавской цитадели. Однако арест не сломил его. В мартовском письме сестре Альдоне он пишет: «Я чувствую себя довольно

³²⁶ Заметки о партийной работе в Варшаве в 1899 году // Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения. 3-е изд., перераб. и доп., Т. 1. М., 1977. С. 37–38.

³²⁷ Пролетарская революция. 1926. № 9 (56). С. 74.

³²⁸ Образование СДКПиЛ произойдет в августе 1900 года.

³²⁹ Заметки о партийной работе в Варшаве в 1899 году // Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения. 3-е изд., перераб. и доп., Т. 1. М., 1977. С. 37.

³³⁰ Заметки о партийной работе в Варшаве в 1899 году // Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения. 3-е изд., перераб. и доп., Т. 1. М., 1977. С. 39.

³³¹ Заметки о партийной работе в Варшаве в 1899 году // Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения. 3-е изд., перераб. и доп., Т. 1. М., 1977. С. 43.

хорошо... Жизнь выработала во мне, можно так сказать, фаталистические чувства. После свершившегося факта я не вздыхаю и не заламываю рук. Отчаяние мне чуждо. ... Я жил недолго, но жил...»³³².

Между тем, во время тюремного заключения Дзержинского, в августе 1900 г. в польском городе Отвоцке удалось созвать II съезд СДКП, которая отныне стала называться Социал-демократией Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). Наметив задачи борьбы (свержение самодержавия, завоевание конституции и демократических свобод, предоставление автономии и самоуправления народам России с перспективой создания их федерации), съезд выдвинул лозунг сближения с РСДРП для объединения сил. В определенной степени, это была заслуга и Дзержинского.

В апреле 1901 г. Дзержинского переводят в Седлецкую тюрьму³³³. В ее тюремной камере № 17 он находился до конца года. Здесь Дзержинский заболел туберкулезом. Скорее всего, это было результатом того, что в тюрьме он ухаживал за тяжело больным туберкулезом своим товарищем и другом Антоном Росолом, на руках вынося его ежедневно в течение месяца по 40 минут на прогулку и нося его в течение этого времени на своей спине³³⁴. Впоследствии Феликс Дзержинский напишет статью памяти своего умершего друга Антона Росола³³⁵.

Возможно, результатом этих ежедневных прогулок стали у Феликса Дзержинского и дальнейшие проблемы с сердцем. Физически заключение очень отразилось на облике Дзержинского. В июле 1901 г. он писал сестре Альдоне из Седлецкой тюрьмы: «Ты хочешь знать, как я выгляжу. Постараюсь описать тебе как можно точнее: я так возмужал, что многие дают мне 26 лет, хотя у меня нет ни усов, ни бороды; выражение моего лица теперь обычно довольно угрюмое и проясняется лишь во время разговора, но когда я увлекаюсь и начинаю слишком горячо отстаивать свои взгляды, то выражение моих глаз становится таким страшным для моих противников, что некоторые не могут смотреть мне в лицо; черты моего лица огрубели, так что теперь я скорее похож на рабочего, чем на недавнего гимназиста, вообще я подурнел, на лбу у меня уже три глубокие морщины, хожу я, как и раньше, согнувшись, губы часто крепко сжаты, и к тому же я сильно изнервничался...»³³⁶.

Позднее, 8 октября 1901 г., он писал ей: «Здоровье мое так себе – легкие действительно начинают меня немного беспокоить. Настроение переменчиво: одиночество в тюремной камере наложило на меня свой отпечаток. Но силы духа у меня хватит еще на тысячу лет, а то и больше...». Возможно, на здоровье и настроении сказывалось тюремное питание. В этом же письме он писал: «Кормят так, чтобы не умереть с голода, на 7 S копеек в день, зато воды сколько угодно и даром – в деревянных бочонках»³³⁷. Так или иначе, в начале ноября он успокаивающе сообщал в письме к Альдоне: «Что касается моих легких, то не так уж с ними плохо, как вы думаете. Я даже не кашляю, а что я чувствую тяжесть в груди, то ведь трудно, сидя в тюрьме почти два года, быть совершенно здоровым»³³⁸.

В этот же период о находившемся в заключении Феликсе Дзержинском узнала его бывшая возлюбленная Маргарита Николаева. Пытаясь вновь напомнить о себе, она прислала ему в тюрьму телеграмму, в которой спрашивала о возможности организации свидания в

³³² Дзержинский Ф. Дневник и письма. М., 1956. С. 97.

³³³ Город Седлец находится на востоке Польши, в 90 километрах от Варшавы.

³³⁴ Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. 4-е изд., доп. М., 1982. С. 51.

³³⁵ Антон Росол (воспоминания) // Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения. Т. 1 Изд. 3-е, перераб. и доп., М., 1977. С. 40–44.

³³⁶ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 19–20.

³³⁷ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 22.

³³⁸ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 24.

тюрьме. В конце августа – начале сентября 1901 г. Дзержинский ответил на эту телеграмму следующим письмом:

«Дорогая Маргарита Федоровна!

Совсем неожиданно получил я Вашу телеграмму здесь в Седлецкой тюрьме. И, право, она меня встревожила, так как свиданий мы никаких получить не можем и не должны даже просить, так как это сопряжено теперь с особенными условиями, о которых я Вас впоследствии уведомлю. И мне теперь писать трудно больше, я ожидаю Ваше письмо, и тогда подобно о себе отвечу Вам. Но о прошлом я хочу забыть – теперь моя жизнь сложилась так, что я буду или вечный бродяга, или же буду прозябать где-нибудь в Жиганске или Колымске... Теперь я уже 19 месяцев в тюрьме и чувствую себя не особенно прекрасно, но все-таки лучше, чем в Кае. Я отчасти ненавижу свою первую ссылку. Не обижайтесь на меня за такое письмо, но не могу писать.

Ф. Дзержинский.

P.S. Отвечу Вам подробно, как получу Ваше письмо»³³⁹.

Очевидно, что Дзержинский уже не связывал своей будущей жизни с Маргаритой Николаевой. На это у него было несколько причин, в т. ч. и личная. В этот период его чувства были связаны с другой женщиной. В уже упомянутом письме от 8 октября он писал сестре Альдоне: «Вероятно, вскоре ко мне придет на свидание моя знакомая из Вильно. Как видишь, живу, и люди не забывают обо мне, а поверь, что сидеть в тюрьме, имея золотые горы, но не имея любящих тебя людей, во сто крат хуже, чем сидеть без гроша, но зная, что там, на свободе, о тебе думают...»³⁴⁰. Девушкой из Вильно была Юлия Гольдман, знакомая с Дзержинским еще с юношеских лет. Свидание с Дзержинским она получила, выдав себя за его двоюродную сестру.

20 октября (2 ноября) 1901 г. было подписано постановление о высылке Ф. Э. Дзержинского на пять лет в Восточную Сибирь. Буквально через несколько дней Дзержинский получил новое письмо от Николаевой. Он, как и обещал, ответил более подробно о себе, но также отстраненно, письмом из Седлецкой тюрьмы от 10 ноября 1910 г.:

«...Я за это время, которое прошло после последней нашей встречи, решительно изменился и теперь не нахожу в себе того, что некогда было во мне, и осталось только воспоминание, которое мучит меня. Я за это время изменился, и случилось со мной то, что почти со всяким часто случается, но о чем писать при моих условиях несколько неудобно. Прошло с тех пор уже почти 3 года, полгода жил полной грудью, и лично о себе мне приходилось мало думать; когда же попал в тюрьму, и более года был абсолютно оторван от внешнего мира, от друзей и знакомых, а потом сразу попал в довольно свободные условия заключения, связи мои с товарищами и внешним миром возобновились, и я получил свидание – тогда я стал жить и живу теперь и личной жизнью, которая никогда хотя не будет полна и удовлетворенная, но все-таки необходима. Мне кажется, Вы поймете меня, и нам, право, лучше вовсе не стоит переписываться, это будет только раздражать Вас и меня. Я теперь на днях тем более еду в Сибирь на 5 лет – и значит, нам не придется встретиться в жизни никогда. Я – бродяга, а с бродягой подружиться – беду нажить.

...Прошу Вас, не пишите вовсе ко мне; это было бы слишком неприятно и для Вас, и для меня, и я потому прошу об этом, что Вы пишете, что Ваше отношение ко мне нисколько не изменилось, а нужно, чтобы оно изменилось, и только тогда мы могли бы быть друзьями. Теперь же это невозможно.

³³⁹ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 211–212.

³⁴⁰ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 22.

А затем будьте здоровы, махните рукой на старое и припомните те мои слова о том, что жить можно только настоящим, а прошлое это дым.

Еще раз будьте здоровы и прощайте.

Ф. Дзержинский»³⁴¹.

Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому предстояла новая ссылка.

5 января 1902 г. Дзержинский был отправлен из Седлецкой тюрьмы к месту отбытия наказания, в далекий Виллюйск. Этап был протяженный и перемещение, как обычно, длительное, с порою продолжительными отсидками в различных пересыльных тюрьмах: всего путь занял больше 2 месяцев.

Маршрут первоначально пролегал через Варшаву и знаменитую московскую пересыльную тюрьму Бутырки, где ему удалось увидеть посетивших его родных братьев Владислава и Игнатия³⁴². Здесь он участвовал в манифестации политических заключенных в знак солидарности с отправляемой в Сибирь очередной партией ссыльных. За участие в этой манифестации Феликс Дзержинский был лишен свиданий и переписки с родными сроком на один месяц³⁴³. Поэтому встреча с братьями оказалась единственной.

Затем последовал путь до Самары, а после нее утомительные десять суток без остановок и отдыха до Красноярска и Иркутска³⁴⁴. В начале марта он уже был в селе Александровское, что располагалось в 76 километрах северо-западнее Иркутска. Здесь находилась знаменитая Александровская центральная пересыльная тюрьма – Александровский централ³⁴⁵. Этой тюрьме уже тогда была посвящена знаменитая песня «Далеко в стране Иркутской», написанная в конце XIX в.:

Далеко в стране Иркутской
Между скал и крутых гор,
Обнесен стеной высокой
Чисто выметенный двор.
На переднем на фасаде
Большая вывеска висит,
А на ней орел двуглавый
Позолоченный блестит.
По дороге тройка мчалась,
Ехал барин молодой,
Поравнявшись с подметалой,
Крикнул кучеру: «Постой».
«Ты скажи-ка, подметала,
Что за дом такой стоит?
Кто хозяин тому дому?
Как фамилия гласит?»
«Это парень, дом казенный,
Александровский централ.

³⁴¹ Дзержинский Ф. Э. «Я вас люблю...»: Письма Феликса Дзержинского Маргарите Николаевой. Подг. текста, сост. и вступ. Ст. А. А. Плеханова и А. М. Плеханова. М., 2007. С. 213–214.

³⁴² Дзержинский Ф. Дневник и письма. М., 1956. С. 113.

³⁴³ Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. 4-е изд., доп. М., 1982. С. 53.

³⁴⁴ Дзержинский Ф. Дневник и письма. М., 1984. С. 36.

³⁴⁵ Центральная каторжная тюрьма в селе Александровское Иркутской губернии, построена в 1873 г. Более подробно ее историю см.: Кудрявцев Ф. А. Александровский централ: из истории сибирской ссылки. Иркутск, 1936; Быкова Н. Н. История Александровского централа (1900 – февраль 1917 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1998.

А хозяин сему дому
Сам Романов Николай.
Здесь народ тиранят, мучат
И покою не дают.
В карцер темный замыкают
На кобылину кладут³⁴⁶.

Впоследствии текст этой песни будет неоднократно меняться, сотнями вариантов переказывая судьбы заключенных XX века, но именно этот вариант классический³⁴⁷.

Длительные переезды, особенно от Самары, расшатали здоровье Феликса Дзержинского: у него вновь появилась одышка. «К счастью, – как писал он в письме сестре Алдоне, – наступили теперь теплые, солнечные, весенние дни, и воздух здесь горный и сухой – здоровый для слабых легких»³⁴⁸.

Положение перемещаемых по этапу лиц в Александровском центральном, в отличие от отбывающих здесь наказание уголовников, было традиционно вольным. Они не работали в тюремных мастерских, свободно перемещались по тюрьме, выходили с конвойным для покупок в сельский магазин, чинили одежду, ходили сразу по приходу в тюрьму в баню, занимались различными своими делами перед отправкой по этапу. Эта была практика, как отчасти введенная прежним начальником тюрьмы Александром Петровичем Сипягиным и продолженная его приемником поляком И. И. Лятоскевичем³⁴⁹, так и общая практика сибирских пересыльных тюрем. Административные ссыльные не приравнивались в тюрьмах к заключенным подследственным или к ссыльнопоселенцам, считаясь «полусвободными». Однако своей степенью «либерализма» Александровский централ действительно выделялся на фоне других тюрем. В конце XIX века в Александровском центральном даже существовал театр из актеров-заключенных, не говоря уже о хорошей библиотеке и других благах. На известного исследователя тюрем рубежа XIX–XX веков Д. А. Дриля эта тюрьма произвела самое отрадное впечатление. «Начальство тюрьмы, – писал он, – стремится воздействовать на арестантов не с точки зрения наказания, а с точки зрения поощрения»³⁵⁰.

Эти послабления арестантам отмечал и Дзержинский в своих письмах к Алдоне. «Весь день камеры наши открыты, и мы можем гулять по сравнительно большому двору, рядом – отгороженная забором женская тюрьма. У нас есть книги, и мы читаем немного, но больше разговариваем и шутим, подменяя настоящую жизнь пародией на нее – забавой... тюрьма меня не очень раздражает, так как стражника я вижу только один раз в день, и весь день я среди товарищей на свежем воздухе»³⁵¹.

Но в апреле 1902 г. ситуация с положением этапников из числа политических в Александровском центральном резко изменилась, практически они были приравнены к отбывающим здесь наказание уголовным заключенным. Возможно, что причина этого крылась в громком апрельском событии, потрясшем Санкт-Петербург и всю Россию – в убийстве 2 (15 апреля) 1902 г. министра внутренних дел России Дмитрия Сергеевича Сипягина эсером Степаном Балмашовым. Отметим, что прежний начальник тюрьмы был хоть и дальним, но все-таки

³⁴⁶ Элиасов Л. Е. Народная революционная поэзия Восточной Сибири эпохи гражданской войны. Улан-Удэ, 1957. С. 117.

³⁴⁷ Ладик Л. Символ жестокости (из истории Александровского централа) // Ленинский путь. Усолье-Сибирское. 1971. 8 июля.

³⁴⁸ Дзержинский Ф. Дневник и письма. М., 1984. С. 36.

³⁴⁹ Сипягин А. П. Несколько слов о настоящем и будущем уголовной ссылки и тюрьмы. – Иркутск, 1898; Лятоскевич И. Александровская каторжная тюрьма // Тюремный вестник. 1901. № 8. С. 390–406.

³⁵⁰ Дриль Д. А. Ссылка и каторга в России: Из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь. СПб., 1898. С. 32.

³⁵¹ Дзержинский Ф. Дневник и письма. М., 1984. С. 35–36.

родственником убитого министра. Впрочем, имеются свидетельства, что сами заключенные, в отличие от администрации, узнали об этом событии намного позднее³⁵².

Между тем, в конце апреля, после вскрытия Ангары, в Александровскую тюрьму пришла еще одна партия политических ссыльных. Теперь в тюрьме, кроме Дзержинского, были И. Г. Церетели³⁵³, А. А. Ховрин³⁵⁴, И. А. Будилович³⁵⁵, М. С. Урицкий, М. Д. Сладкопевцев, Н. А. Скрипник³⁵⁶, В. Ф. Ашмарин³⁵⁷, М. И. Швейцер³⁵⁸, Л. И. Зильберберг³⁵⁹, И. С. Урысон³⁶⁰, И. Х. Лалаянц³⁶¹, М. Б. Вольфсон³⁶², Г. И. Чулков³⁶³ и многие другие известные в будущем революционеры, общим количеством около 50 человек³⁶⁴.

Отметим, что большинство из них были двадцатилетними, полными энергии, юношами. «И мы, и наши тюремщики чувствовали, что должно что-то произойти здесь, за этими высокими палями, что невозможно собрать столько буйной молодежи и запереть эту взволнованную толпу, как стадо мирных животных, в хлеву. Эта страстная толпа должна была опрокинуть рогатки, нарушить порядок», – вспоминал Г. И. Чулков³⁶⁵.

Важным моментом, вызывавшим возмущение среди этапников, помимо ухудшенных условий заключения, было также затягивание вопроса с отправкой их к месту ее отбытия. «Нам не давали точных сведений, куда нас везут. Якутская область, как известно, велика – по площади она равна, примерно, двум третям Европы, и не малая разница – попасть в Олекминск или в Якутск, или в Верхоянск, или в Колымск. Город от города – на тысячи верст. У нас были самые фантастические представления об условиях тамошней жизни. То распространится по камерам слух, что придется сидеть в темноте – нет в Якутске свечей; то будто бы нет там мыла или еще чего-нибудь. И мы, в панике, покупаем по пяти кусков мыла или

³⁵² Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 45.

³⁵³ Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959), московский студент, впоследствии один из лидеров меньшевизма.

³⁵⁴ Ховрин Александр Алексеевич (1874–1933), московский студент, в будущем видный эсер.

³⁵⁵ Будилович Игорь Александрович, московский студент, эсер. Учитель Церетели. Более подробно о нем см.: *Курусканова Н. П.* И. А. Будилович: судьба студента московского университета начала XX века // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение.* 2011. № 1. С. 150–154.

³⁵⁶ Скрипник Николай Алексеевич (1872–1933), известный революционер, советский деятель. Всего арестовывался 15 раз, 7 раз ссылался. В сумме был осужден на срок 34 года и один раз приговорен к смертной казни, 6 раз бежал. В дальнейшем близкий соратник Дзержинского по ВЧК.

³⁵⁷ Ахрамович (псевд. Ашмарин) Витольд Францевич (1882–1930). Российский поэт и переводчик, кинодеятель, революционный деятель. Из польской дворянской католической семьи. До 1917 г. занимался литературной деятельностью. После революции работал в редакции газет «Известия ВЦИК», минской «Звезде» и т. д. С 1918 г. Ахрамович на госслужбе. В Белоруссии он – секретарь райкома, член местной ЧК.

³⁵⁸ Швейцер Максимилиан Ильич (1881–1905). Под фамилией Артура Генри Мюр Мак-Куллоха погиб в ночь с 25 на 26 февраля 1905 г. в гостинице «Бристоль» в Петербурге во время зарядки бомбы для покушения на Великого князя Владимира Александровича.

³⁵⁹ Зильберберг Лев Иванович (1880–1907), студент московского университета, в будущем видный эсер-террорист. Принимал непосредственное участие в ряде террористических актов, совершённых «Боевой организацией». 21 декабря 1906 г. руководил убийством петербургского градоначальника Владимира фон дер Лауница. Принимал участие в подготовке покушения на киевского генерал-губернатора Николая Клейгельса, организовал побег Б. В. Савинкова из тюрьмы в июле 1906 г. В феврале 1907 г. вместе с Василием Сулятицким был арестован по обвинению в организации убийства фон дер Лауница. Обоих судили в Санкт-Петербурге военно-полевым судом и приговорили к повешению. Приговор был приведен в исполнение 16 июля 1907 г. в Петропавловской крепости.

³⁶⁰ Урысон Исаак Савельевич (1877–1938), член БУНДа, в будущем известный московский юрист, редактор дореволюционного журнала «Вестник права», неоднократно репрессированный до революции, а затем и при советской власти. Студент московского университета, оставил воспоминания, опубликованные в 1972 г.

³⁶¹ Лалаянц Исаак Христофорович (1870–1933). В 1902 году бежал за границу. Автор воспоминаний «У истоков большевизма» (В. 1–2., 1930–1931).

³⁶² Вольфсон Мирон Борисович (1880–1932, раздавлен поездом). 4 июня 1902 г. прибыл в Олекминск Якутской губернии, откуда за короткое время совершил три побега.

³⁶³ Чулков Г. И. Годы странствий / Вступ. статья, сост., подгот. текста, коммент. М. В. Михайловой. М., 1999.

³⁶⁴ Чулков Г. И. Годы странствий... С. 4.

³⁶⁵ Чулков Г. И. Годы странствий... С. 44.

несколько фунтов свечей – мы, которых отправляют туда на несколько лет. Вероятно, мы все тогда были отчасти лишены здравого смысла», – вспоминал Чулков³⁶⁶.

О нервозности состояния говорили и политические споры арестованных об индивидуальном терроре. Споры велись вокруг выстрела рабочего-бундовца Хирша Леккерта³⁶⁷ (1879–1902) в виленского губернатора Виктора Вильгельмовича фон Валя (1840–1915)³⁶⁸. Это была месть за то, что фон Валь приказал высечь в тюрьме арестованных участников первомайской рабочей демонстрации: 22 евреев и 6 поляков. Фон Валь был ранен, а Леккерт арестован и по приговору военного трибунала повешен 10 июня 1902 года. «В этих спорах решающее значение имели тогда слова Дзержинского. Он категорически отбрасывал методы эсеровского террора единичных бойцов, и указывал, что единственным путем должен быть путь массового действия рабочего класса...»³⁶⁹. Волновались мужчины-заключенные и о своих товарищах женского пола. В нервной обстановке это реализовалось во всяческие проекты, на взгляд мужчин, позволяющих улучшить положение женщин. В т. ч. предлагали переженить всех заключенных, чтобы ссыльнопоселенцы-женщины не остались в Сибири без мужской поддержки. Это предложение нашло поддержку у части мужчин, но было сразу отвергнуто потенциальными женами.

Между тем с отправкой арестованных продолжали медлить. В этих условиях заключенные после общего собрания предъявили начальнику тюрьмы требование – немедленно запросить иркутского генерал-губернатора генерал-лейтенанта А. И. Пантелеева³⁷⁰ о том, куда кого отправляют, чтобы каждый мог запастись всем необходимым в соответствии с местом его ссылки. Также заключенные требовали возвращения прежних порядков пребывания политических ссыльных в Александровской тюрьме. Немедленного ответа от тюремного начальства не последовало, в этих условиях 6 мая 1902 г. начался тюремный бунт.

На новой тюремной сходке политзаключенных было принято предложение Дзержинского «выкинуть из пересыльного корпуса тюрьмы всю стражу... запереть ворота и не пускать администрацию до полного удовлетворения всех предъявленных требований»³⁷¹. Тюремщики были изгнаны (пересыльный корпус тюрьмы находился под охраной не более десяти стражников, часто пожилого возраста), а ворота были забаррикадированы. Над тюрьмой взвился красный флаг с надписью «Свобода». «Пересыльный корпус тюрьмы, огороженный деревянным частоколом, объявлен был самостоятельной республикой, отвергающей власти и законы Российской империи»³⁷². Комендантом крепости стал Дзержинский. В его ведении было и красное знамя. На сохранившемся у Г. И. Чулкова фотографическом снимке он держал его древко, стоя на баррикаде³⁷³. По ночам заключенные дежурили у бар-

³⁶⁶ Чулков Г. И. Годы странствий... С. 44–45.

³⁶⁷ В 1900 г. Леккерт возглавил нападение около 500 евреев-рабочих на полицейский участок в пригороде Вильны и освободил арестованных товарищей.

³⁶⁸ С 1863 – штабс-ротмистр, адъютант главнокомандующего Варшавским военным округом генерал-адъютанта гр. Ф. Ф. Берга (по 1873). Участвует в разгроме польского восстания 1863–1864 годов, что приносит ему ордена св. Анны 3 степени с мечами и бантом, св. Станислава 2 степени с мечами и чин ротмистра. В одной из стычек был легко ранен. В 1902 г. новый министр внутренних дел В. К. Плеве назначил Валя товарищем министра внутренних дел и командиром отдельного корпуса жандармов. В 1904 г. был назначен членом Государственного совета. После убийства Плеве вышел в отставку и активной политической роли больше не играл. РНБ. Ф. 127. 31 ед. хр., 1796–1914.

³⁶⁹ Скрышник Н. Памяти старого друга // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 56; Правда. 1926. 22 июля.

³⁷⁰ Пантелеев Александр Ильич (1838–1919), иркутский военный генерал-губернатор (20.04.1900 – 13.05.1903). Умер от голода в Петрограде.

³⁷¹ Трушин Н. И. Восстание в Александровском центральном // Енисей. 1972. № 2. С. 59; Трушин Н. И. Красные флаги над Александровским центральным // Вопросы истории КПСС. 1973. № 6. С. 95.

³⁷² Трушин Н. И. Восстание в Александровском центральном // Енисей. 1972. № 2. С. 59.

³⁷³ Чулков Г. И. Годы странствий... С. 45.

рикады на часах, вооруженные двумя или тремя браунингами против не менее сотни солдат с винтовками, и ждали развития событий³⁷⁴.

Через два дня в Александровское с ротой солдат прибыл из Иркутска вице-губернатор, наделенный чрезвычайными полномочиями. Он, очевидно, намеревался действовать по апробированной недавно схеме. Незадолго до Александровских событий, с 22 апреля 1902 г. при участии Иркутского комитета РСДРП проходила трехдневная забастовка более 200 железнодорожных рабочих на ближайшей к городу станции Иннокентьевской. На станцию был направлен вице-губернатор с ротой солдат, и забастовка была прекращена. Само присутствие войск, с угрозой применить оружие, оказалось действенным.

Между тем в Александровском иркутский вице-губернатор сразу попал в щекотливое и даже унижительное положение. Переговоры с тюремным начальством во время осады велись заключенными исключительно через дыру, сделанную в палях, в этих условиях парламентарам приходилось сидеть на корточках. Переговоры с вице-губернатором заключенные собирались вести таким же образом. «Целые сутки вице-губернатор не соглашался принять столь унижительные условия для предварительной конференции. А мы иначе не соглашались разговаривать. Наконец генерал решился сесть по-турецки»³⁷⁵.

«Явилась «тройка» и вступила в переговоры. Одновременно собралась сходка. Между заседавшей сходкой под председательством Дзержинского и отверстием в заборе, где заседала мирная конференция, велась непрерывная курьерская связь. Республиканские власти держали себя с большим достоинством, как самостоятельная воюющая сторона. Как на всех мирных конференциях, и здесь обсуждался пункт за пунктом. Вице-губернатор оказался уступчивым и согласился в конце концов вернуть тюрьме ее старые вольности без применения каких бы то ни было репрессий к восставшим...»³⁷⁶. 8 мая противостояние сторон закончилось. «Дело кончилось миром. Мы разобрали баррикады, и нам дали списки с указанием, кто куда отправляется»³⁷⁷.

12 мая 1902 г. Дзержинского отправили в Верхоленск с партией заключенных (44 человека). Дорога предполагалась продолжительной, до полутора месяцев, так как до Вилюйска предстояло проехать еще 4 тысячи верст. Дзержинский надеялся, что ему дадут возможность немного подлечиться в Якутске, так как здоровье его вновь ухудшилось³⁷⁸. Так же он намеревался использовать свою болезнь для подготовки побега.

Первоначально путь проходил на телегах и пешим порядком. Маршрут пролегал от Александровского централа до Качуга,³⁷⁹ пристани Лены, где ссыльные должны были пересечь на паузки³⁸⁰ и далее плыть по течению три тысячи верст до Якутска. К этому времени количество человек в этапе сократилось за счет поселенных вдоль линии железной дороги. Например, Церетели остался недалеко от Иркутска. Первоначально настроение было восторженное: из Александровского ехали с песнями и красным знаменем, которое находилось у Дзержинского. Постепенно настроение ухудшилось. «Была весна, но по утрам в кадке с водою плавали куски льда, и было холодно. Этапные избы были мрачны. Грязь была такая,

³⁷⁴ Чулков Г. И. Годы странствий... С. 45.

³⁷⁵ Чулков Г. И. Годы странствий... С. 45–46.

³⁷⁶ Трушин Н. И. Восстание в Александровском центре // Енисей. 1972. № 2. С. 59.

³⁷⁷ Чулков Г. И. Годы странствий... С. 46; Следует заметить, что власти сделали определенные выводы из событий. Когда в феврале 1904 г. политссыльные Якутска, доведенные до отчаяния мелкими притеснениями, заперлись в доме инородца Романова, власть применила силу. В результате со стороны войск погибло двое, со стороны забаррикадовавшихся в доме — один убитый и один раненый. Все задержанные были преданы суду за вооруженное восстание // *Береништам*. Около политических. Из путевых впечатлений поездки в «гиблые места» — Якутскую область. СПб, 1908. Предисловие. VII–VIII.

³⁷⁸ Дзержинский Ф. Дневники и письма. М., 1984. С. 37.

³⁷⁹ Качуг — сибирское село в Иркутской губернии, расположенное на обоих берегах реки Лены.

³⁸⁰ Паузок — медленная баржа, на которой вплотную до борта построен дощатый сарай с плоской крышей. Корабельную снасть составляют два огромных весла, рассчитанных на шесть гребцов, и одно кормовое.

что, уронив пяточок на пол, мы теряли его безвозвратно: такой слой жидкой грязи лежал на полу избы. Спали все вместе, мужчины и женщины, на общих нарах, не раздеваясь, конечно. Таких тюрем до Качуга, если не ошибаюсь, было пять»³⁸¹.

Дзержинский часто подсаживался к Чулкову на телегу и, слыша чей-то, казавшийся ему несодержательным разговор, шептал последнему на ухо свою любимую ироническую присказку «люблю красноречие и буржуазию». Чулков вспоминал: «Дзержинского я запомнил. Он был тогда стройным, худощавым, гибким. Несмотря на революционную непримиримость и решительность, было в нем что-то польско-женственное и, пожалуй, что-то сентиментальное. Он, кажется, сам это чувствовал и стыдился и боялся этого в себе. Он и Сладкопевцев казались мне характернейшими людьми революции, как я ее тогда понимал. В двух моих рассказах, напечатанных задолго до нашей революции, – «На этапах» и «Пустыня» – я зарисовал типы «подвижников» революции. Я имел тогда в виду Сладкопевцева и Дзержинского»³⁸².

На одном из первых этапов жандармы привезли еще одного арестованного. «Это был В. Е. Попов, прославившийся впоследствии своими корреспонденциями о Спиридоновой, о карательных отрядах и пр., журналист, известный под псевдонимом Владимирова. Он работал тогда как инженер и занимал в Москве видный пост. Он ехал с большим комфортом – с какими-то коврами, самоварами, несессерами, чуть ли не со специальными курортными нарядами, угощал нас ликерами и вообще нарушил своею особою наш арестантский стиль... Два жандарма, которые привезли Попова из Иркутска, послужили поводом для нашего третьего бунта. Дело было в том, что у нас готовился побег. Собирались бежать Дзержинский, Сладкопевцев и Скрыпник. Дзержинский и Сладкопевцев отложили свой побег до Верхотурска, а Скрыпник спешил осуществить свой план. Конвойные нисколько этому не мешали; жандармы, напротив, были зорки и опасны. И вот мы предъявили требование об удалении жандармов, которые, мол, напрасно нас раздражают. Не все были посвящены в план побега. Многие настаивали на удалении жандармов от избытка бунтарских чувств и настроений. Тогда выяснилось, что из Иркутска пришла бумага к нашему конвойному офицеру, на этот раз вовсе не двусмысленная, в коей рекомендовалось расстрелять партию, ежели она будет вести себя по-прежнему, то есть не считаясь ни с какими правилами сибирских этапов. Очевидно, у начальства лопнуло, наконец, терпение, и оно решило не церемониться со строптивыми арестантами. На одном из этапов была сходка, где мы решали вопрос о том, настаивать или нет на требовании нашем. В избе было мрачно, тускло горела коптящая лампочка. Настроение было подавленное. Все чувствовали, что дело идет на сей раз о жизни и смерти. Решено было, однако, не сдаваться и не уступать. Офицер терпеливо ждал конца сходки. Мы сообщили ему наше решение, поразившее его, по-видимому. Мы не знали, что будет. Солдаты стояли вокруг с винтовками и, кажется, тоже чувствовали, что дело принимает серьезный оборот. Тогда добродушный офицер, подумав, приказал жандармам следовать на каком-то почтенном расстоянии, чуть ли не десяти верст, что никак не могло помешать побегу. На это мы, разумеется, согласились. И Скрыпник благополучно бежал. Две ночи мы клали чучело на нары, и конвойные, пересчитывая арестантов, не замечали побега. А когда побег выяснился наконец, офицер наш запил горькую и на паузках уже ехал всю дорогу мертвецки пьяный. Моя жена догнала меня на пароходе, и я должен был получить разрешение на присоединение ее к партии, и вот страж наш долго не мог понять моего заявления, а когда сообщил, в чем дело, защелкал шпорами, не будучи в силах подняться с постели, выражая, очевидно, свое почтение к даме и согласие на присоединение ее к партии. Я по крайней мере так это понял, и жена моя села на паузок. Хороший был человек офицер. Его судили военным

³⁸¹ Чулков Г. И. Годы странствий... С. 46.

³⁸² Чулков Г. И. Годы странствий... С. 46–47.

судом, но мы своими показаниями выручили его как-то, и он не пропал: служил впоследствии благополучно на железной дороге.

Где-то недалеко от Качуга встретила нас колония политических. Бронштейн-Троцкий опередил товарищей. Его я увидел первого. Он шел один, махая фуражкой и крича приветствия...»³⁸³. Л. Д. Троцкий, тогда еще не носивший своего известного партийного псевдонима, встретивший партию ссыльных с Дзержинским на пересылке в Качуге в 1902 г., также оставил воспоминание об этом событии: «Весной, когда по Лене прошел лед, Дзержинский перед посадкой на паузок в Качуге, вечером у костра читал на память свою поэму на польском языке. Большинство слушателей не понимало поэмы. Но насквозь понятно было в свете костра одухотворенное лицо юноши, в котором не было ничего расплывчатого, незавершенного, бесформенного. Человек из одного куска, одухотворенный одной идеей, одной страстью, одной целью»³⁸⁴.

«Конвойный офицер на ночь передал охрану партии местной полиции, и наш отряд был окружен стражниками-бурятами, которые с зловонными трубками во рту сидели у костров, поджав под себя ноги, как будды, ко всему презрительно равнодушные.

Дрожали золотые ресницы звезд, и казалось, что небо смотрит на табор наш миллионными зорких глаз. На рассвете застучали топоры. Это достраивали паузки, на которых предстояло нам плыть по великой реке три тысячи верст.

Не все из нашей партии дошли до Качуга. Многих поселили по линии железной дороги. На паузок сели политические, которых отправляли в Якутскую область, – человек сорок, если не ошибаюсь. Среди нас были: Сладкопевцев, Дзержинский, Урицкий, Сыромятников, Ховрин, Игорь Будилович, Бибергаль, Швейцер, Касаткин, Сбитников, Столыпин, Попов и др.»³⁸⁵.

На корабельной палубе было утверждено красное знамя, за которое отвечал Дзержинский и Сладкопевцев. В Верхноленске они высадились 22 мая и остались там, сказавшись больными, оставив красное знамя на паузке в распоряжении Ховрина. Следует отметить, что Дзержинский не симулировал болезнь, дорога его сильно изнурила, хотя он и писал сестре Альдоне из Верхоленьска про места своего пребывания, что «...климат здесь довольно хороший. Вообще Сибирь влияет на легкие неплохо»³⁸⁶.

12(25) июня 1902 г. по пути следования к месту ссылки в город Вилюйск Якутской области состоялся второй побег Феликса Дзержинского. Он бежал вместе с эсером Михаилом Дмитриевичем Сладкопевцевым³⁸⁷, членом террористического крыла в эсеровской партии. Позднее об этом побеге Дзержинский напишет рассказ, который высоко оценил с художественной точки зрения М. Горький.

Согласно Дзержинскому, он и Сладкопевцев, погасив огонь в избе, после полуночи вылезли через окно во двор. На берегу реки они в полной темноте нашли лодку: им предстояло проплыть до 9 часов утра не меньше 15 миль по Лене. Около 6 часов утра их лодка налетела на сук, торчавший из воды. Дзержинский оказался в быстрине, пальто стало вмиг тяжелым; он ухватился за ветку, но она сломалась. Собрав последние силы, Дзержинский выпрыгнул из быстрины и ухватился за второй сук, но и она сломалась... Сладкопевцев, каким-то чудом выброшенный на камни, ухватил Дзержинского за воротник пальто, когда тот уже тонул, и поднял его к дереву. Едва не утонув, беглецы оказались на речном острове.

³⁸³ Чулков Г. И. Годы странствий... С. 47–48.

³⁸⁴ Троцкий Л. Ф. Дзержинский // А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. Силуэты: политические портреты. М.: Политиздат, 1991. С. 292–293; Лев Бронштейн (известный позднее как Троцкий), отбывавший ссылку в Верхоленьске, 21 августа 1902 г. бежал из ссылки, в Иркутске получив фальшивый паспорт на имя Троцкого.

³⁸⁵ Чулков Г. И. Годы странствий... С. 49.

³⁸⁶ Дзержинский Ф. Дневники и письма. М., 1984. С. 38.

³⁸⁷ М. Д. Сладкопевцев умер в 1913 г. в эмиграции во Франции.

Утром за 5 рублей крестьяне перевезли их на берег. Дзержинский и Сладкопевцев представились потерпевшими крушение купцами, ехавшими в Якутск за мамонтовой костью. На телеге они доехали 10 верст до села, а затем на перекладных до следующего населенного пункта. Их история также следовала с ними. В одной из деревень их пытались остановить, но Дзержинский накричал на старосту «посмеявшего» задержать «честных купцов», грозя всяческими бедами. Затем он присел писать жалобу генерал-губернатору, комментируя каждое написанное слово, в конце призвав крестьян поставить подписи как свидетелей чинимых препятствий. В результате мужики разбежались, а староста пошел на попятную, выделив сразу же лошадей для «господ купцов». Это было последнее испытание для беглецов. Через несколько дней они уже сели в поезд, и вскоре Дзержинский уже был в Литве. Весь путь продолжался 17 дней, в отличие от двух месяцев поездки в ссылку³⁸⁸.

Получив сведения о побеге Дзержинского, Департамент полиции принял меры к розыску сбежавших. 26 июня 1902 г. был разослан Циркуляр Департамента полиции № 4317 начальникам губернских жандармских управлений, в котором говорилось:

«Подлежащие по высочайшим повелениям, за государственные преступления, высылке под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь: Феликс Дзержинский и Михаил Сладкопевцев с пути следования на места водворения скрылись.

О названных лицах имеются следующие сведения:

1. Дзержинский, Феликс Эдмундович, дворянин г. Вильны, вероисповедания римско-католического, родился 30 августа 1877 года в имении Дзержиново, Ошмянского уезда, Виленской губернии, воспитывался в 1-й Виленской гимназии, откуда вышел в 1896 году из VIII класса; холост, родители умерли, братья: Станислав – окончил курс в С.-Петербургском университете. Казимир – бывший студент Юрьевского ветеринарного института, где проживает, неизвестно; Игнатий – студент Московского университета; Владислав – ученик 6-й С.-Петербургской гимназии и сестры – Альбина, по мужу Булгак, проживает в имении мужа близ города Бобруйска Минской губернии, и Ядвига, по мужу Крушелевская, живет в имении в Поневежском уезде.

В 1897 году привлекался при ковенском губернском жандармском управлении к дознанию по обвинению в распространении среди рабочих социально-революционных идей и, по высочайшему повелению 12 мая 1893 года, выслан под гласный надзор полиции в Вятскую губернию на 3 года и водворен на жительство в с. Кайгородском, Слободского уезда, откуда в августе 1899 года бежал, 23 января 1900 года арестован в числе участников сходки рабочих в гор. Варшаве и вновь привлечен при варшавском губернском жандармском управлении к дознанию по обвинению в социалистической пропаганде среди фабричных рабочих, и, по высочайшему повелению, последовавшему в 20 день октября 1901 года по вменении в наказание предварительного содержания под стражей, подлежал подчинению гласному надзору полиции с высылкой в Восточную Сибирь на пять лет и оставлением без дальнейшего исполнения воспоследовавшего о нем высочайшего повеления, 12 мая 1893 г. По пути следования на водворение в Вилейский округ Якутской области 12 июня 1902 года из Верхотенска скрылся.

Приметы Дзержинского:

Рост 2 арш. 7 5/8 вершка, телосложение правильное, цвет волос на голове, бровях и пробивающихся усах темно-каштановый, по виду волосы гладкие, причесывает их назад, глаза серого цвета, выпуклые, голова окружностью 13 вершк., лоб выпуклый в 2 вершка, лицо круглое, чистое, на левой щеке две родинки, зубы все целы, чистые, рот умеренный, подбородок заостренный, голос баритон, очертание ушей вершок с небольшим.

³⁸⁸ Дзержинский Ф. Э. Побег // Феликс Дзержинский. Дневники и письма. М., 1984. С. 39–48.

Фотографические карточки Дзержинского и Сладкопевцева будут разосланы дополнительно при циркуляре от 1 июля сего года.

Исп. должн. директора Департамента полиции А. Лопухин.
Заведующий отделом Л. Ратаев».

За исключением небольших неточностей (вместо Альдоны – Альбина, вместо Ядвиги Кушелевской – Крушелевская), департамент дал точную информацию о Дзержинском и его родственниках на тот момент...

На пути к первой революции

Вернувшись из ссылки в Литву, Дзержинский явился в деревню Поплавы Минской губернии, к двоюродной сестре Станиславе Богуцкой. Позднее она рассказывала родной сестре Феликса Дзержинского Альдоне обстоятельства этого посещения, которая потом пересказала их в своих воспоминаниях: «В один сентябрьский полдень 1902 года³⁸⁹ неожиданно в дом вошел Феликс. Вид у него был усталый, одежда порвана, на ногах дырявые сапоги, ноги опухли от долгой ходьбы. Но, несмотря на усталость, Феликс был весел и очень доволен своим возвращением. Он сразу начал играть с детьми, которых очень любил. Умывшись и переодевшись, он вместе со всеми сел обедать. Во время обеда Феликс много рассказывал о ссылке, о том, как он бежал со своим товарищем в лодке. На следующий день он отправился к своим друзьям Гольдманам,³⁹⁰ а затем уехал в Краков»³⁹¹. Сама Станислава Богуцкая вспоминала другие подробности приезда кузена: «Приехал он однажды инкогнито под видом старшего брата, инженера Казимира, который в то время имел уже значительную лысину. Каково же было удивление нашей домашней работницы, когда она увидела густой чуб Фелека. Но наибольший интерес проявился у моего лысеющего кузена, который начал расспрашивать Фелека о средстве для роста волос. Тогда Фелек со всем остроумием дал следующий рецепт: «На ночь смазывать кожу на голове нефтью с луком», что кузен немедленно и сделал при большом негодовании своей жены»³⁹². Она же вспоминала: «А когда я его однажды уговаривала, чтобы он отдохнул от этих дел, то он мне ответил: «Ты не понимаешь, что это является моей жизнью. Если я прекращу партийную работу, то буду как рыба, которую выбросили из воды. Это моя стихия, это мое любимое, необходимое для жизни занятие. А в тюрьмах – это только мой отдых...» А после этого разговора, желая меня расшевелить, начал двигать ушами, что ему исключительно нравилось. Но так как он любил со мной пошутить, то и я выступила со своим талантом шевеления носом. Мы так весело спорили, чем труднее двигать – ушами или носом, конечно, смеха при этом было немало, т. к. у Фелека был необыкновенный, свойственный только ему юмор»³⁹³.

Перед самым отъездом за границу Дзержинский приехал к Альдоне и ее мужу Гедымину Булгак в Мицкевичи Слуцкого уезда Минской губернии. «Возвращаясь с прогулки с детьми, я увидела Феликса, сидящего у нас на крыльце. Несказанно обрадованная, я бросилась его обнимать, а он шепнул мне: «Я Казимир». Четырехлетний сын мой очень удивлялся, что я называю его то Казик, то, забывшись, Феликс, и спрашивал: как же зовут дядю? Феликс всегда был очень осторожным и просил меня называть его Казимиром, чтобы кто-нибудь случайно не узнал, что он здесь. Через два-три дня Феликс уехал за границу, и я стала получать от него письма из Швейцарии», – так описывала эту встречу Альдона³⁹⁴. В Мицкевичах, в гостях у сестры, Дзержинский ходил в лес по грибы, играл с детьми, просто отдыхал³⁹⁵.

³⁸⁹ Речь, с учетом иного стиля, идет о более раннем периоде.

³⁹⁰ Семья Юлии Гольдман, в которую он был влюблен. Ее брат, Гольдман Марк Исакович (1880–1937), с 1896 г. член социал-демократической партии Литвы, с 1897 г. – один из лидеров Бунда. Впервые арестован в 1899 г. С 1900 г. в эмиграции. В 1903 г. – глава делегации Бунда на 2-м съезде РСДРП, меньшевик. Известен под партийным псевдонимом Либер. Старший брат Юлии Гольдман Борис Исакович Гольдман известен как организатор одного из первых социал-демократических кружков в Вильно, его псевдоним – Горев.

³⁹¹ Дзержинская-Кояллович А. Воспоминания сестры // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 39.

³⁹² Цит. по: Федоткина Т. Палач королевства любви // Московский комсомолец. 1998. 5 сент.

³⁹³ Цит. по: Федоткина Т. Палач королевства любви // Московский комсомолец. 1998. 5 сент.

³⁹⁴ Дзержинская-Кояллович А. Воспоминания сестры // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 39.

Но еще до поездки в Швейцарию, как вспоминала Альдона, Дзержинский приезжает в Германию. В Берлине он впервые познакомился с руководителями СДКПиЛ – известными революционерами Розой Люксембург, Юлианом Мархлевским, Адольфом Варским и Яном Тышкой. Все они станут его верными товарищами и друзьями по революционной борьбе, а портрет Розы Люксембург будет до самой его смерти находиться в личном кабинете на Лубянке.

1–4 (14–17) августа 1902 г. в Берлине Дзержинский участвует в работе конференции СДКПиЛ, где он был избран в состав Заграничного комитета в качестве секретаря. На конференции было принято решение об издании нелегального печатного органа партии под названием, предложенным Дзержинским: «Червоны штандар» («Красное знамя»). В первом же номере газеты был помещен рассказ Дзержинского «Побег», в котором он излагал обстоятельства своего второго побега из ссылки. В дальнейшем предполагалось деятельное участие Дзержинского в издании и распространении этого печатного органа.

В конференции участвовали, помимо вышеперечисленных лиц, Я. С. Ганецкий и представитель краевой организации СДКПиЛ И. С. Уншлихт. «Все мы впервые встретились тогда с Дзержинским. Он пленил нас своей преданностью, кипучей энергией, революционным пламенем. После заседания мы беседовали до глубокой ночи. Он обнаружил прекрасное знание психологии рабочих масс, интеллигенции. Последней мало доверял», – вспоминал Ганецкий³⁹⁶. Это будет их первая встреча. В дальнейшем их жизненные пути еще не раз будут пересекаться, а Уншлихт даже станет родственником Дзержинского. Они будут женаты на двоюродных сестрах.

Вскоре после конференции Феликс выезжает с целью поправки здоровья в Швейцарию. Это не была его инициатива. Всячески советовало это ему сделать руководство партии, видя с одной стороны состояние здоровья Дзержинского, а с другой испытывая его постоянные нападки на конференции, где молодой Дзержинский подверг критике руководство партии за пассивность революционной работы на российской территории и сосредоточенность на заграничных делах: «Я ополчился против бездействия партии в Польше», – вспоминал позднее Дзержинский³⁹⁷. Вновь, как в начале своего революционного пути, он мешал руководству своей чрезмерной активностью.

Примерно 10 августа (23 августа) 1902 г. он приезжает в Женеву. Здесь в Женеве он встретился с Марией Войткевич-Кржижановской, бывшей участницей гимназического кружка, которым он в далеком 1894 г. руководил. «Он был болен туберкулезом и считал, что его дни сочтены. Изнуренный, ссутулившийся, с пересохшими от лихорадки губами, он вовсе не думал о том, чтобы беречь себя... Однажды в стакан, из которого он только что пил, я налила себе молока (у меня был только один стакан). Он с возмущением вырвал стакан из рук. – Мне приходится умирать, – сказал он, подчеркивая слово «приходится», – а вам-то жить!», – вспоминала она³⁹⁸. Здесь же в Швейцарии он посещает в туберкулезном санатории Юлию Гольдман.

В Швейцарии Дзержинский много путешествует, перемещаясь из одного города в другой. Из швейцарского города Лейзена, где проживала Гольдман, 13 августа он пишет письмо Альдоне, в котором с теплотой вспоминает недолгое время, которое пробыл среди ее семьи. Он просил поцеловать от его имени детей, «от дяди, который не любил, чтобы ему целовали

³⁹⁵ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 50.

³⁹⁶ Ганецкий Я. Феликс Дзержинский. М., 1926. С. 14–15.

³⁹⁷ Пролетарская революция. 1926. № 9 (56) С. 33.

³⁹⁸ Войткевич-Кржижановская М. О себе он не думал // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 47.

руки», и выслать их фотографии³⁹⁹. Здесь же в Швейцарии Дзержинский встретил свое двадцатипятилетие. В сентябре он вновь уже в окрестностях Женевы.

В Швейцарии Дзержинскому доктора пытались улучшить здоровье, в первую очередь решить проблему туберкулеза, для лечения которого горный воздух считался полезным. Учитывая состояние здоровья Дзержинского, вскоре его направили лечиться в австрийскую Польшу в Закопане⁴⁰⁰, в санаторий для студентов «Братская помощь». Здесь он пробыл более двух месяцев: с ноября по декабрь 1902 г. Его товарищ по революционной борьбе Б. Кошутский вспоминал позднее: «Узнав, что у Феликса больные легкие и ему угрожает туберкулез, я связался с ним через Юлиана Мархлевского, предложив приехать в Закопане для лечения и отдыха. В то время я был ассистентом в санатории «Братской помощи»⁴⁰¹ для студентов в Закопане. Используя свое положение, я записал Феликса в санаторий как учащегося зубо-врачебного училища, под именем Юзефа Доманского. Имя Юзеф осталось у Феликса навсегда как его основная партийная кличка. После приезда Феликса в Закопане мы вместе с главным врачом санатория Жухонем подвергли его медицинскому обследованию и установили, что состояние его легких не вызывает опасений за жизнь... У молодежи в санатории Феликс пользовался большой симпатией. Пробыл он там всего два или три месяца»⁴⁰². Отметим, что фамилию Доманского и паспорт на нее Дзержинский в дальнейшем часто использовал для нелегальных поездок...

Помимо лечения Феликс Дзержинский в Закопане увлеченно собирал для последующего издания революционные стихи и песни. По этому поводу он даже писал в Париж известной польской социалистке Ванде-Цезарине Войнаровской⁴⁰³, прося ее прислать революционные песни французских рабочих. Впоследствии сборник Дзержинского под заглавием «Песни борьбы и труда» вышел на польском языке в 1905 г.⁴⁰⁴ В этом же письме Цезарине Войнаровской он писал, что хотел бы как можно скорее вернуться в Польшу на подпольную работу и отдать борьбе за дело социализма «уже последние свои силы»⁴⁰⁵. Таким образом очевидно, что затянувшееся лечение все больше тяготило Дзержинского.

14 декабря 1902 г. Феликс Дзержинский писал сестре Альдоне: «Уезжаю из Закопане. Два месяца лечения значительно мне помогли, я поправился, меньше кашляю, отдохнул. Тянет меня в город, могу и в Кракове за эти самые деньги жить хорошо. Теперь зима, а климат там нездоровый только летом и весной, пропитание же дешевле, нежели здесь, в Закопане, даже в «Братской помощи». 30 и 31 еду в Краков, однако письма прошу писать в Закопане, как до сих пор, пока не пришлю новый адрес...»⁴⁰⁶.

Однако, согласно воспоминаниям Б. Кошутского, Феликс Дзержинский уехал все же уже после 1 января, получив какую-то телеграмму. Через две или три недели он приехал в Краков. Он поселился здесь под именем Юзефа Подольского на улице Згода (Согласия), в доме № 1, на третьем этаже, заняв комнату рядом с Б. Кошутским⁴⁰⁷. Здесь он руководил

³⁹⁹ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 50.

⁴⁰⁰ Курорт в Польше в Татрах, самый высокогорный в Польше.

⁴⁰¹ Студенческой организации «Братская помощь».

⁴⁰² Кошутский Б. В начале пути // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 43–44.

⁴⁰³ Ванда-Цезарина Константиновна Войнаровская (1861–1911) – польская социалистка, проживала в Париже с 1889 г., где с 1893 г. руководила «Заграничным обществом социал-демократов царства Польского». В 1900–1904 гг. представляла СДКП/Л во II Интернационале. Лев Дейч говорил, что знал только двух женщин, ее и Веру Засулич, которые читали и могли обсуждать «Капитал» Карла Маркса.

⁴⁰⁴ Дзержинская С. С. Пламенный революционер // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 31.

⁴⁰⁵ Дзержинская С. С. В годы великих боев. 2-е изд., испр. и доп. М... 1975. С. 446.

⁴⁰⁶ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 54.

⁴⁰⁷ Кошутский Б. В начале пути // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 44.

перевозкой нелегальной литературы и ее распространением. Это было давнее поручение, да и знакомая работа для Феликса. Главное же для Феликса было работать на польской территории, а не в берлинском штабе польской социал-демократии.

9 февраля 1903 г. он из Кракова пишет сестре Альдоне: «Правда, здесь тоже родная сторона, польская, но жизнь здесь так тянется и так отличается от нашей. Люди здесь только и знают, что по целым дням сидят в кабаках. И часто хочется мне бросить весь этот Краков с его историческими памятниками, кабаками, сплетнями и сплетниками. А, однако, я должен сидеть здесь и буду сидеть. Возмущаюсь я ужасно, но ничто не помогает и только разрушает мое здоровье. Так и живу со дня на день, не лучше, чем во времена оны, с той лишь разницей, что могу работать немного свободнее»⁴⁰⁸.

В марте 1903 г. Дзержинский и Кошутский переехали на Флорианскую улицу, дом 41 или 43, поселившись при канцелярии Товарищества народного университета имени А. Мицкевича, где Кошутский работал секретарем⁴⁰⁹. Несмотря на их сложившиеся дружеские отношения, для Дзержинского на первом плане всегда стояли партийные дела. Однажды Кошутский сообщил Дзержинскому о своем обручении с невестой. Реакция Дзержинского была неожиданной для друга: сначала, душевно поздравив друга с важным событием, он незамедлительно предложил Кошутскому возить очередной транспорт с нелегальной литературой в Варшаву, уверяя с полной серьезностью, что теперь тот будет очень осторожен, как никто другой. Поездка закончилась действительно благополучно...⁴¹⁰.

Подобную требовательность Дзержинский применял и к себе. В этот период Дзержинский работает в Кракове как заграничный представитель Главного правления СДКПиЛ, руководя изданием газеты «Пшегленд социал-демократичны» («Социал-демократическое обозрение») и посылая корреспонденцию в газету «Червоны штандар». Редакторская работа требовала постоянных разъездов, и в 1903–1904 гг. Дзержинский достаточно часто покидает Краков, выезжая в другие польские города и за границу.

Из-за напряженной работы вновь ухудшилось состояние здоровья. В конце апреля 1903 г. он вновь приезжает на лечение в Швейцарию, в Кларан. «Итак, я теперь в Швейцарии. Я хотел уже выехать из деревни в город, но знакомые отговорили меня, и я здесь пробуду, наверное, еще весь май. Опять, значит, я в горах над Женевским озером, вдыхаю в себя чистый горный воздух и великолепно питаюсь. Скверная это вещь, носить в себе врага⁴¹¹, который преследует тебя по пятам; лишь на мгновение удастся забыть о нем, но потом он опять напоминает о себе. Врачи говорят, что можно избавиться от него при правильном лечении, хорошем питании, строгом соблюдении режима. Я думаю, что за месяц я прекрасно поправлюсь»⁴¹². Пребывание в Швейцарии продлилось почти два месяца.

12–16 июля (25–29 июля) 1903 г. в Берлине Ф. Э. Дзержинский участвует в работе IV съезда СДКПиЛ, на котором было принято решение об объединении СДКПиЛ с РСДРП. «Дзержинский волновался при обсуждении этого вопроса и очень обрадовался, когда единогласно было принято решение послать делегацию на начавшийся II социал-демократии», – вспоминал Я. С. Ганецкий⁴¹³. Впрочем, представители партии на съезде так и не вошли в РСДРП. Самого же Дзержинского избрали в состав Главного правления СДКПиЛ.

жинском. М., 1967. С. 44.

⁴⁰⁸ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 54–55.

⁴⁰⁹ Кошутский Б. В начале пути // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 44.

⁴¹⁰ Зубов Н. Ф. Э. Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 50.

⁴¹¹ Туберкулез легких.

⁴¹² Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 55–56.

⁴¹³ Ганецкий Я. Феликс Дзержинский. М., 1926. С. 28.

Как уже отмечалось, Феликс часто в этот период разъезжает по партийным делам по Восточной и Центральной Европе. Наиболее частыми были его поездки в это время из Кракова в Берлин, где базировалось руководство партии. Так, 29 ноября 1903 г., 6 марта 1904 г. Дзержинский находился в Берлине⁴¹⁴. Неоднократно он нелегально выезжал в 1903–1904 гг. и в «Российскую Польшу»: в Варшаву, Ченстоховы, Лодзь, Домбровский угольный район⁴¹⁵.

Поздней весной 1904 г. он вновь выезжает в Швейцарию, на этот раз не по партийным делам и не на лечение, а по личным мотивам. Здесь, как уже упоминалось, находилась на лечении его возлюбленная или, как он ее называл, «его невеста» – Юлия Гольдман. Состояние ее здоровья резко ухудшилось, был очевиден близкий печальный конец. Вместе с Михаилом Гольдманом он находился рядом с ней вплоть до ее смерти. 3 (16) июня, уже из Кракова, в своем письме он сообщил эту печальную весть сестре Альдоне:

«Дорогая Альдона!

Твое последнее апрельское письмо я получил. Не отвечал тебе, так как опять должен был поехать в Швейцарию. Юля⁴¹⁶ скончалась 4/VI, я не мог отойти от ее постели ни днем, ни ночью. Страшно мучилась. Она умирала в течение целой недели, не теряя сознания до последнего мгновения. Вчера я вернулся обратно в Краков, где, вероятно, пробуду долгое время. Адрес мой старый. Вчера получил также письмо от Игнася. Теперь страшная жара, здесь в городе противно, и я рад за тебя, что ты вырвалась из города, отдохнешь и детям будет где поиграть. Пишу тебе лишь открытку, так как не мог бы написать больше.

Крепко целую тебя и детей.

Твой Юз[еф]»⁴¹⁷.

Дзержинский сильно переживал смерть Юлии Гольдман. Он чувствовал себя плохо физически и морально, на него нашла апатия, нежелание делать хоть какую работу. Ему хотелось выехать куда-нибудь в деревню, на природу, но он должен был оставаться в душном летнем Кракове и продолжать свою работу, продолжать свою жизнь. Жизнь подготовила ему еще один удар: осенью умерла его племянница Елена, дочь Альдоны, которую он очень любил. Эту внезапную смерть он также сильно переживал: «Альдоночка моя, твое горе – это мое горе, твои слезы – это мои слезы»⁴¹⁸. «Никто меня к этому не понуждает, это лишь моя внутренняя потребность. Жизнь отняла у меня в борьбе одно за другим почти все, что я вынес из дома, из семьи, со школьной скамьи, и осталась во мне лишь одна пружина, которая толкает меня с неумолимой силой...»⁴¹⁹.

Не улучшало морального состояния Дзержинского и поведение некоторых товарищей по революционному движению в Кракове. Громким скандалом завершилось разбирательство в отношении Карла Радека, с которым Дзержинский был, согласно мемуарам Радека 1927 г., знаком с февраля-марта 1903 г. Товарищ Зембатов позднее подробно в 1912 г. на очередном деле Радека рассказывал об одном из обвинений (кража книг): «С приближением праздничных дней я хотел покинуть Краков. Карл Радек не имел квартиры для ночлега, поэтому я дал ему ключи от своей квартиры с тем, чтобы ему было где переночевать. У меня в квартире много книг; наиболее ценные были в закрытой коробке, в том числе труд Струве «История философии», принадлежавший не мне. Когда я вернулся, Карл Радек уже подыскал себе другую квартиру и больше у меня не ночевал. В какой-то момент владелец книги

⁴¹⁴ Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 56, 58.

⁴¹⁵ Дзержинская С. С. В годы великих боев. 2-е изд., испр. и доп. М., 1975. С. 27.

⁴¹⁶ Юлия Гольдман.

⁴¹⁷ Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 58–59.

⁴¹⁸ Фролов Сильвия. Дзержинский. Любовь и революция. М., 2017. С. 108.

⁴¹⁹ Феликс Дзержинский. Дневник заключенного. Письма. М., 1984. С. 50.

потребовал книгу обратно... Тут я и обнаружил отсутствие книги, чем был очень огорчен, ибо книга стоила дорого (10 крон), а издание редкое. Я уже не говорю о том, что, кроме этих книг, отсутствовали кое-какие другие. Через некоторое время, две-три недели, коллега Вессербергер, владелец книги, известил меня о том, что он нашел ее и знает, кто вор. Владелец книги рассказал, что когда искал один учебник в антикварной лавке Диаманда на Шпитальгассе, то увидел пропавшую книгу сочинений Струве, которую узнал по нескольким знакомым ему пятнышкам. Он просмотрел ее и заметил на последней странице дату поступления книги в лавку и имя продавшего ее человека Карл... (это была запись антиквара). Когда я узнал об этом, то обратился к Радеку с требованием возврата мне книги. Я написал ему по этому поводу письмо. Он ответил мне руганью. Возникла необходимость судебной проверки этого дела. Такой суд состоялся. Суд официально установил, что Радек действительно продал книгу (два представителя суда установили это у владельца лавки Диаманда). Приговор повлек бы за собой исключение Радека из союза «Рух» и падение в глазах коллег и среди членов партии. Поэтому ко мне обратились коллеги Мозцоро и Доманский с ходатайством прекратить официальное рассмотрение дела, дабы не порочить честь и будущее коллеги. Радек обещал, что отныне он будет честен и возместит ущерб. По этим мотивам и по просьбе Мозцоро и Доманского я прекратил дело. Я должен сказать, что товарищ Радек не только не возвратил мне книгу, но и не выполнил ни одного из данных мне обещаний». В данном фрагменте упомянута фамилия Доманского, под которой жил Дзержинский.

Это не было единственным эпизодом «Дела Радека». К делу спустя несколько лет приложили материалы о краже и продаже книг из редакции «Naprzod», где работал Радек. Карл Радек признавал позднее: «Единственное, в чем меня могут обвинить в этой области, это случай, когда я взял на время некоторое количество хлама книг, которые были присланы в редакцию для рецензий и свалены в кучу. В критическом для себя положении в начале 1904 г. я их продал. Исходя из того, что Геккер не сделал это дело достоянием гласности, я заключаю, что об этом не знают». На самом деле продажа книг (якобы взятых тайно на время) принесла, как выяснили на партийном суде, доход. В этих условиях Карл Радек уезжает от обвинителей в Швейцарию. Сам Радек в автобиографии писал о своем отъезде: «После конфликтов с Геккером, на которого я напал на публичном собрании, я уехал в Швейцарию, без копейки в кармане, но с надеждой прокормиться сотрудничеством в марксистском еженедельнике, издававшемся в Варшаве под названием «Глос», в котором руководящую роль играл главный публицист социал-демократии Адольф Барский. В этом журнале я дебютировал в 1904 г. статьей о развитии крестьянского движения в Галиции и начал еженедельно помещать статьи о рабочем движении Запада, рецензии на книги по вопросам польской экономики и международного рабочего движения. Я начал тогда переписываться с Розой Люксембург и был неслыханно горд, когда Барский доверил мне перевод рукописи Каутского, представлявшей вступление к новому изданию «Коммунистического Манифеста»... Осенью, оставив в Кракове неуплаченные долги, с головою, полной веры в будущее, я отправился в Швейцарию». Радек, таким образом, все это считал частным случаем. Дзержинский же остро переживал ситуацию, с этого момента относясь с недоверием к Карлу Радеку.

Отчасти выйти из депрессивного состояния ему помог отдых в ноябре 1904 г. В течение нескольких недель он живет как отшельник у лесничего в нескольких километрах к юго-востоку от Кракова в предгорьях Карпат⁴²⁰.

Прогулки по горным склонам, которые он полюбил с Закопане, успокаивали и улучшали его моральное состояние. К концу года он восстановил свои силы. Он вновь был готов к борьбе, как раз накануне Первой русской революции (1905–1907)⁴²¹.

⁴²⁰ *Зубов Н. Ф.* Э. Дзержинский. Биография. 3-е изд., доп. М., 1971. С. 55.

⁴²¹ *Барский А. Е.* Товарищ Юзеф // О Феликсе Дзержинском: Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд.,

Первая русская революция

31 декабря (13 января) 1904 г. Дзержинский нелегально переезжает из Кракова в Варшаву. «Юзефу никогда не хватало времени и сил, – вспоминал о нем А. Барский, – чтобы уравновесить свою глубокую «веру» с «делами», день был для него слишком коротким, сутки слишком малы, человеческие силы слишком ограничены. Но по мере роста движения и приближения 1905 года Юзеф вырастал в какого-то гиганта воли и энергии, а когда наступили январские дни и он сразу же в январе переехал на постоянную работу в Варшаву, силы его как-то удесятились, он был вездесущий, полон свежей инициативы и энергии, неутомимый, заражающий других своей волей и энтузиазмом. В наступившем разливе революционной стихии, на этом все расширяющемся поле действия, Юзеф жил всеми фибрами души – это была его стихия, его жизнь, кипучая, полная, богатая радостями партийных успехов в нарастающем движении»⁴²².

Толчком к Первой российской революции послужили события 9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге, известные как знаменитое «Кровавое воскресенье». На этот воскресный день в городе была намечена мирная демонстрация «Собрания русских фабрично-заводских рабочих города Санкт-Петербурга» под руководством Г. Гапона. Первоначальное требование восстановить на работе четырех членов организации, уволенных на Путиловском заводе, после того как предприниматели отказались идти на компромисс, вылилось в общегородскую забастовку рабочих, а затем и демонстрацию. Демонстранты написали петицию царю, содержащую многочисленные требования: передача земли народу, дешевые кредиты, прекращение войны с Японией, политическая амнистия, свобода слова, печати, совести, неприкосновенность личности, обязательное всеобщее образование народа за государственный счет, ответственность министров перед народом и законность управления, равенство всех перед законом, отделение церкви от государства, свобода профсоюзов, 8-часовой рабочий день, свобода стачек.

Демонстрация носила не столько политический, сколько социальный характер. В шествии участвовало небывалое для России количество рабочих – 140 тыс. человек. Несмотря на заявленный мирный характер действия, войска открыли огонь, стремясь не допустить демонстрантов в центр города. По официальным (сильно заниженным) данным, 9 января в Санкт-Петербурге было убито 96 человек и 333 ранено. По подсчетам журналистов-очевидцев, убитых и раненых в городе насчитывалось 4,6 тыс. человек.

В ответ на действия властей в городе появились баррикады, начались уличные бои. День, вошедший в историю страны как «Кровавое воскресенье», стал началом первой российской революции. События перекинулись на промышленные центры Российской империи. Забастовки рабочих в знак солидарности с петербургским пролетариатом прошли в Москве, Риге, Тифлисе и многих других городах. Только в Москве бастовало 60 тыс. человек (60 % процентов фабрично-заводских рабочих). При этом в ряде случаев власти шли на повтор петербургских событий, подавляя демонстрации вооруженным путем. Наиболее известным примером такого развития событий стало 13 января 1905 г. в Риге. Демонстранты были вытеснены на лед Западной Двины, где по ним открыли стрельбу. В итоге было 73 убитых и около 200 раненых. 18 января в Томске во время разгона вооруженного выступления рабочих полиция и казаки убили около 200 участников, а ранили 120.

Не стали исключением и польские территории Российской империи, где также произошли выступления рабочих. 14–15 января 1905 г. в Варшаве состоялась всеобщая политическая забастовка под руководством социал-демократов и ППС (в частности, будущего

⁴²² Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. 4-е изд., доп. Минск, 1982. С. 64.

большевика Ф. Кона). В организации демонстрации принимал участие и Ф. Дзержинский. Забастовка оказалась многочисленной: помимо рабочих в ней участвовали учащиеся и служащие. Как и в ряде других городов Российской империи, развитие ситуации на польских территориях приводило к вооруженному противостоянию. В течение двух недель в Варшаве происходили многочисленные столкновения рабочих с полицией и войсками. Согласно официальным данным, за время «беспорядков в Варшаве, при подавлении бесчинств войсками было убито 65 чел., раненых же зарегистрировано 201 чел., из которых 25 чел. умерли. Всего было задержано за участие в беспорядках 733 человека»⁴²³.

Ситуация в Варшаве становилась все более кризисной. Поэтому с 17 января по 15 февраля 1905 г. постепенно все области Польши были переведены на военное положение⁴²⁴. Арест, как минимум, грозил длительным сроком заключения. В этих условиях деятельность Дзержинского и его товарищей в этот период должна была происходить на сверхконспиративных началах. Однако сама революция диктовала расширение круга активных противников царизма. Среди новых варшавских сотрудников Дзержинского была и его будущая жена – Софья Сигизмундовна Мушкат (22 ноября (4 декабря) 1882 – 27 февраля 1968)⁴²⁵. Дзержинский познакомился с ней в начале февраля 1905 г. Как и многие местные революционерки, она происходила «из ополченной еврейской семьи»: ее отец Сигизмунд Мушкат был сыном эконома небольшого поместья под Варшавой, а мать Саломея-Станислава, урожденная Либкинд (Либкинд) (1854–1891). После смерти во время родов первой жены Сигизмунд Мушкат женился на Каролине Шмурло, дочери известного польского художника и переводчика Августина Шмурло, переведшего гомеровскую «Илиаду» на польский язык. Помимо Софьи в семье были другие дети: Станислав, Чеслав, Мариан. Двоюродная сестра Софьи Юлия Мушкат была замужем за Иосифом Станиславовичем Уншлихтом (1879–1938)⁴²⁶. Последний был известным деятелем польского революционного движения, а позднее ВЧК. Семья предполагала для Софьи Мушкат музыкальное образование. Окончив с золотой медалью женскую гимназию, она даже училась в консерватории, но революционные события рассудили иначе. Софья параллельно с музыкой увлеклась революцией.

В начале 1905 г. отношения между Софьей Мушкат и Феликсом Дзержинским были чисто партийные. Иначе и быть не могло: Дзержинский в этот период уже был видным польским революционером, а Софья – еще не так давно вступившей в революционное движение с подачи польской социал-демократки Ванды Краль, молодой девушки и начинающей революционерки, известной как «товарищ Чарна» (Черная). Кроме того, у каждого из них в этот момент были свои личные пристрастия и любимый человек. У Дзержинского это была Сабин Фанштейн, в которую он был сильно влюблен. Вскоре он напишет ей проникновенное письмо: «Я не умею и боюсь писать. Но должен – как должен был купить эту ветку сирени – я должен что-то сказать – сам не могу – не могу выразить в словах того – что, чувствую должен совершить безумие, что должен продолжать любить и говорить об этом. Сдерживаемое – оно взрывается сразу – срывает все преграды и несется как разбушевавшийся поток. Оно принимает мистические формы – мои уста все шепчут: лети, моя освобожденная душа, в голубизну неба – люби и разорвись мое сердце – и унесись в таинственный край – куда-то туда далеко, где бы я видел только Вас и белую сирень – и чудесные цветы, и лазурные небеса, где трогательная, тихая музыка, тихая, как летними вечерами в деревне – неуловимая для уха – наигрывала бы песнь любви»⁴²⁷.

⁴²³ Хацкевич А. Ф. Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского. 4-е изд., доп. Минск, 1982. С. 66.

⁴²⁴ В 1910 году станет женой Ф. Э. Дзержинского.

⁴²⁵ Дзержинская С. С. В годы великих боев. 2-е изд., испр. и доп. М., 1975. С. 7.

⁴²⁶ Фролов С. Дзержинский. Любовь и революция. М., 2017. С. 137.

⁴²⁷ Дзержинская С. С. Пламенный революционер // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе

Однако именно в этот период на квартире Ванды Краль на улице Проста № 36 состоялась первая встреча будущих супругов: Софьи и Феликса. «В залитой солнцем комнате, – вспоминала позднее Софья, – стоял высокий, стройный светлый шатен, с коротко стриженными волосами, с огненным взглядом пронизательных серо-зеленоватых глаз. Это был Феликс Дзержинский, которого я в тот день увидела впервые. Но еще до этой встречи я много слышала о нем от Ванды и других подпольщиков. Настоящего его имени и фамилии я, разумеется, тогда не знала. Он в то время уже был членом Главного правления (ЦК) СДКП-ПиЛ, любимым руководителем польских рабочих. Я слышала легенды о его революционной деятельности, неиссякаемой энергии, о его мужестве. Юзеф поздоровался со мной крепким рукопожатием. Меня удивило, что он знает обо мне, о выполняемых мною партийных поручениях, мою фамилию. Он посмотрел на меня пристально, и мне показалось, что он насквозь меня видит. Как выяснилось, до своего приезда в Варшаву он несколько раз присылал из Кракова нелегальные партийные письма на мой адрес. Я отдала Юзефу принесенную корреспонденцию и, согласно требованиям конспирации, сразу ушла, взволнованная и обрадованная неожиданной встречей»⁴²⁸. Безусловно, встреча с Дзержинским взволновала Софью Мушкат. Однако это волнение было вызвано скорее встречей с известным революционером, а не с конкретным, пускай и привлекательным, мужчиной. Она, Дзержинский, другие польские революционеры, в этот период были больше сосредоточены на революционной деятельности. Им казалось, что еще один решительный натиск, и царизм начнет сдавать свои позиции.

После всеобщей забастовки Дзержинский сосредоточился на организации массовой политической агитации, организуя доставку и выпуск (на самих польских территориях) прокламаций и статей. Также он организует переправку из Берлина в Варшаву гектографов, мимеографов (ротаторов) и другого типографского оборудования⁴²⁹. Налаживает в середине февраля Дзержинский и связи с Военной революционной организацией большевиков. Правда, первоначально он скептически отнесся к ее революционному потенциалу. Я налаживаю с ними связи. Все это еще очень сопливое, – но тем более нам следует обратить на них внимание. Я стараюсь узнать их силы, их самих и т. д. и надо бы нам объединиться»⁴³⁰.

18 апреля (1 мая) 1905 г. Феликс Дзержинский организует в Варшаве двадцатитысячную первомайскую рабочую демонстрацию. С самого начала демонстрация мыслилась им не как очередная годовщина праздника трудящихся, а как начало забастовки и выступления рабочих против самодержавия⁴³¹. Была создана первомайская комиссия, которая должна была подготовить демонстрацию и создать боевую дружину для целей самообороны⁴³². Главное правление СДКПиЛ выпустило для трудящихся Варшавы первомайскую листовку, в которой говорилось: «Польские рабочие! Покажите 1 Мая, что вы знаете свои обязанности, что сумеете встать на высоту своей задачи, что вы понимаете важность настоящего момента! Пусть весь цивилизованный мир увидит, что там, где ведется борьба против царизма, в ней участвует и польский пролетариат. Пусть царское правительство увидит вас, идущих плечом к плечу с русскими рабочими в шеренгах революции! Польские рабочие! Вы знаете, кто ваш враг и кто ваш брат. Ваш враг – царское самодержавие и польско-русские капиталисты. Ваш брат – революционный русский рабочий класс. Да здравствует конституция! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Да здравствует социализм!»⁴³³.

Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 7–8.

⁴²⁸ Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М., 1977. С. 47.

⁴²⁹ Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М., 1977. С. 51.

⁴³⁰ Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М., 1977. С. 66.

⁴³¹ Стецкевич С. М. Первомайская демонстрация в Варшаве в 1905 году // Вопросы истории. 1955. № 5. С. 93.

⁴³² Стецкевич С. М. Первомайская демонстрация в Варшаве в 1905 году // Вопросы истории. 1955. № 5. С. 94.

⁴³³ Стецкевич С. М. Первомайская демонстрация в Варшаве в 1905 году // Вопросы истории. 1955. № 5. С. 95.

Рабочие колонны шли по Варшаве с радикальными лозунгами «Долой царя!», «Долой самодержавие!», распевая революционные песни по улицам города. Последовало незамедлительное жесткое противодействие властей: полиция открыла огонь, в результате которого от 30 до 50 человек было убито, около 100 человек ранено. Впрочем, были жертвы и с другой стороны. Так, в Варшаве в этот день была брошена бомба в казачий разъезд, в результате которого были ранены трое казаков и городской. Были и другие жертвы властей: отряд самообороны демонстрации в ответ на выстрелы начал стрелять из револьверов: был убит один полицейский и солдат⁴³⁴.

Софья Мушкат вспоминала: «Никогда не забуду я кровавую расправу царских властей с рабочей демонстрацией в Варшаве в день 1 Мая 1905 г. На улицы города в тот день вышло свыше 20 тысяч рабочих. Первомайская демонстрация была расстреляна полицией и царскими войсками. Было убито 50 и ранено 100 человек. Убитых увезли в морг. Я поспешила туда. С тревогой думала я о товарищах. Страшное зрелище предстало перед моими глазами в морге. Вдоль всех стен лежали трупы мужчин и женщин, людей разного возраста, был тут даже трупик ребенка»⁴³⁵. Меньшие цифры жертв, но с акцентом на жертвы среди женщин и детей приводил в своих воспоминаниях В. Побуг-Малиновский: «Эта толпа, состоящая главным образом из женщин и даже детей, не оказывала, конечно, никакого сопротивления; уже после первого залпа они разбежались как стая перепуганных птиц, оставив на мостовой 25 убитых и 20 раненых»⁴³⁶. Очевидно, однако, что автор взял эти данные из официального сообщения властей⁴³⁷.

Сам Дзержинский, несмотря на грозящую ему опасность, спасал тяжелораненых демонстрантов, помогая переместить их в больницы⁴³⁸. Уже ночью Феликс созвал Варшавский комитет СДКПиЛ, на котором было принято решение призвать рабочих к забастовке в день похорон убитых демонстрантов. На следующий день на улицы Варшавы вышло 2 тысячи демонстрантов. 4 мая 1905 г. в день похорон жертв первомайской демонстрации в Варшаве прошла всеобщая забастовка. Демонстрации солидарности и забастовки проходили в других городах Польши. Как и ранее, демонстрации часто переходили в столкновения с войсками. Так, в Лодзи во время стычки демонстрантов с полицией и войсками было убито не менее 5 человек, а позднее, после протестной демонстрации, еще не менее 21 человека⁴³⁹.

⁴³⁴ Дзержинская С. С. Пламенный революционер // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 10.

⁴³⁵ Фролов С. Дзержинский. Любовь и революция. М., 2017. С. 120.

⁴³⁶ Варшавский дневник. 1905. 20 апреля (3 мая).

⁴³⁷ Дзержинская С. С. Пламенный революционер // Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М., 1967. С. 10.

⁴³⁸ Фролов С. Дзержинский. Любовь и революция. М., 2017. С. 120.

⁴³⁹ Фролов С. Дзержинский. Любовь и революция. М., 2017. С. 121.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.